

охота

и охотничье хозяйство

4

1990

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

В УСЛОВИЯХ

На первой странице обложки:
Апрель — время вальдшнепиной тяги, охоты с подсадной уткой и глухариних токов.

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
Токующий глухарь.

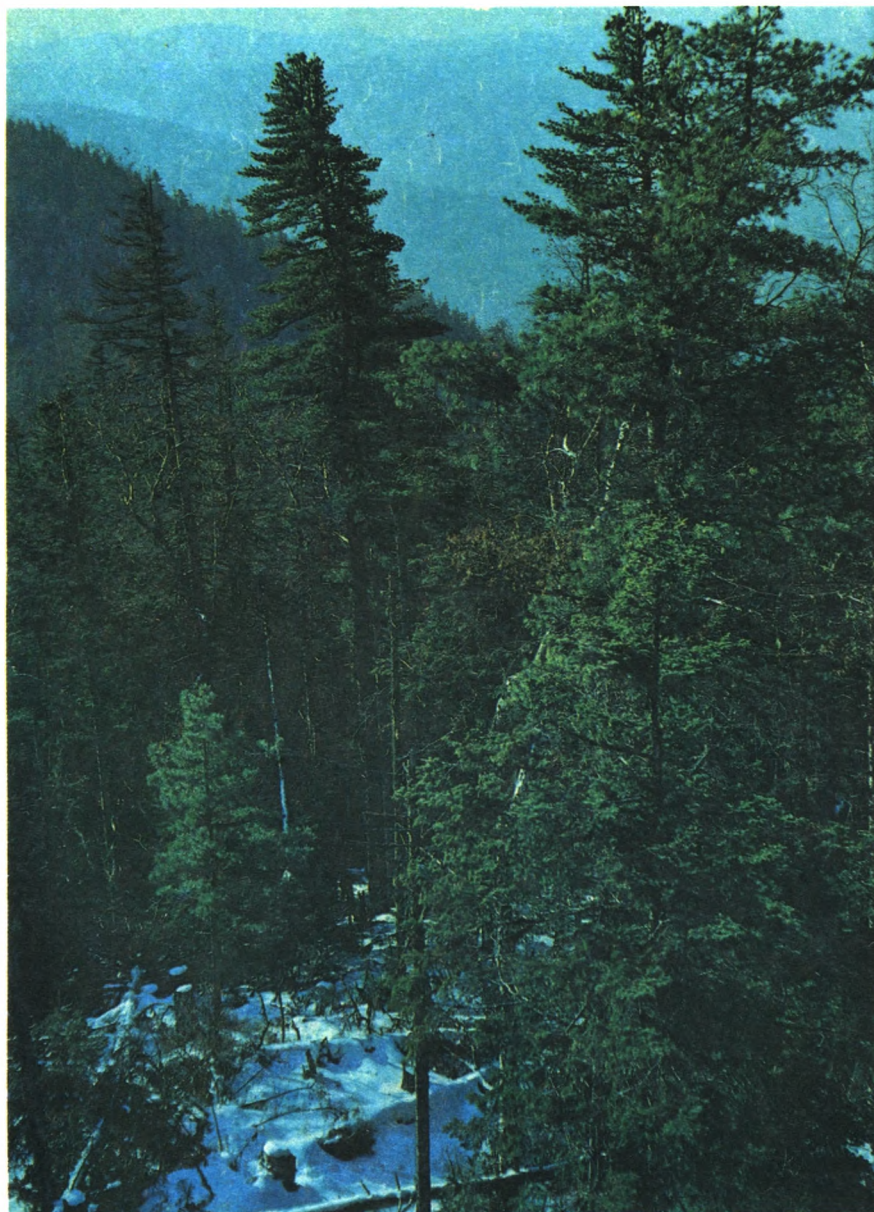
Фото В. Носкова

Соболиная дальневосточная тайга.

Фото Г. Шаульского

На четвертой странице обложки:
Там на неведомых дорожках...

Фото А. Дигилевича

После упразднения Министерства заготовок и входящего в его состав Всесоюзного объединения «Заготживсырье» в середине 50-х годов функции ведения охотничье-промыслового хозяйства были возложены на потребительскую кооперацию.

С 1956 по 1962 г., то есть до организации государственных хозяйств (госпромхозов) и получения оленеводческо-промысловыми совхозами и колхозами Севера права сдачи продукции непосредственно на пушно-меховые базы, потребительская кооперация фактически монопольно осуществляла заготовки пушнины в стране. В заготовительных конторах потребкооперации, расположенных в промысловых районах, была должность охоторганизатора, формировался контингент штатных охотников. С конца 50-х годов стали создаваться, в основном на базе разорившихся национальных колхозов, комплексные промыслово-охотничьи хозяйства — коопзверопромхозы (КЗПХ). По аналогии с ними в 60-е годы создавались госпромхозы.

Одной из основных отличительных особенностей кооперативного охотничьего хозяйства было его параллельное (а в ряде случаев и комплексное) развитие со звероводством. По мере угасания колхозного звероводства, зародившегося в довоенные годы, в послевоенное время одновременно развивались две мощные системы: зверосовхозы производственного объединения «Зверопром» Минсельхоза РСФСР и коопзверопромхозы Центросоюза СССР. Звероводство, являющееся экономически более благополучной отраслью, поддерживало существование охотхозяйственной деятельности потребительской кооперации, маскировало ущербность и убыточность промыслов в промхозах. Сейчас в системе Центросоюза 137 комплексных промыслово-охотничьих хозяйств, 160 специализированных звероводческих хозяйств и звероферм. К середине 80-х годов удельный вес коопзверопромхозов в заготовках промысловой пушнины достиг 50 % общего объема в системе Центросоюза. Промхозы стали поставлять более половины закупаемой боровой дичи, значительную часть другой промысловой продукции. Объем реализации продукции только российских КЗПХ достиг 150 млн руб., а удельный вес звероводческой пушнины, поступающей от кооперативных хозяйств, превысил 30 % общего объема ее закупок в стране.

Хотя Центросоюз и сейчас является основным поставщиком ряда видов промысловой продукции (пушнины, боровой дичи, дикорастущих ягод, грибов и лектесырья), процесс деградации хозяйств и утраты прежних позиций налицо.

ПЕРЕСТРОЙКИ

Основные вехи этого процесса следующие. Во-первых, в ряде перспективных промысловых регионов (Камчатская и Магаданская области, Якутская АССР) потребкооперация еще в 60-е годы устранилась от ведения охотничье-промыслового хозяйства, уступив место Главохоте РСФСР, Минсельхозу, Минторгу, Минцветмету и другим ведомствам.

Во-вторых, в 70-е годы были ликвидированы специализированные тресты коопзверопромхозов в большинстве областей Сибири и Дальнего Востока. А там, где они сохранились, стали подчиняться не специализированному Главку Роспотребсоюза, а местным органам потребкооперации. В результате ухудшилось материально-техническое снабжение промхозов, понизился уровень руководства этой специфической отрасли, потеряны квалифицированные кадры. При разработке и утверждении нормативов обеспечения отраслей Центросоюза кадрами охотоведов высшей и средней квалификации учтены не были и выпали из штатных расписаний КЗПХ.

В-третьих, в начале 80-х годов практически во всех райзаготконторах (всего их около 2800) были упразднены должности охоторганизаторов, исчезли штатные охотники. Активная работа по организации заготовок охотничье-промысловой продукции прекратилась, ограничившись лишь сбором того, что принесут. Хозяйственные функции КЗПХ стали отмирать, уступая место несвойственным видам деятельности — заготовкам сельхозпродукции у населения. Возникла реальная угроза превращения части промхозов в коопзаготпромы, являющиеся новой и основной заготовительно-перерабатывающей ячейкой потребкооперации. Перепрофилирование промхозов способствует переподчинению части их райзаготконторам. Таким образом, спустя 30 лет с начала преобразований уровень ведения охотничье-промыслового хозяйства потребкооперации опустился до исходных позиций.

В одиннадцатой пятилетке Правле-

ние Центросоюза стремилось приостановить упадок охотничье-промысловой отрасли. Дважды принимались постановления по улучшению деятельности коопзверопромхозов (9 сентября 1981 г. № 269 и 11 июля 1985 г. № 225). Аналогичные решения с доведением до потребсоюзов контрольных цифр по заготовкам охотпродукции принимались и по линии Роспотребсоюза. Однако эти административно-нажимные меры успеха не принесли. Деградиция отрасли в системе потребительской кооперации проявилась давно и постепенно нарастала, несмотря на принимаемые попытки ее приостановить. Но самый сокрушительный удар ей наносится сейчас, в ходе перестройки системы Центросоюза. Эта система — одна из немногих уцелевших в стране кооперативных форм хозяйствования, не смогла в прошлом, в условиях администрирования и застоя, реализовать свои возможности в развитии предприимчивости, самостоятельности, децентрализации управления. Начавшаяся структурная перестройка и сокращение аппарата управления ударили прежде всего по уцелевшим от прошлых реорганизаций специализированным управленческим структурам высшего и среднего эшелона (Главкоопживпушнина, Росглавкоопшуктехсырье, тресты коопзверопромхозов). В результате штаб отрасли не сокращен до разумных, продиктованных новыми экономическими условиями размеров, а расформирован. Создание Госкомприроды СССР, попытки превращения главохот РСФСР и некоторых других союзных республик из контролирующих в полностью хозяйственные органы, укрепление и перевод на хозрасчет союзов обществ охотников и рыболовов, то есть появление новых, более заинтересованных и компетентных претендентов на пользование охотничьими угодьями, окончательно подрывает позиции Центросоюза.

Единственная возможность экономического подъема и укрепления КЗПХ в рамках существующей ведомственной принадлежности (то есть без коренной реорганизации или передачи другим ведомствам) заключается в их «раскрепощении». Формально все хозяйства Центросоюза переведены на хозрасчет и самофинансирование. Однако не только низкорентабельные КЗПХ, но и зверохозяйства с рентабельностью 40—50 % и более не наделены правом распределения прибыли и формирования фондов саморазвития. На них не распространяется статус уставных предприятий. Управленческие звенья Центросоюза и республиканских потребсоюзов держат их в «черном теле» собственных или подсобных хозяйств. Успешно работающие хозяйства по воле вышестоящего органа мо-

гут оказаться без прибыли. Ее могут изъять в пользу руководящего звена или нерентабельного предприятия. Решением вышестоящего потребсоюза (а не по установленному стабильному нормативу) определяется и величина внутрихозяйственных отчислений в его пользу, зависящая от доходности хозяйства. Таким образом, с одной стороны, на содержание аппарата управления направляется скрытая от обложения налогом в госбюджет часть прибыли, а с другой — снижается балансовая прибыль хозяйства, вынужденных нести эти расходы. Образуется выгодный для вышестоящих организаций «законцованный круг». Вырваться за его пределы и повысить рентабельность хозяйствам не дают. Наличие низкорентабельных хозяйств сохраняет необходимость централизации и перераспределения прибыли, а следовательно, и необходимость существования вышестоящего звена управления.

Ситуация, подобная сложившейся сегодня, прогнозировалась ВНИИОЗом еще в 1986 г., когда было предложено коренным образом реорганизовать отрасль, создать в системе Центросоюза Всесоюзное хозрасчетное промыслово-производственное объединение «Коопохотзверопром», передав ему все существующие коопзверопромхозы и зверохозяйства с объемом реализации продукции более 350 млн руб. и прибылью 65 млн руб. В наиболее перспективных регионах страны планировалось организовать региональные производственные объединения (республиканские и межобластные) или осуществлять функции управления через головные хозяйства. Объединение аналогичных главков в центре и управлений на местах устранило бы параллелизм в работе, сократило бы излишние звенья в управлении и затраты на содержание управленческого персонала. В состав этого комплекса должны были влиться ВНИИОЗ со своей периферийной сетью и опытным зверохозяйством, а также базы концентрации сырья и предприятия по переработке продукции. Такой комплекс, во-первых, мог бы создать благоприятные условия для последовательного перехода от научного поиска к реализации готовой продукции, внедрению испытанных и завершенных технологий, а во-вторых, укрепил бы экономику хозяйств-производителей за счет изменения их современной сырьевой ориентации на преимущественный выпуск и реализацию готовой продукции. Известное постановление правительства по сверхплановой и низкочастотной пушнине (№ 107, 5Р от 15 мая 1987 г.), упраздняющее монополию переработку продукции и выравнивающее

охота
и охотничье хозяйство 4 1990

Ежемесячный массово-производственный, спортивно-методический, иллюстрированный журнал Государственного комитета СССР по охране природы и Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР.

Основан в октябре 1955 г.

Москва: ВО «Агропромиздат».

Песец — один из основных промысловых видов.

Фото С. Мараква

шансы производителей и переработчиков сырья, подвело правовую базу под укрепление экономики хозяйств.

Предложенный план реорганизации охотничье-промыслового хозяйства и звероводства в системе потребкооперации был рассмотрен на всех уровнях в Центросоюзе, в принципе одобрен, но сегодня так же далек от воплощения, как и в начале 1986 г. Проект частичного, поэтапного его осуществления в виде создания регионального производственного объединения «Иркутскоопромохота» также остался не полностью реализованным.

Современная тенденция совершенствования управления в агропромышленном комплексе в целом, ориентированная в основном на децентрализацию, региональный хозяйрасчет и тому подобное, не оставляет надежд на реализацию изложенных выше предложений по созданию кооперативного «микроагропрома». Поэтому становится особенно очевидной необходимость наделения существующих перспективных коопзверопромхозов соответствующим правовым и экономическим статусом, сознательного (а не стихийного) перепрофилирования перспективных по развитию основной деятельности хозяйств, создания региональных производственных объединений и, самое важное — обеспечения условий для научно-технического прогресса в отрасли, ее подъема на принципиально новый уровень. Региональные производственные объединения не должны насаждаться сверху. Основной принцип их формирования должен базироваться на производственной необходимости, интеграции предприятий, экономической целесообразности. Объединения эти могут быть межотраслевыми, межведомственными, совместными, в том числе и с иностранными фирмами. В настоящее время открываются большие возможности для развития их на базе иностранного охотничье-рыболовного туризма.

Демократизация, самоуправление, децентрализация управления и стимулирование хозяйственной инициативы — все эти новые веяния открывают экономическую и правовую возможность возродить оправдавшие себя в

прошлом и выкорчеванные с началом коллективизации формы артельного, семейного и индивидуального подряда, долгосрочной аренды охотничьих угодий. В этом деле требуются накопление, изучение и распространение положительного опыта.

Важную роль в совершенствовании ведения охотничьего хозяйства должна играть наука, отраслевая в особенности. Но она, приученная быть на содержании, слабо реализует свой потенциал, продолжая выполнять главным образом и прежде всего ведомственный заказ (в недавнем прошлом — приказ). Несмотря на нынешние договорные отношения, судьба научных учреждений по-прежнему во многом зависит от ведомства, устанавливающего нормативы, лимиты, фонды и тому подобное. Недостаточная эффективность научно-исследовательских работ ведомственных научных учреждений, ВНИОЗ в частности, обусловлена в значительной мере искусственно усложненной системой использования их результатов. Прямой выход в производство, минуя промежуточное звено управления, не только конкретизировал бы заказ на разработку, но и ускорил бы использование полученного результата. Оптимальные условия для ускорения научно-технического прогресса создаются в научно-производственных комплексах, обеспечивающих выполнение всего цикла работ от исследований до создания и реализации готовой продукции и услуг. В целом по стране в объединениях теперь сконцентрировано около 70 % численности занятых в отраслевой науке работников против 25 % до перевода научных организаций на хозяйрасчет и самофинансирование. Создание таких комплексов, работающих в автономном режиме, актуально и в охотничьем хозяйстве.

В. САФОНОВ,
директор Всесоюзного
научно-исследовательского
института охотничьего хозяйства
и звероводства
им. профессора Б. М. Житкова

О. ТОЧИЛОВ,
старший товаровед
Союзпушноэкспортлегпрома

Качество промысловой пушнины, поступающей на пушно-меховые базы и холодильники Союзпушноэкспортлегпрома, остается на низком уровне и за истекший год существенно не изменилось.

Основной и значительный резерв повышения качества пушнины — устранение пороков. Только по шкуркам крота этот показатель близок к максимальному (удельный вес бездефектных шкур 88,6 %). Причем качество шкур этого зверька из года в год стабильно и находится на высоком уровне по всем показателям. Шкурки остальных видов пушнины имеют большое количество пороков. «Лидируют» здесь шкурки суслика обыкновенного — бездефектных практически нет. Далее идут шкурки волка, где удельный вес бездефектных 1,9 %, енота — 3,0, шакала — 3,4, песца белого — 4,1, хорька черного — 4,4, лисицы красной — 5,8 %.

В 1987 г. заметно улучшилось качество только шкурки бобра — на 11,2 %. Незначительное улучшение достигнуто по шкуркам хорька черного, волка, сурка, хорька белого, белки, енота, корсака, выдры, лисицы красной, зайца-беляка, горностая и соболя. Хуже по качеству стали шкурки суслика обыкновенного, рыси, песца белого, шакала, зайца-русака, крота, ондатры, норки вольной, колонка, куницы.

Как отразилось на качестве повышение с 1 января 1983 г. закупочных цен? Если заготовки всех видов промысловой пушнины увеличились (за исключением шкур суслика обыкновенного), то относительно качества такая закономерность не наблюдается. Качественные показатели по шкуркам енота, зайца-беляка, куницы, лисицы красной, норки вольной, сурка, хорька черного стабилизировались или имеют ежегодную тенденцию к улучшению. А вот качество шкурки белки, выдры, горностая, зайца-русака, колонка, ондатры, песца белого, соболя, хорька белого ухудшилось. Таким образом, одним повышением цен улучшения качества промысловой пушнины не добиться. Хотя нельзя не учитывать и этот фактор.

Остановлюсь на характерных особенностях качества отдельных видов пушнины.

Лучшие по качеству шкурки белки поступают на Красноярскую пушно-меховую базу — средний процент зачета 76,4, а худшие — на Сарapulскую и Вологодскую пушно-меховые базы (соответственно 57,5 и 62,3 %).

ХОРОША ЛИ НАША ПУШНИНА?

Наиболее часто встречающиеся пороки на шкурках белки — прострелы, плешины, окровавленность волосяного покрова и кожной ткани. Отдельные организации поставляют значительное количество второсортных и третьесортных шкурок, то есть допускают добычу зверьков в период линьки. Так, например, госпромхозы Красноярского охотуправления таких шкурок поставили 76,2 %, Томский облпотребсоюз — 34,0, Архангельский облрыболовпотребсоюз — 35,3, поставщики Приморского и Хабаровского краев — около 30 %.

Высокое качество имеют шкурки горностая, поступающие на Красноярскую базу, — средний процент зачета 86,7, шкурки низкого качества поступают на Вологодскую базу — 46,8 %. Пороками, снижающими качество шкурок горностая, являются окровавленность волосяного покрова, прелины, плешины, повреждение грызунами. Значительно снижается качество за счет шкурок, добытых в несезонное время. Госпромхозы Комиохотуправления, например, поставляют 93,8 % шкурок с различными пороками и 33,8 % добытых в несезонное время.

Необходимо отметить, что относительно низкое качество шкурок белки, горностая, зайца, других малоценных видов объясняется тем, что добыча этих зверьков ведется попутно при охоте на другие виды, такие, как соболь или куница. Отсюда и соответствующее отношение к этой пушнине, как к попутной.

Качество шкурок колонка снижают такие пороки, как плешины, прелины, прострелы, повреждение грызунами. Лучшие по качеству шкурки поступают на Красноярскую базу, где средний процент зачета 85, худшие — на Омский пушно-меховой холодильник — 60 %.

Наиболее часто встречающиеся пороки на шкурках куницы — битость ости, плешины. Практически нет бездефектных шкурок, поступающих на Саяно-Алтайскую базу от Кировского и Башкирского облпотребсоюзов.

Качество шкурок лисицы красной резко отличается по регионам. Как правило, лучшее качество имеют шкурки, поступающие на сибирские пушно-меховые базы: Новосибирскую — средний процент зачета 72,5, Иркутскую — 68,3, Омский холодильник — 64,2 %. Шкурки, поступающие на базы европейской части страны, имеют большое количество разнообразных

пороков, поэтому большинство из них относят к браку. Так, по Харьковской базе средний процент зачета 26,6, по Астраханской — 46,9, по Ростовскому холодильнику — 23,5 %. Причина такого явления заключается в том, что в европейской части страны шкурки лисицы красной пользуются спросом на «черном рынке» и лучшие реализуются там.

Основные пороки, снижающие качество шкурок норки вольной, — это некачественная первичная обработка, плохо обезжиренный волосяной покров, сквозной волос. Шкурки норки вольной низкого качества поступают от поставщиков Вологодской базы. Качество их характеризуется следующими показателями: средний процент зачета 60,7, удельный вес первосортных — 56,4, удельный вес бездефектных — 7 %.

На очень низком уровне находится качество шкурок ондатры. Причем наблюдается ежегодное снижение качественных показателей. На базы поступает значительное количество шкурок мелкого размера, детенышей, вторых и третьих сортов, брака и нестандартных. Очень много шкурок совершенно необезжиренных, с оголением корневой волос (сквозняк), имеющих прелины и плешины. Все это говорит о том, что сроки добычи и правила первичной обработки шкурок несовершенны.

Качество шкурок песца белого также очень низкое. На базы поступает большое количество шкурок низких сортов, необезжиренных, с желтизной и окровавленностью волосяного покрова, с битой остью и свойственным пухом. Шкурки худшего качества поступают из Якутии: средний процент зачета 45,1, удельный вес первосортных — 0,2, удельный вес бездефектных — 0,8 %. От совхозов «Алтайский», «Булунский» на Иркутскую базу поступали шкурки с пороком, по характеристике напоминающем «сквозной волос», но образованном не в результате неправильного обезжиривания. Как выяснилось, причина образования этого дефекта заключалась в следующем. В указанных хозяйствах у охотников был организован сбор не шкурок, а тушек зверей. Последние свозились на центральную усадьбу, где производилась съемка. «Сквозной волос» образовался либо в результате съемки шкурок с неразмороженных тушек (подкожная клетчатка и часть дермы остались на тушке), либо в результате необратимых процессов, про-

исшедших в кожной ткани из-за длительного воздействия низких температур.

Качество шкурок соболя на сегодняшний день одно из лучших. Но и здесь есть резервы за счет устранения таких пороков, как засмоленность и загрязненность волосяного покрова, недостаточная обезжиренность, поражение грызунами. Распространен на шкурках соболя и так называемый порок «оспины».

Качество шкурок енота, хорей значительно снижается в основном за счет плохо обезжиренных, добытых в несезонное время шкурок.

Шкурки рыси в основной своей массе также плохо обезжирены.

Для улучшения качества и увеличения закупок промысловой пушнины, ликвидации ее утечки, оживления внутреннего пушного рынка следует уделить первостепенное внимание охотнику, так как выполнение поставленных задач зависит прежде всего от него.

Необходимо ликвидировать обезличку в пользовании охотничьими угодьями — сдать их в аренду коллективам или отдельным охотникам на как можно более длительный срок. Арендодателям предоставлять право определять объекты и сроки охоты, нормы изъятия зверей, то есть быть полными хозяевами.

Возродить встречную продажу товаров повышенного спроса охотникам, сдающим пушнину государству, и гарантирующую приобретение в первую очередь меховых изделий.

Придать статус заготовителя пушнины союзам и обществам охотников с правом самим распоряжаться всеми средствами, выделяемыми государством для организации и стимулирования заготовок.

Предоставить право производителям и потребителям пушнины устанавливать реализационные цены на сырье исходя из конкретных условий производства и реализации продукции. Это должно быть одним из основных положений при работе в новых условиях хозяйствования.

Должным образом рекламировать и разъяснять вопросы устранения и недопущения пороков, повышения качества пушнины. Необходимо, чтобы рекламные плакаты, брошюры по правильному проведению съемки и первичной обработки шкурок имелись не только в приемных пунктах, но и у каждого охотника.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ПОД БЕЛГОРОДОМ

Н. АСТАФЬЕВ,
советник юстиции
В. БИБИКОВА,
биолог-охотовед

«Юра очень любил природу», — скажет потом о своем сыне следователю прокуратуры Виктор Федорович Исаев.

Это была сильная любовь. И когда судьба предложила для ее проверки испытание, он не уклонился, не изменил ей, заплатив самым дорогим — жизнью. Он верил людям и никогда не думал, что может быть нанесен смертельный удар в спину.

Родители радовались: сын был спокойным, никогда не выходил из себя, не употреблял спиртного. И была у него мечта — работать егерем. А в основе все та же любовь к природе, к тому живому и не живому, среди которого человек себя чувствует свободным, единым с окружающим миром. Не каждому дано почувствовать это единство.

Сухие строчки характеристики: «Являлся егерем с 26 ноября 1986 г. Зарекомендовал себя честным, добросовестным работником. В социалистическом соревновании неоднократно был победителем. Много внимания уделял улучшению среды обитания диких животных. С июня 1988 г. переведен на должность начальника Нехлюдовского участка Белгородского госохотхозяйства. Активно боролся с браконьерством. За 1988 г. задержал 24 нарушителя».

Были задержаны еще два браконьера — последние в его жизни.

В тот день, 9 октября 1988 г., проводился обычный рейд по борьбе с браконьерством. Начальник участка Ю. Исаев, старший егерь охотхозяйства К. Руденко, его брат старший егерь Ю. Руденко вечером на машине УАЗ приехали в район села Крапивное Шебекинского района Белгородской обл. На выходные дни в это село к родителям приехали два брата Махониных — Виктор и Владимир с 13-летним сыном Русланом.

С утра шел дождь. Он мешал Махониным пойти в лес за грибами, поэтому они решили, по их словам, развлечься охотой. А что? В доме у отца хранилось два незарегистрированных в милиции ружья, были две собаки.

Это потом Махонин-старший будет говорить, что не было у него ружья. Были, хранились, и сыновья пользовались ими! Махонин Виктор не был членом общества охотников. Владимир числился в Шебекинском районном обществе охотников, однако различия между ними не было — оба в тот день были браконьерами.

Пересеклись дороги в Крапивинском лесу браконьеров братьев Махониных и работников охотхозяйства.

Руслан потом скажет на следствии, что его отец первым крикнул: «Егеря!» Братья хорошо знали, с кем встретились.

Так уж получилось, что за Влади-

миром и его сыном Русланом побежал Исаев, а за Махониным Виктором — К. Руденко. Догнав его, К. Руденко протянул руки, чтобы отобрать одностволку, но в ответ получил удар ножом в грудь. К счастью, он сумел увернуться от прямого удара, нож скользнул по груди, задев руку. Брызнула кровь.

Какую цель преследовал Махонин, нанося этот удар? Прокуратура считала, что он покушался на убийство. Однако суд пришел к другому выводу и квалифицировал его деяние как нанесение легкого телесного повреждения К. Руденко, исполнявшему служебные обязанности.

В это время раздался крик Исаева, и раненый Руденко бросился на голос. Подбежав, увидел, что Исаев стоит против отца и сына Махониных и требует отдать ружье.

Махонин Виктор наблюдал за происходящими событиями из кустов.

Драма в лесу продолжалась. Работники охотхозяйства побежали в ту сторону, где, как им казалось, был Виктор Махонин. Грохнул выстрел. Подбежавший Руденко увидел, что на земле, раскинув руки, как бы обнимая ее и прикрывая собой, лежит мертвый Исаев. Рядом — ружье.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы: «Смерть наступила в результате огнестрельного пулевого сквозного ранения печени, грудной клетки с последующей кровопотерей. Телесные повреждения: сквозные огнестрельные пулевые ранения грудной клетки, живота в количестве двух штук с входными ранами справа, с выходными слева».

После преступного выстрела Махонин Виктор побежал домой. По дороге ружье спрятал в штабель бревен в лесу, а патронташ затолкал в дупло дерева. Дома быстро собрался и уехал в Харьков.

ЗА РАЗУМНУЮ ЭКОНОМИКУ

О. ПОЛЯКОВ,
председатель правления
Чувашского республиканского
общества охотников и рыболовов,
биолог-охотовед

Областные, краевые, республиканские (АССР) общества Росохотрыболовсоюза приступили к созданию производственных охотничье-рыболовных объединений, концентрирующих в себе средства производства и производительные силы для всецелого удовлетворения растущих запросов членов

обществ в охоте, рыбной ловле, отдыхе. Работники охотничьего хозяйства наконец-то перешли на новые условия оплаты труда. Но благополучие объединения, полнота удовлетворения социальных заказов общества и выполнения государственных заказов (планов поставок) зависят от твердой его экономики. Из чего она складывается и каковы пути ее становления, покажет анализ экономической деятельности Чувашского республиканского общества охотников и рыболовов и его объединения.

План доходов Чувашского республи-

канского общества в 1988 г. составил 347 тыс. руб., фонд заработной платы — 117 тыс., или 34 %, расходы — 226 тыс., прибыль — 121 тыс., поступления от взносов — 231 тыс. руб. Фонды достаточно полные: на развитие хозяйства тратится 493 тыс. руб., на социальное развитие — 122 тыс., материальное стимулирование — 62 тыс. руб. Но доходность хозяйственной деятельности лишь 51 %. Во вновь созданном объединении планируется в 1989 г. увеличить доход от хозяйственной деятельности со 116 тыс. до 210 тыс. руб. путем роста производительности труда (при неизменных трудовых ресурсах и средствах производства) и вовлечения в оборот неиспользуемых природных и иных ресурсов. При этом доходы всего общества возрастут до 441 тыс. руб., расходы — до 315 тыс. руб.

Однако нерентабельность хозяйст-

Юрий Исаев — начальник Нехлюдовского охотничьего участка Белгородского хозяйства. Погиб при исполнении служебных обязанностей. Нехлюдовский участок переименован в участок имени Юрия Исаева.

О многом заставляет задуматься этот трагичный случай.

В постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» указано, что следственные органы и суды должны с максимальной строгостью рассматривать случаи браконьерства. Но прежде чем проводить следствие и судить браконьера, надо его задержать, что и делают работники природоохранных органов. Нет единого законодательного акта, определяющего их действия в данной ситуации. В последнее время много внимания уделяется правовой защищенности работников милиции.

Не менее остро стоит вопрос и о правовой защищенности работников природоохранных органов! Кто даст гарантию, что, встретив в лесу человека с ружьем и потребовав у него путевку, егерь в ответ не получит пулю? Сколько еще нужно лет милиции для изъятия у населения незарегистрированного оружия, с использованием которого, как правило, и совершаются преступления?

Убив человека, Махонин в этом особо не раскаивался. Допрошенный на второй день после совершения преступления, он утверждал, что убивать Исаева не хотел, а стрельнул, решив поугасть. Ружье спрятал, чтобы не отобрали. При предъявлении окончательного обвинения в феврале 1989 г. вообще отказался давать показания. В судебном заседании признал виновным себя частично лишь в том, что стрелял с близкого расстояния, понимал — мог убить, но отрицал, что ударил ножом Руденко.

Не спеша, тщательно выясняя обстоятельства дела, судебная коллегия по уголовным делам Белгородского областного суда. В суде не было подтверждено обвинение Махонина в покушении на убийство К. Руденко (удар ножом). В этой части суд перевалифицировал деяния Махонина со статьи 15 и 102 п. «в» УК РСФСР по ст. 193 ч. 2 УК РСФСР и назначил за это наказание в виде одного года лишения свободы.

Убийство Исаева квалифицировано по ст. 102 п. «в» УК РСФСР — убийство лица, выполнявшего свой служебный долг. За это преступление Махонину Виктору назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет. Окончательное наказание определено путем поглощения менее тяжкого более тяжким в виде лишения свободы в колонии усиленного режима.

Суд выслушал разные точки зрения. Общественный обвинитель Ю. Тимров

считал, что преступник заслуживает строгого наказания. Прокурор С. Кисин просил назначить окончательное наказание в виде 15 лет лишения свободы, из которых первые 5 лет содержать Махонина в тюрьме, и 5 лет ссылки. Защитник Н. Булавинов просил признать Махонина виновным только в нанесении удара ножом, а в части обвинения в убийстве Ю. Исаева оправдать.

После оглашения приговора Махонин сделал еще одну попытку уйти от ответственности, подав на приговор суда кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР. В ней просил приговор отменить, а дело прекратить, так как он стрелял в другую сторону от места, где был обнаружен труп Исаева. Защитник Булавинов просил приговор отменить, а дело прекратить, так как считал, что убийство совершено не Махониным, а другим лицом. Здесь, видимо, следует пояснить, что отобранное у Махонина Владимира ружье в дальнейшем было у К. Руденко, и он с ним побегал за Махониным Виктором. Поэтому защитник не исключал, что К. Руденко по неосторожности или перепутав произвел выстрел в Исаева, а так как К. Руденко был с ножом, Махонин Виктор защищался и, нанеся удар, не совершил преступления.

Вот с такими жалобами поступило уголовное дело по обвинению Махонина В. И. в Верховный суд РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР пришла к выводу, что осужден Махонин В. И. правильно, приговор оставила без изменения, а жалобу осужденного и его защитника — без удовлетворения.

Обычно в таких случаях говорят, что справедливость восторжествовала, однако трудно примириться, что нет среди истинных защитников природы Юры Исаева, прожившего всего лишь 25 лет. Вечная ему память.

венной деятельности останется непреодолимой. При детальном изучении статей доходов и расходов обрисовывается весь затратный механизм охотничьего хозяйства, воздвигнутый в прежние годы, особенностью которого являются охрана и воспроизводство, а уже потом использование ресурсов. Так, основные статьи доходов в охотничье-рыболовном хозяйстве составляют поступления от реализации мяса копытных, рыбы, услуг на охоту (путевки), пушнины, прочей продукции. Статьи расходов составляют оплата лицензий, труда бригад, издержки заготовок, содержание штатов, затраты на биотехнику, иные отчисления. Подробный анализ формирования доходов и расходов объединения при существующих формах организации пользования подтверждает нерентабельность хозяйственной деятельности: доходы — 210 тыс. руб., расхо-

ды — 290 тыс. руб., уровень рентабельности составляет минус 27 %.

Так где же решения? Они однозначны. В деятельности охотпользователей надо признать главную эксплуатацию гособохотфонда и на этом строить экономик. Охотничье-рыболовные угодья как основные средства производства закрепить в постоянное пользование, ввести рентную плату и развивать формы арендного подряда между первичными организациями (бригадами, охотниками, рыболовами) и объединением, хозяйством. Необходимо предоставить максимум прав и самостоятельности объединению, хозяйству. Возродить в психологии пользователя чувство хозяина. Для этого нужны конкретные решения органов, от которых это зависит.

В нашем случае отмена оплаты за лицензии органами Главохоты РСФСР

сократит расход на организацию охоты — 260 лосей и 250 кабанов, половина из которых товарные (соответственно 160 и 100), с 35,3 тыс. до 18,9 тыс. руб., повысив прибыль на разницу сумм. Получение права контрагентских заготовок с отгрузкой промышленности плановой пушнины (при плане 65 тыс. руб., а фактически 88 тыс. руб.) для пошива изделий из ондатры, лисы, белки, енотовидной собаки и зайцев на внутренний рынок даст прибыль 35 тыс. руб. вместо 4,4 тыс. руб. от 5 % отчислений. Плюс реализация сельхозпродукции и снижение затрат при тех же ресурсовложениях поднимут доход от хозяйственной деятельности объединения до 360 тыс. руб., а расходы — до 326 тыс. руб. Уровень рентабельности составит 10,4 %, откуда и появятся возможности платежей без привлечения взносов от охотников, снижения или отмены их.

ЭТИКА ВЕСЕННЕЙ ОХОТЫ

1.
Я. РУСАНОВ,
биолог-охотовед

Думается, что из всех удручающих последствий застойных лет самое печальное — забвение тех принципов элементарной порядочности, которые лежат в основе и нравственности, и этики. На примере охоты и охотников все это просматривается особенно четко, так как ни одна отрасль не дает такой свободы для волюнтаризма и, пожалуй, нигде так полно, как на охоте, человек не раскрывает свою истинную, сокровенную сущность.

О деятельности наших администраторов от охоты писалось, да и пишется достаточно много, но как бы явны и тяжки ни были их прегрешения, объяснить только ими неуклонную деградацию спортивной охоты все же нельзя. Мы изменились сами. Мы в большинстве своем переносим на охоту ту психологию беззащитного потребительства, которая взращивалась и культивировалась условиями последних десятилетий. Но уж если потребительство способно довести до грани краха целое государство, то охоту оно погубит неизбежно. При этом первой жертвой будет, конечно, охота весенняя. Именно на нее особенно непримиримо ополчаются противники «жестокой забавы», за ней неуслышно следит око «охраны природы». И именно здесь забвение традиций и этических норм особенно губительно. Ведь основная опасность, связанная с разрешением весенней охоты — возможность нанесения ущерба нормальному ходу воспроизводства дичи за счет случайного отстрела самок, нарушения режима покоя в угодьях. А это зависит не столько от сроков отстрела и количества добытых самцов тетерева или глухаря, сколько от того, какими способами будет проводиться охота, как будут вести себя охотники. Таким образом,

этический аспект проблемы приобретает здесь решающее значение.

Итак, этика весенней охоты. Ее основные заповеди сводятся к двум положениям:

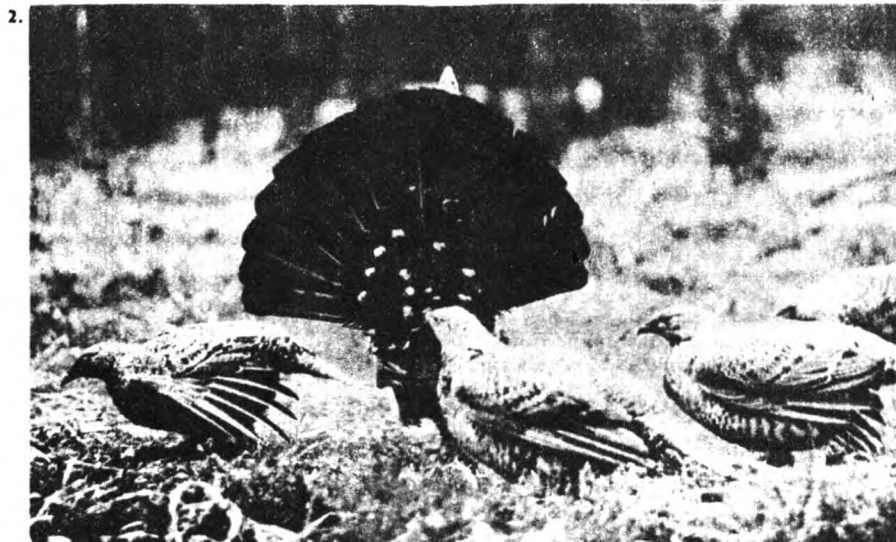
охотиться так, чтобы твоё поведение не вызывало справедливых нареканий, не ставило под сомнение допустимость весенней охоты и тем самым не могло способствовать ее дальнейшему ограничению и запретам;

охотиться, но не мешай охотиться и другим.

Соблюдение указанных правил лежит в основе традиций весенней охоты. Действительно, ну в чем можно упрекнуть человека, кратчайшей дорогой дошедшего до места тока или заранее выбранного плеса и взявшего токующего глухаря или подлетевшего к посадной селезня? Ни токовища, ни удобные для охоты из шалаша разливы не являются местами гнездования, и потревожить здесь устраивающих гнезда самок нельзя. Сам характер охоты устраняет случайную до-

бычу самки, так как стреляет охотник только по птице, явно демонстрирующей свою самцовую сущность.

Однако стоит нам отступить от традиций весенней охоты и заняться хищным шатанием по угодьям, пальбой по взлетевшим, слетевшим с дерева или (везде, кроме тяги вальдшнепа и охоты на гусей) налетающим птицам (даже если мы абсолютно уверены, что это самцы), как все меняется. Пробираясь кромками разливов, пробуя под прикрытием опушек подобраться к поющим на поле тетеревам, мы нарушим покой не одной самки. Стреляя по поднявшимся или налетевшим «самцам», не одну самку лишим жизни: допустить ошибку в рассветных или вечерних сумерках, да еще когда ни голос, ни поведение птицы не помогают определить ее пол, очень легко. Так что предосудительность стрельбы влет при весенней охоте на глухаря, тетерева и селезня — не праздные измышления охранителей природы. Она подтверждена

многолетней практикой охоты и выстрада поколениями тех охотников, для которых случайная добыча утки или глухарки — стыд, позор и повод для горьких угрызений совести.

Правда, существующими правилами весенней охоты такая стрельба прямо не запрещена, но ведь и правила эти претерпели в последнее время существенные изменения и, увы, не в лучшую сторону. Проиллюстрирую это утверждение лишь одним примером. В 1986 г. в Марийской АССР разрешением на весеннюю охоту на водоплавающую дичь предусмотрено, что она может проводиться: «на селезней с подсадными утками и чучелами... только из шалашей и скрадков, которые в соответствии с правилами безопасности должны располагаться не ближе 300 м в любую сторону один от другого». Далее указывалось, что «охота с подхода... запрещается».

Прошло всего три года — и вот в той же автономной республике та же охота разрешается просто: «на селезней уток из укрытия»! О подсадных утках и чучелах уже нет ни слова. О запрещении ходовой охоты — ни звука. Что же касается понятия «укрытие», то его можно трактовать в весьма широких пределах от замаскированных автомобилей и моторных лодок, до куртины любой растительности, способной укрыть охотника от глаз дичи. Таясь по кустам, меняя «укрытия», можно заниматься любимой забавой, формально не нарушая установленного порядка охоты. Нетрудно понять, что породит этот новый плод административного рвения и охотоведческой безграмотности Марийской охотинспекции. Не усложняя себе жизнь хлопотами по приобретению подсадных уток, чучелов, манков, устройству шалашей, марийские охотники смогут с легким сердцем сотворить все, что при охоте весной недопустимо. Они смогут безнаказанно шастать по угодьям, палить влет и т. д. и т. п. Любителей та-

кой «демократической» потехи сейчас более чем достаточно.

Из 184 человек, за которыми начиная с 1964 г. я имел возможность наблюдать во время весенней охоты на селезней, лишь 74 (чуть больше 40 %) охотились так, как положено, то есть из шалашей, с подсадными или чучелами, с манком. Остальные «промышляли» кто во что горазд. При этом по десятилетиям количество этих «вольных стрелков» неуклонно возрастало. Если с 1964 по 1973 гг. их было 9 из 30 (30 %), то с 1974 по 1983 гг. — 29 из 67 (43 %), а за шесть последних лет — 51 из 87 (около 60 %).

Порою просто диву даешься, глядя, к каким смехотворным и бездумно-зловредным приемам прибегают эти товарищи, чтобы утолить свою «благородную страсть». Один по грязи и лужам весеннего жнивья пробует подползти к токующим тетеревам. Другой, напав гидрокостюм, самозабвенно бродит по разливу и временами испускает с помощью какого-то приспособления серии странных криков, имитирующих, по его мнению, сладострастные призывы не знаю уж какой птицы. А вот и целая компания отправляется на зорю. Передний демонстративно тащит под мышкой здоровенную пеструю утку. Остальные пятеро сопровождают. Действительно ли они верят, что несчастная питомица птицефермы сможет сыграть роль подсадной, или просто лукавят и волокут с собой беднягу как символ своей добропорядочности, как пропуск в угодья (охота разрешена лишь с подсадной) — неведомо. Что они будут делать, скрывшись с глаз работников охотхозяйства, можно только предполагать. Мне всегда хотелось узнать, думают ли такие товарищи, что они нарушают основные правила, обеспечивающие безвредность и допустимость весенней охоты? Тревожат ли их мысли о том, что своими действиями они провоцируют ее запрет? Приходит ли им в голову, что всеми этими под-

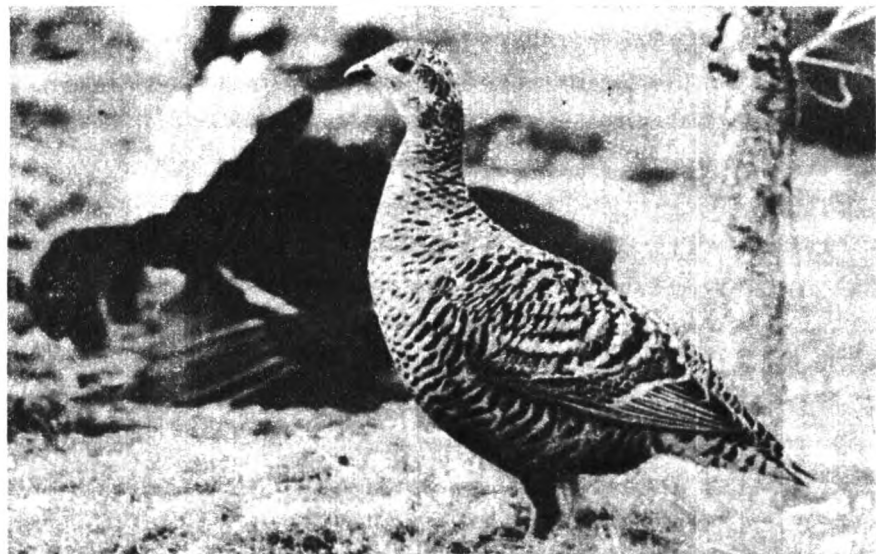
ползаниями, скрадываниями и другими глупостями они страшно мешают тем, кто охотится как должно?

Ответ очень важен: если в простоте душевной они наивно обо всем этом не догадываются, то наши усилия должны быть направлены по пути просветительства, повышения их охотничьей квалификации с одновременным беспощадным изгнанием из органов управления охотничьим хозяйством людей, далеких от охоты и способных порождать постановления столь же вредные, как упоминавшийся уже шедевр марийской охотинспекции.

Ну а если здесь не «святая невинность», и мы имеем дело с наглым, наплевательским пренебрежением ко всему, что может помешать любителям всевозможных безобразий «за свои деньги» развлекаться так, как им хочется? Ведь в этом случае взывать к их сознательности совершенно бесполезно, ведь потребительская психология всякую нормальную сознательность деформирует на свой лад. По делу, их следовало бы лишать права охоты, но самое страшное заключается в том, что мы как-то притерпелись (и не только на охоте) к попранию элементарных правил этики и кроме того, явление это приобрело настолько массовый характер, что отделить «агнцев от козлищ» будет совсем непросто: среди тех, кто будет отделять, может оказаться предостаточно товарищей, исповедующих ту же мораль.

Пожилому человеку скрывать прошлое с настоящим довольно рискованно, особенно если прошлое ему больше импонирует: все эти сравнения могут быть восприняты, как извечное стариковское брюзжание. Но я все же рискну.

Еще сорок лет назад практически все знали и соблюдали правило, в соответствии с которым нельзя, недостойно и неприлично вторгаться туда, где уже обосновался другой охотник. Этот неписанный закон особенно драгоценен именно весной. Охота тут кратковременная (на тяге всего минут 30, на токах и с подсадкой, максимум, 2—3 часа), всегда связана с каким-то конкретным местом, которое иногда приходится выбирать, долго искать, да еще и готовить для охоты. Кроме того, весенняя охота не терпит близкого соседства своих поклонников, так

1.

1. По утиным стаям весной стрельба недопустима: можно убить самку.

Фото А. Дигилевича

2. Глухаря на току отстреливают только на дереве: на земле под выстрел может попасть глухарка.

Фото О. Полещука

3. На тетеревином току в утренней полумгле надо внимательно вглядываться в птиц: около петуха нередко находится тетерка.

Фото Г. Левенштейна

как они неизбежно будут мешать друг другу. Чей-то близкий выстрел — и глухарь, к которому мы подходили, замолчал, тетерева разлетелись, круживший над подсадной кряквый селезень к шалашу не сел и даже налетавший на нас вальдшнеп, точно нырнув в воздухе, изменил направление — и был таков. Словом, близкое появление товарищей по страсти весной вряд ли кого порадует, тем более что времени на то, чтобы сменить место, как правило, нет.

И вот сейчас все чаще и чаще случается, что с выбранного места приходится уходить. За последние 20 лет ко мне, когда я стоял на тяге или сидел в шалаше, подходило 78 охотников и только 14 из них, увидев, что место занято, повернулись и ушли. Остальные вели себя по-разному. Некоторые дружелюбно заводили разговор, в котором обязательно в той или иной форме упоминали, что, мол, «в тесноте — не в обиде». Мне кажется, что это в них копошились какие-то остатки охотничьей совести. Кстати, именно их иногда удавалось уговорить отойти на более или менее благопристойное расстояние. Большинство же вообще игнорировало мое присутствие и вело себя так, как будто меня и нет. На мои укоры запальчиво отвечали, что «охота у нас для всех», «угодья общие» и «они тоже за путевку деньги платили». Один же «весьма резонно» заявил: «Я вам мешаю? Ну так вы и уходите!». А что остается делать, когда в 100, 50 а то и в 30 метрах прищелец начинает гоношить себе укрытие-скороспелку?

Вот и пропала заря, не говоря уже о вконец испорченном настроении.

Это типичное проявление потребительской психологии, которая крайне ревнива к своим правам и весьма равнодушна к обязанностям. Даже чрезмерной нагрузкой охотников на угоды (во многих охотничьих хозяйствах она допускается) подобное поведение нельзя ни извинить, ни оправдать. Тот, кто действительно хочет охотиться, не будет жалеть ног и времени, чтобы заранее подыскать себе место. Ну а товарищи, любящие в охоте и другие радости и предающиеся им до часа, когда уже нужно «не опоздать», пусть не посетуют на то, что они, так сказать, остались «за флагом».

Понятно, что по отношению к представителям племени нарушителей традиций весенней охоты трудно испытывать теплые чувства. И все же мне кажется, что они заслуживают сожаления. Ведь стремясь «урвать» от охоты как можно больше и главным образом пострелять, они обрекают себя на эмоциональное нищенство. Таким весенняя охота никогда не раскроет всей своей поэтической прелести, не даст заглянуть в тайны пробуждающейся природы, не позволит испытать тех ощущений, которые только она и может подарить.

Бродить в поисках дичи, ждать близкого взлета птицы, подбираться к замеченному объекту своих вожделений можно в любое открытое для охоты время. Но только весной в предрастветной тьме моховых болот звучит глухарина песня, только на весенних зорях неистовствуют на токах ко-

сачи, тянет вальдшнеп и на голос подсадной утки спешит зеленоголовый селезень. Только весной, только из шалаша позволено нам бывает любоваться нелепо-прекрасными танцами журавлей, суматохой заячьих «свадеб» и тем, как самец какой-то пичуги склоняет к любви свою избранницу, потчует ее козьяками.

Да и разве можно сравнить по силе охотничьих переживаний элементарное убийство налетевшего или близко поднявшегося селезня с тем, что мы испытываем, взяв его с подсадной или сумев подманить? Разве добытый после долгого подхода под песню глухарь не в десятки раз драгоценнее того, который во время подслуша подлетел и в двадцати шагах взгромоздился на сосенку? Тот, кто не видит тут разницы, право же наделен восприимчивостью и эмоциональностью дубовой чурки. Нет, соблюдая закон или отказываясь от глупых послаблений в правилах, которыми нерадивые чиновники хотят, видимо, подчеркнуть свою демократичность и неусыпную «заботу об охотнике», нам необходимо сохранять, беречь, и главное, соблюдать традиции и этику весенней охоты. Либо мы будем это делать, либо эту лучшую из охот придется запрещать. Третьего не дано.

Что же касается охотников-потребителей с их психологией рвачества, то остается лишь только надеяться, что уважение к окружающим, порядочность, дружелюбие и отзывчивость вновь станут нормой поведения в нашем обществе вообще, и в среде охотников — в частности.

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ

Уважаемая редакция!

В августе 1988 г. из Брянской области мне привезли пару подсадных уток. Сибирскую зиму они перенесли хорошо, хотя зимовали в открытой вольере. Морозы днем доходили до -45° .

В конце апреля утка начала кладку и в начале мая приступила к насиживанию. Вывела она десять утят. Через неделю после вывода птенцов я решил почистить гнездо и к своему удивлению обнаружил три вновь отложенных яйца. Утка опять сделала полную кладку из двенадцати яиц и вновь стала насиживать. Насиживание часто прерывала и водила первый выводок. В результате во второй раз вывела всего семь утят.

Я вырос в сельской местности, у нас всегда во дворе была домашняя птица, но я никогда не видел и не слышал от других о двух, в общем-то полноценных выводах за лето.

А. САНЬКОВ,
охотовед

Тоджинский район Тувинской АССР

Редакция попросила старшего научного сотрудника отдела дичеразведе-

ния ЦНИЛ Главохоты РСФСР, кандидата биологических наук **С. Ю. Фокина** прокомментировать письмо **А. Санькова**.

Случай, рассказанный охотоведом, очень редкий. Дело в том, что утка, которая вывела утят, не может сразу же вновь откладывать яйца и их насиживать, так как сразу после проклева скорлупы яиц происходит резкая гормональная и поведенческая перестройка организма самки. У нее появляется родительское поведение: комплекс защитных, тревожных реакций и реакции по интеграции выводка и обеспечения его жизнедеятельности (включая кормовое поведение, реакцию следования, обогрев маленьких птенцов). Мощным пусковым стимулом такого родительского поведения служат первые писки эмбрионов и звуковые сигналы птенцов. Неоднократно встречалось такое: утка, насиживающая кладку по соседству с другой самкой, услышав голоса утят, вылупляющихся в соседнем гнезде, бросала свои яйца и принималась водить чужой выводок вместе с «законной мамашей». Обратных случаев предпочтения яиц птенцам науке не известно. Установлено, что сти-

мул к вождению птенцов значительно более мощный, нежели стимул к насиживанию яиц. К тому же со второй половины насиживания у самок крякв по отношению к селезням появляется так называемое «отвергающее» поведение, направленное на предотвращение попыток селезней к спариванию. Ослабление родительского поведения у кряквы происходит на восьмой неделе после вылупления птенцов и совпадает со временем подъема выводка на крыло. В нормальных условиях повторные кладки кряквы не делают. Однако если первый выводок утят погиб, то утка вновь делает гнездо. Вторые кладки бывают и при содержании уток в искусственных условиях, в том случае, если первый выводок оказался ранним (апрель). Единственным объяснением случая, описанного А. Саньковым, можно предположить сильный стресс утки сразу после вывода птенцов первой кладки (внезапный испуг, проникновение в вольеру хищника, либо сильное беспокойство людьми). В этом случае возможны временная блокировка родительского поведения и возврат к новому циклу размножения. Кстати, именно этим можно объяснить повторные кладки уток, у которых гибнет выводок в раннем возрасте.

СОБАКИ И ВОЛКИ

Л. РЯБОВ,
кандидат биологических наук,
член рабочей комиссии по крупным
хищным млекопитающим
Всесоюзного териологического
общества АН СССР.

Наблюдения за хищниками проводились с середины 60-х годов по настоящее время в прихоперских лесах Воронежской обл. и Усманском бору.

Прихоперские леса тянутся узкой полосой вдоль реки Хопер по северо-восточной части Воронежской обл. Недалеко от границы с Волгоградской обл. расположен Хоперский заповедник площадью 16,2 тыс. га. В 1938 г. в заповедник завезли для акклиматизации пятнистых оленей и был поставлен вопрос о ликвидации в этом регионе волков. Жесткий контроль за численностью волков проводится 40 лет. Олени за это время не только хорошо прижились, но и чрезмерно размножились, превысив емкость биотопов, частично расселились за пределы заповедника (Петрашов, 1974; Рябов, 1975). Экологическую нишу волка в природе заняли бродячие и одичавшие собаки, пристрастившиеся к охоте за пятнистыми оленями. Добывать копытных новоявленным хищникам было сравнительно просто из-за многочисленности оленей и наметившейся физической деградации животных (Печенюк, 1979; 1986; Рябов, 1979).

Рассадниками собак служили многочисленные окружающие заповедник населенные пункты, отчасти пастушьи собаки из пасшихся вблизи заповедника стад и отар (Рябов, 1974). Собакам помогло приобщиться к охоте присутствие в лесу подранков оленей и лосей, остающихся после вынужденной охоты на этих животных в заповеднике и рядом с ним.

В конце 60-х годов в Хоперском заповеднике и его охранный зоне держалось примерно 15 одичавших собак, да бродячих рыскало более 30. В пересчете на 100 км² — 100—102 хищника. Это были дворняжки, часто с примесью крови гончей. В одной стае вместе с дворняжками бегала чистокровная гончая. Они постоянно жили в лесу. Иногда дворняжки подстраивались под гончих, но чаще преследовали оленей вместе. Несколько раз отмечались собаки, похожие на немецких овчарок, и даже две борзые. К трупам погибших оленей и лосей ходили собаки разной величины, в том числе и шавки. Охотой же занимались собаки среднего, иногда крупного размера.

Человека, тем более вооруженного, собаки остерегались, поэтому истреб-

лять их удавалось только с помощью карабинов с оптическими прицелами, иногда — капканов. Но если стаи ликвидировали, на их место быстро приходили из сел новые собаки. Олени, преследуемые собаками, иногда искали спасение у человека.

В кормовом рационе собак олени составляли (138 данных) 93,4 %, из них 69 % — сеголетки. Взрослые самки и самцы были преимущественно подранками. На втором месте в рационе этих собак стоял лось — 2,2 %. Изредка нападения подвергались молодые здоровые животные, но обычно — подранки.

Возле нор собак дважды обнаруживали остатки (хвосты) бобров и енотовидных собак, по одному разу — молодого кабана и небольшой дворовой собаки. Собаки сравнительно легко преследовали оленей по насту — шли за ними вслед, иногда «веером». Неоднократно отмечали случаи, когда собаки выгоняли взрослых оленей на гладкий лед и убивали. Дворняжки хватили жертву исключительно сзади сначала на ходу, а потом выедали мышцы ног у лежащего живого животного. Окровавленные морды вытирали о снег. Только две бегавшие по заповеднику борзые и овчаркоподобные собаки хватили оленей еще и за горло. Охотились собаки как днем, так и ночью, иногда с лаем или взвизгиванием одной-двух дворняжек, но чаще молча. Отдыхали у туш убитых оленей в 30—50 м. Приближаясь к добыче лисиц отпугивали лаем. Те, в свою очередь, лаяли на собак. Если собака спугивала людей, к тушам оленей они возвращались осторожно: по-волчьи, кругами.

Охотились собаки и в одиночку (гончие), и парами, и стаями из трех—восьми особей.

Выводки собак регистрировали в прихоперских лесах в любое время года. 12 раз в барсучьих, лисьих и обсохших норах бобров, один раз под корнями вывороченного дерева и на месте старой землянки. Количество щенят — 2—6 (в среднем 4,4). Известны случаи, когда суки, после обнаружения нор людьми, перетаскивали месячных щенят, а более крупных переводили в другие места.

Волки снова появились в Хоперском заповеднике в 1969 г. С 1971 г. стали находить от одного до трех и даже четырех выводков (в заповеднике и примыкающих к нему угодьях). В общей сложности хищник обитает в заповеднике 21 год. За это время численность его (с учетом охранный зоны заповедника) колебалась от 1 до 26 особей (в среднем 13,3). Плотность

населения — от 4,3 до 56,5 (в среднем — 30,5) в пересчете на 1000 км².

Впервые частично сократили численность волка в 1971 г. А с 1976 г. это стали делать более-менее регулярно. В среднем изъятие составляло примерно 26 %. В 1988 г. — 48 % (полностью был ликвидирован один из двух живших в заповеднике выводков). Волки на Хопре — хищники с наименее выраженной синантропизацией (Бибикив и др., 1985), приспособившиеся охотиться за пятнистым оленем.

Процесс вытеснения собак волками проходил в прихоперских лесах сравнительно медленно. Появившиеся в Хоперском заповеднике первые волки вели себя по отношению к хозяйничавшим там собакам миролюбиво и даже были их комменсалами. Но с появлением семей и выводков у волков сформировались охотничьи территории. Размеры их из-за обилия пищи были небольшими. Собаки из этих мест исчезли. Волки расширяли свои владения постепенно. Межсемейных конфликтов между ними не наблюдалось. С 1970 по 1974 год в заповеднике и рядом с ним отмечались участки (первое время обширные), на которых встречались следы как волков, так и собак (Рябов, 1978; 1979). Но в конечном счете в 1975 г., через 7 лет после прихода волков, одичавшие собаки покинули территорию заповедника и окрестности (Рябов, 1978; Казневский, 1979). Бродячие собаки сейчас встречаются по периферии заповедника, но постоянно в нем не живут.

Только дважды нами зарегистрировано нападение волков на собак. Один раз мы видели, как напугалась в лесу воющих волков оказавшаяся рядом гончая собака, тотчас прижавшаяся к незнакомым людям. В то же время сытые волки не обращали внимания на свежие следы собак. Однажды отмечено, что отдыхавшие волки не стали нападать на гончую, которая с голосом протолкала зайца всего в ста метрах от них.

Усманский бор — один из наиболее крупных островных лесов Центрального Черноземья. Северную его половину в пределах Липецкой и Воронежской областей занимает Воронежский заповедник (31 тыс. га), юго-восточную часть — республиканский заказник (23 тыс. га), юго-западный, отделенный от заказника рекой Усманкой, — учебное хозяйство Воронежского лесотехнического института — ВЛТИ (13,6 тыс. га суши, огибающей северную часть Воронежского водохранилища и примыкающей к г. Воронежу).

После долгого отсутствия, связанного с интенсивным преследованием (Мертц, 1953; Рябов и др., 1985), волки появились в Усманском лесу в 1971 г. Они живут одной семьей 18 лет. Как и на Хопре, специализируются на добыче размножившихся оленей, только благородных. Численность волков колебалась от 1 до 15 (в среднем 6) особей. Максимальная плотность населения в пересчете на 1000 км² достигала 21 особи. Изъятие составляло 18,7 %. Семья полностью не разрушалась и быстро восстанавливала оптимальную структуру. Волки осели преимущественно в Воронежском заповеднике, где их меньше всего беспокоили. Периодически они уходили в открытые уголья к северу и в наполненный людьми лес (особенно в бесснежное время) к югу — в республиканский заказник (там хищников преследовала бригада охотников) и на территорию хозяйства ВЛТИ.

За время нахождения волков в заповеднике там не отмечалось ни одного вывода собак. Не было в районе расположения волчьих логовов и лисьих нор. В северной и восточной частях заповедника по периферии встречались иногда (преимущественно в охранный зоне заповедника рядом с населенными пунктами) бродячие собаки. Зато в местах редкого пребывания волков и полного их отсутствия сформировалось настоящее «царство» бездомных собак-оленьятников. Так, на территории учебного хозяйства ВЛТИ только с сентября 1974 по март 1975 г. бригадой охотников вместе со студентами, прочесывавшими лес, было убито 80 собак. Из них больше двадцати постоянно жили в лесу чепухами стадами. К заметному снижению численности хищников это мероприятие не привело. В 1975—76 гг. там было убито 86 собак. В эти же годы в республиканском заказнике истребляли (иногда с применением капканов у привады) по 30—36 бездомных собак. По своей сути собаки ничем не отличались от хоперских. Некоторые дворняжки были с примесью крови легавых собак. Безнадзорными иногда становились затерявшиеся в лесу охотничьи и брошенные пастушьи собаки. Но главными рассадниками хищников служили примыкающие к лесу села и города, выставленные в лесу многочисленные базы отдыха, санатории, пионерские лагеря, рыбацкие поселки. Отдыхающие и сторожа обычно содержат собак без привязи, а по окончании дачного сезона бросают их на произвол судьбы. Только от с. Чертовцы Рамонского района до г. Воронежа построено 18 таких баз и рыбацкий поселок из 700 домиков, в республиканском заказнике — 26 баз и лагерь.

Вольная жизнь безнадзорных собак начиналась с посещения свалок с пищевыми отбросами. С выпадением снега

образовывались стаи, которые бродили по лесу. Важным этапом на пути собак к активной охоте за благородными оленями было разыскивание и поедание ими остатков убитых охотниками копытных, а также преследование подранков. Среди собак обычно оказывалась «заводила», подающая пример в охоте. Остальные быстро принарамливались к ее действиям. Попробовав оленятины, собаки становились постоянными ее потребителями и постепенно дичали. Часть их оставалась жить в лесу, другая продолжала посещать свалки. Но были и такие, которые жили в населенных пунктах, по-видимому, имели хозяев, однако регулярно ходили на охоту в лес. В Усманском лесу встречались одичавшие, полудичавшие и неодичавшие собаки-оленьятники. Тем не менее все они вели себя в лесу по отношению к человеку осторожно, будто понимали, что творят в природе черное дело. Олени, как и на Хопре, в кризисной ситуации иногда искали спасения возле людей.

Собаки ходили по лесу уверенно: знали, куда и зачем, часто использовали звериные тропы. Словом, это была их территория. Приемы и время охоты были такими же, как на Хопре. Если олень, загнанный на лед, проваливался под него, хищники садились вокруг полыньи и ждали, когда он утонет. Иногда олень сам искал спасенье в незамерзшей реке, а преследователи ждали его на берегу.

Многие собаки хорошо знали места зимней подкормки оленей и нападали на них у кормушек. Олени часто сосредотачивались вдоль железной дороги, ведущей к пос. Рамонь, где подбирали потерянную при перевозке свеклу. Сюда же приходили и собаки. За одну охоту им удавалось убить не более одного оленя. Отощавших животных собаки брали сравнительно легко. У туши держались до полного ее использования и еще какое-то время

Беспривязные собаки на базах отдыха Воронежской области — обычное явление.

лежали возле костей. Чаще отдыхали чуть в стороне на пригромах бугров под соснами, иногда на свежих породах кабанов и в стогах сена.

Зимой при недостатке кормов и обилии ослабевших оленей кабаны часто тоже убивали их и переходили на мясное меню (Соломатин, 1979). В это время они сплошь и рядом выступали в роли комменсалов собак. Быстро уничтожали убитых ими оленей и стимулировали хищничество собак.

Как и на Хопре, в Усманском лесу собаки изредка охотились в одиночку и парами. Но чаще стадами по 3—5 собак, иногда объединялись 10—11 хищников (в среднем 5, 6).

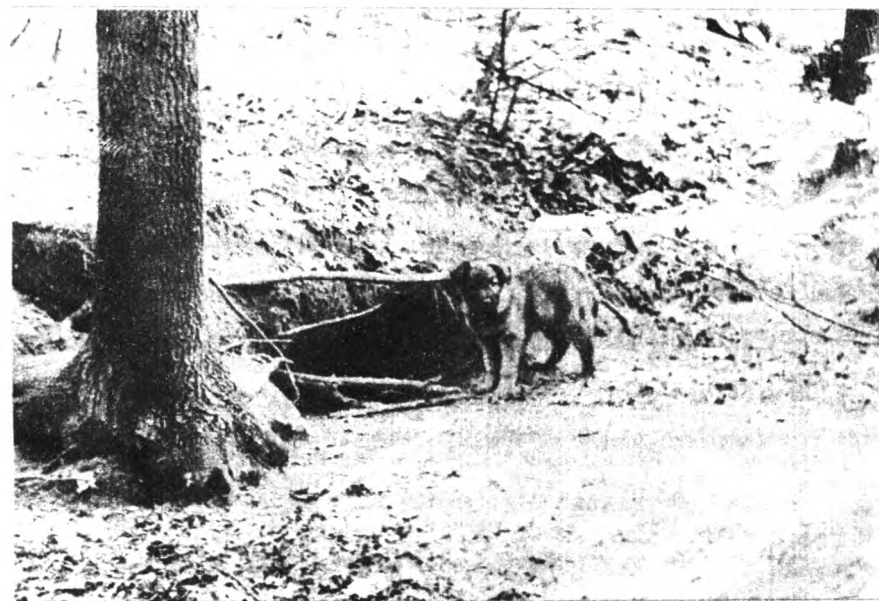
Олени в кормовом рационе собак (84 данных) составили 92,8 %. Преобладали сеголетки обоего пола. Реже встречались взрослые: самки, молодые и старые рогачи, среди которых были подранки. Добычей собак становились погибшие в турнирных боях особи и ослабленные после гона самцы. Снег на оленьих тропах был залит кровью. Как и на Хопре, собаки выедали у оленей мякоть задних ног сначала на бегу, потом на земле. Далее разрывали живот. Шею не трогали. Изредка (4,7 %) в рационе встречались кабаны (сеголетки). Однажды стая из 8 собак закружила взрослого кабана. Он был сильно окровавлен. 3—4 хищника бросались с лаем на жертву, остальные отдыхали, чесались. Через некоторое время собаки менялись.

Охота на косуль отмечалась неоднократно. Но всего лишь один раз зарегистрирована убитая собаками косуля. Отмечена взрослая, хорошо упитанная енотовидная собака, задавленная у трупа оленя. Есть ее хищники не стали. На лисиц и зайцев, несмотря на их обычность в лесу, собаки

внимания не обращали. Однажды они не погнались и за тяжело раненной в живот лосихой с двумя лосятами. В других случаях при погоне за оленями и косулями проявляли большое упорство.

Выводки собак встречали с марта по июнь. 10 раз их находили в норах: в вырытых самими собаками, в старых барсучьих и расширенных лисьих. Один раз обнаружили выводок под кучей хвороста. В выводках было по два щенка, по три, по шесть, 11 и 12 (в среднем 6,6). Известны случаи, когда вблизи выводков собаки преследовали велосипедистов, бросались на грибников. Кобели из гонной стаи нападали на детей. После обнаружения нор человеком суки не перетаскивали малышей (кроме одного случая). Однажды вместо убитой суки щенят кормил отрыжкой из оленятины отец, по-видимому волко-собачий гибрид.

В декабре 1977 г. на территорию учебного хозяйства ВЛТИ зашла стая из 8 волков. Через некоторое время двух застрелили, остальные держались в пределах Левобережного и Животинских лесничеств (10,1 тыс. га) до середины 1978 г. В отличие от Хоперского заповедника, собаки из лесных угодий быстро исчезли, что подтвердил учет животных по снегу в марте 1978 г. Известны два случая нападения волков на собак в Левобережном лесничестве. В Правобережном лесничестве ВЛТИ (3,5 тыс. га), примыкающем к г. Воронежу, куда волки не заходили, зимой 1977/78 г. было застрелено 47 собак (1342 в пересчете на 1000 км²). Мало изменилась картина и сейчас. Зимой 1988/89 г. в Аэропортовском, Кочетковском логах и в окрестностях рыбацкого поселка Правобережного лесничества зарегистри-

ровано три стаи собак (7,11 и 3), преследовавших оленей и косуль. Поскольку собаки живут в зеленой зоне города и являются из-за отсутствия волков постоянным компонентом местных ценозов, стрелять их здесь нельзя. Новым рассадником собак в описываемом районе стала недавно организованная в северной части г. Воронежа большая свалка с пищевыми отходами.

И тем не менее волки в настоящее время специально на собак не охотятся. Собаки покидают лес, по-видимому, из-за одного присутствия волков как опасных конкурентов, претендующих на ту же экологическую нишу. В 1941—1952 гг. собаки составляли в кормовом рационе волка в Усманском бору и близ него 17,6 %, больше, чем олени; на первом месте стояли зайцы (Мертц, 1953). Теперь — 0,8 % (олени 71,5 %, зайцы отсутствуют вовсе).

Щенок одичавшей дворовой собаки у норы.

В то же время в мае 1975 г. в окрестностях Воронежа в республиканском заказнике мы видели днем сразу четырех волков, упорно преследовавших по пятам, местами «веером», лисицу, вид у которой был изрядно потрепанный.

Таким образом, в Воронежском и Хоперском заповедниках четко проявляется «закон конкурентного исключения»: где живет семейная стая волков, да еще большая, одичавших собак быть не может. Они избегают волчьих охотничьих мест. В этом видна полезность волка, обитающего даже в небольших по площади заповедниках. К аналогичным выводам пришел и Т. Бараташвили (1987), наблюдавший волков и собак в

Боржомском заповеднике. В рассмотренной ситуации волк является своеобразным буфером, препятствующим проникновению в биоценозы чуждого им вида.

Ряд ученых (Назарова, 1978; Рыковский, 1978) квалифицируют волка как опасного распространителя многих болезней, в том числе гельминтозов, среди диких и домашних копытных (эхинококка, мозгового цепня, альвеококка, тении и других). Жизненный цикл упомянутых внутренних паразитов представляет собой цепочку, в которой промежуточными хозяевами служат копытные, а также человек. Безусловно, поедая трупы павших животных, волк распространяет гельминтозы, опасные инфекции (в том числе бешенство), служит прокормителем многих видов пастбищных и норовых клещей, поддерживает тем самым очаги арбовирусных инфекций (заболеваний, переносимых членистоногими — клещами, комарами, москитами и другими). Но эти же болезни с еще большим успехом, в силу большей плотности населения, переносят и заменившие волка в природе бродячие и одичавшие собаки. Вот почему гельминтозами, тем же эхинококкозом, поражаются копытные и в тех местах, где волки полностью отсутствуют (Спасский и др., 1985). Собаки там являются фактически единственным окончательным хозяином в жизненном цикле эхинококка. Волк, убивая и вытесняя собак из ценозов, сокращает очаги упомянутых и других болезней.

Известно, что собаки, заменившие волка в природе, лучше уживаются с лисицей — основным носителем вируса бешенства в природе. Антагонизм между ними выражен слабо. Выводковые норы тех и других могут располагаться поблизости друг от друга, а сами хищники иногда совместно кормятся у трупов павших животных или скоплений отходов. При таких контактах они могут взаимно заражать друг друга целым рядом болезней (Спасский и др., 1985).

На территории Хоперского заповедника пятнистый олень оказался зараженным элафостронгилезом — особой формой паразитического червя, вызывающего тяжелейшие нарушения центральной нервной системы и легочное заболевание. Передается болезнь от копытного к копытному через сухопутных моллюсков без участия хищников. Чем выше плотность населения копытных, тем выше зараженность. Волк в данной ситуации, выбирая в основном больных животных, способствовал оздоровлению популяции пятнистых оленей (Печенюк, 1978; 1986). Поэтому мерам радикальной борьбы с волком на заповедных территориях должно противостоять разумное регулирование их численности.

Фото автора

И. ЛЬВОВ,
старший научный сотрудник
ВНИИ охраны природы,
кандидат биологических наук

На острове Малой Курильской гряды Шикотане и расположенных к западу и юго-западу от него мелких океанических островах в 1982 г. организован государственный республиканский зоологический заказник «Малые Курилы». Фактически заказник начал свою деятельность со второй половины 1984 г.

Малая Курильская гряда имеет в длину всего около 100 км. Она является частью почти 1200-километровой Большой Курильской гряды, простирающейся в меридиональном направлении на крайнем востоке нашей страны. От Большой Курильской гряды она отделена Южно-Курильским проливом шириной 60 км. В административном отношении вся цепь Курильских островов относится к Сахалинской области.

В заказник «Малые Курилы» вошли

„МАЛЫЕ КУРИЛЫ“

острова: Шикотан (все бухты Тихоокеанского побережья от Малокурильской до Звездной), Зеленый, Юрий, Танфильева, Полонского, Анучина с прилегающими к ним скалами, банками, рифами и одноименной акваторией территориальных вод СССР. Общая площадь заказника — 45 тыс. га, из которых 19,8 тыс. га составляют земельные угодья, а 25,2 тыс. га — акватория Тихого океана. Административно заказник подчинен государственному заповеднику «Курильский», организованному в 1984 г. на о. Кунашир.

Создание заказника на Южных Курильских островах обусловлено особой ценностью их природных комплексов, необходимостью сохранения редких, исчезающих и ценных перелетных, зимующих и гнездящихся водоплавающих и морских птиц, а также морских млекопитающих — ластоногих, калана, китообразных. Одна из целей создания заказника — выполнение обязательств советской стороны, вытекающих из заключенной в 1973 г. Конвенции между правительствами СССР и Японии об ох-

ране перелетных птиц и птиц, находящихся под угрозой исчезновения и среды их обитания.

Все острова заказника вулканического происхождения, имеют плоско-равнинный низогорный и холмистый рельеф.

Остров Шикотан* дальше других крупных островов Малой Курильской

гряды выдвинут в Тихий океан. Он представляет собой сильно всхолмленный вулканический массив с круто обрывающимися в океан скалистыми берегами. Множество изумительных по красоте бухт. Абсолютные высоты над уровнем моря 170—240 м, реже выше

Мыс Край Света.

* «Шикотан» в переводе с айнского означает — лучшее место. С 1769 г. на морских картах обозначался «о. Шпанберга» — в честь заслуг и приоритета русского морского офицера М. Шпанберга, открывшего 34 острова Курильской гряды (Браславец, 1983).

300 м. Наивысшая точка острова — гора Шикотан (412,6 м).

Своеобразна растительность острова. Господствующей лесной формацией являются темнохвойные леса из ели мелкосемянной и пихты сахалинской с примесью лиственных пород: берез — вязолистной и белой, ольхи Максимовича и пушистой, нескольких видов ив, ильма лопастного, шелковицы и других. В составе лесов ель Глена, лиственница курильская, тис остроколючный, можжевельник Саржента, бархат сахалинский, рябина бузинолистная, диморфант; много лиан, широко распространен бамбук — курильский и метельчатый. На Шикотане отмечено 116 видов растений, отсутствующих на других островах (Воробьев, 1963). Отличительной особенностью растительности Шикотана, по сравнению с другими «лесными» островами, является отсутствие кедрового стланика. Его заменяет здесь можжевельник Саржента.

Другие острова заказника имеют высоты не более 50 м над уровнем моря и сложены главным образом из туфогенных песчаников и сланцев. Ландшафт их более однообразен: плоские равнины, поросшие бамбуком, и разнотравные луга с ольховниковым и кедровым стланиками.

Климат типично океанический. Влияние на него Азиатского материка почти не сказывается. Лето прохладное, дождливое, с почти ежедневными туманами. Осень теплая, сухая. Зима ветреная, сравнительно мягкая, с температурами, редко достигающими —18—20 °С. Снеговой покров непостоянен и не достигает большой мощности.

Южно-Курильские острова, входящие в заказник, выделены в особый физико-географический подрайон

Южно-Курильских горно-лесистых островов (Корсунская, 1958).

Животный мир заказника характерен для некрутых скалистых островов. Богата и разнообразна по составу орнитофауна. Преобладают чайки, кайры, чистики, бакланы и пластинчатоклювые. Чайки и бакланы образуют довольно крупные птичьи базары, размещающиеся на обрывистых скальных берегах. Выше, в земляных откосах роют норы чистиковые птицы — топорки, численность которых на Шикотане довольно велика.

Для Шикотана известно около 170 видов птиц, из которых 90 гнездящихся. На безлесных островах Малой Курильской гряды зарегистрировано около 120 видов птиц, из которых 50 гнездящихся. На этих островах кроме прибрежно-морских птиц гнездятся малая поганка, водяной пастушок, камышница, полевой жаворонок, черная ворона, ворон, черноголовый чекан, соловей-красношейка, чернобровая камышовка, пятнистый сверчок, камышовая овсянка и другие (Нечаев, 1969). Общая численность зимующих здесь птиц в последнее время сократилась.

В состав орнитофауны входит целый ряд птиц, распространение которых ограничивается преимущественно островами Восточной Азии. Это длинноносый волчок, японский бекас, тисовая синица, японская зарянка, курильский и японский оливковые дрозды, японская желтоспинная мухоловка, японский малый скворец и другие. Эти виды обитают в СССР только на Южных Курильских островах и некоторые на Южном Сахалине. Часть видов внесена в Красную книгу СССР: краснолицый баклан, лебедь-кликун, японский журавль, белоспинный альбатрос, белоплечий и белохвостый орланы.

Бухта Отрадная.

В заказнике 17 видов млекопитающих. В их числе лисица, тюлени — антур (внесен в Красные книги РСФСР, СССР, МСОП), лагра, сивуч. Очень редко, в основном в период миграций, встречаются северный морской котик, лахтак или морской заяц, акиба, крылатка.

В реках заказника обитают ценные виды рыб — кета, горбуша и другие.

Задачи заказника — охрана морских млекопитающих, колониальных и водоплавающих птиц на гнездовьях и зимовках, охрана мест нереста рыб и нагула молоди, охрана редких видов животных и растений и среды их обитания, проведение биотехнических мероприятий по улучшению условий воспроизводства.

В заказнике «Малые Курилы» запрещены охота на все виды диких животных и промысловая добыча морских млекопитающих; запрещены разрушение и загрязнение среды обитания животных, а также любая хозяйственная деятельность на лежбищах морских млекопитающих и птичьих базарах, не связанная с проведением мероприятий по улучшению условий обитания животных. По согласованию с Сахалинским облисполкомом на территории заказника могут быть ограничены или запрещены отдельные виды хозяйственной деятельности: распашка земель, некоторые виды лесопользования, проведение мелиоративных работ, использование ядохимикатов, строительство рекреационных объектов, движение механизированного наземного и водного транспорта вне дорог и водных путей общего пользования, изыскательские работы и разработки полезных ископаемых.

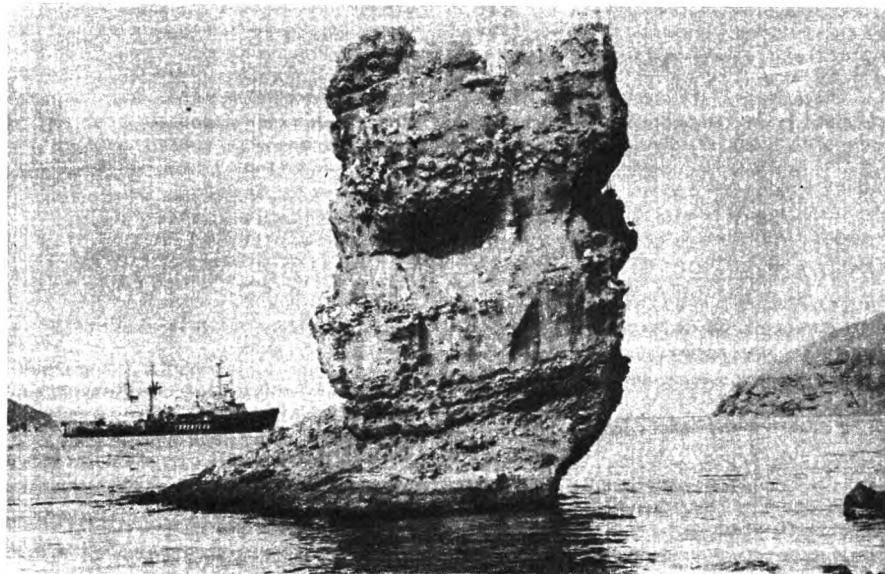
Территория заказника относится к районам Крайнего Севера. Поэтому здесь введены более строгие правила по охране вод, растительного и животного мира.

В штате заказника всего семь сотрудников: четыре егеря, охотовед, рабочий и старший охотовед — руководитель заказника. На них и возложено выполнение всего круга задач. За короткое время силами работников заказника проведено обустройство территории, налажена охрана угодий, проводятся биотехнические и охотхозяйственные работы, включая и инвентаризацию фауны, кольцевание птиц, ведение летописи природы. Учетные работы позволили внести в список птиц заказника новые, ранее не отмечавшиеся здесь виды.

Постоянную помощь заказнику оказывает заповедник, расположенный на соседнем острове. Заказник обеспечен необходимыми транспортными средствами: есть мотонарты, автомашина, мотоцикл, лошади. Широко используется арендуемый заповедником вертолет.

Организация заказника «Малые Курилы» — важная мера по охране природы островов Малой Курильской гряды.

Фото С. Лилуева

ЛЮБОВЬ К ПИТОМЦУ — МОГУЧИЙ РЫЧАГ ВОСПИТАНИЯ

Н. ВЛАСОВ

Охота с подружейной собакой очень эмоциональна, дарит множество незабываемых впечатлений, исключает потери подраненной дичи. Если вас не устраивают спаниели, работающие без стойки, или островные легавые, часто не апортирующие и нередко принимающиеся за работу со второготретьего поля, то останавливайте выбор на курцхааре — разносторонней континентальной легавой, работающей по птице и зверю. Хорошо воспитанный и поставленный курцхаар — преданный друг в доме и незаменимый помощник на охоте.

Цель воспитания — развить у собаки положительные инстинкты и подавить отрицательные, мешающие ее охотничьему использованию.

Поставленным может считаться курцхаар, самостоятельно и правильно, без частых команд охотника ведущий поиск дичи, не боющийся выстрела. Он должен быть безразличным к домашним животным, ласков с хозяином, дружелюбен с членами его семьи, недоверчив к посторонним людям.

Поведение охотничьих собак строится на сложных безусловных рефлексах: ориентировочном, пищевом, оборонительном и половом. Развитие ориентировочного рефлекса делает курцхаара добычливым; на использовании пищевого рефлекса основаны многие приемы дрессировки и натаски; оборонительный активный рефлекс воспитывает смелость и злобность к зверю, спокойное отношение к выстрелу, делает собаку находчивой в любой ситуации; собака с оборонительным пассивным рефлексом труслива и непродуктивна на охоте. Условные рефлексы, возникающие под действием окружающей среды и приобретенные в процессе обучения, требуют постоянной отработки и при отсутствии повторения постепенно угасают.

По типу высшей нервной деятельности курцхаары отличаются уравновешенным поведением, сильными процессами возбуждения и торможения и хорошей их подвижностью. Для воспитания этих собак наиболее пригоден контрастный метод, основанный на развитии и закреплении нужных рефлексов и навыков поощрением и подавлением нежелательных принуждением. В этом методе любовь и ласка совмещаются со спокойной строгостью

и разумной требовательностью к питомцу.

Начинать воспитание щенка следует с момента его появления в доме, приучая к чистоте, кличке, знанию места. Занятия проводите ежедневно, чередуя их с играми, но не допуская переутомления щенка, щадя его нервную систему. В раннем возрасте команды обучающего воспринимаются особенно легко, но не забывайте, что необходимы ласковое и ровное обращение с питомцем, однородность приемов обучения и обязательное ежедневное повторение пройденного. Приемы дрессировки и натаски легавых в достаточной мере подробно описаны в книге «Легавые собаки» (Агропромиздат, М., 1985) и журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 3 и 4 за 1986 г.

Отнятый от матери щенок нуждается во внимании и ласке, правильном кормлении, тепле и отдыхе. Он должен иметь игрушки — лучше детские гуттаперчевые с пищиками и резиновые или теннисные мячи. С первых же дней нахождения щенка в доме установите с ним дружеские отношения. Прочность взаимного контакта характеризуют постоянное наблюдение щенка за вами, послушание, доверчивый и быстрый подход на зов. Чтобы быстрее установить такие отношения, надо самому кормить щенка, выводить на прогулку, ласкать, играть с ним, давать поощрительные лакомства, всеми средствами укрепляя обоюдную связь. Любовь к питомцу — могучий рычаг воспитания.

Щенок должен понять, что быстрое и четкое выполнение команд хозяина всегда вознаграждается лакомством или лаской. Но хорошего выполнения запрещающих команд только поощрением достигнуть нельзя; наказывать щенка приходится, но в исключительных случаях, сводя болевое воздействие к минимуму, чтобы не подавать в нем жизнерадостности и доверия к хозяину. Любое наказание должно быть доходчивым, производиться сразу за свершением поступка.

Достичь хороших результатов в воспитании курцхаара можно, только проявив настойчивость и терпение, не теряя самообладания, отдавая команды ровным, спокойным голосом. Нечеткость команды влечет ее непонимание и неточное исполнение. Любую команду отдавайте лаконично и в повелительном наклонении: «искать», «стоять».

Основным качеством курцхаара должно стать послушание — быстрое

и точное выполнение команд хозяина; в первую очередь позывистость и четкое выполнение команд «вперед» и «нельзя». Эти две команды, разрешающая и запрещающая, являются фундаментальными в развитии общего послушания собаки.

Натаска — заключительная стадия воспитания молодой собаки. Если дрессировка основана на игре и получении лакомств, то при натаске развиваются рабочие качества собаки, используя присущие породе врожденные инстинкты и индивидуальную рассудочную деятельность. Курцхаар, обученный работе хозяином, будет с ним в более тесном контакте и лучше взаимопонимании, а натасканный егерем зачастую не будет выполнять команд хозяина.

Натаску курцхаара можно начинать с пяти-шестимесячного возраста, проводя ее в щадящем режиме. Несостоятельные рекомендации, что натаску разносторонних легавых надо начинать с работы по зверю. Натаску курцхаара, как и прочих пород легавых, начинают только по птице, а после успешного ее завершения, отработки собакой твердой стойки и дальнего чутья, полного и безупречного послушания — по зверю. Не пытайтесь использовать для ускорения процесса натаски взрослую, даже опытную легавую; ее недостатки неизбежно передадутся впечатлительному щенку. При дрессировке поощрение оказывалось действеннее наказания. Руководствуйтесь этим положением и при натаске. Задачи натаски — выработка у легавой умения быстро и на возможно большей площади поиска обнаруживать дичь, твердой стойкой отмечать ее нахождение, по команде поднимать под выстрел, разыскивать и апортировать убитую или подранка.

Начинают натаску с отработки поиска челноком, когда собака движется вперед охотника на правильных параллелях, перпендикулярных направлению ветра. Пущенная против ветра собака сама будет стремиться к этой манере поиска, так как большую часть запаховой информации она может получить лишь идя боком к ветру. Расстояние между параллелями не должно превышать возможного причувствования собакой дичи; удаление в стороны от вас — 40—80 м, недопустимы завороты внутрь при переходах на следующие параллели. Собака не должна оставлять необследованных мест и проходить зади ведущего.

Отработку манеры поиска челноком начинают на открытых участках со ско-

шальной травой или по стерне, при умеренном ветре и обязательном отсутствии дичи. В этих условиях молодой собаке легче выполнять ваши команды; запахи же дичи взволнуют ее, и нежелательные в обучении срывы будут неизбежны. В безветрие собака начнет опускаться морду, привыкая работать низом и, задерживаясь на старых набродах птиц или у мышиных нор, станет «копать».

Закончив в несколько приемов обучение поиску челноком переходят к работе по дичи, начиная ее с отработки стойки. Можно заранее на дворовых голубях приучить щенка не срывать стойки и не гнаться за улетающей птицей. Заключительным этапом натаски должна стать разработка дальности и верности чутья, манеры приучивания дичи, послушание. В процессе натаски обращают внимание только на то, что необходимо для охоты. Решительно пресекайте любой интерес к бабочкам, лягушкам, ежам.

Лучшими для натаски являются дупель и перепел, затем молодой бекас, а к концу обучения и коростель. Натаску желательно начать в разгар весеннего токования птиц и приостановить с началом буйного цветения луговых трав. Работать молодой собаке в высокой траве тяжело, а действие цветочной пыльцы настолько велико, что и опытные легавые заметно теряют чутье. После сенокосов натаску можно продолжить там, где по отаве пасут скот. Здесь будут и дупели и перепела, а в мелких болотинах и по бочагам появятся бекасы. Нельзя начинать натаску с коростелей или болотных курочек, которые не держат стойки и, убегая, горячат неопытную собаку. В течение всего лета натаску можно производить на полях со скошенными зерновыми или по люцерне и клеверу, а также на заросших сосняками, неспаханых полосках земли. Лишь во второй половине лета, когда курс натаски по болотной и полевой дичи будет завершен и ваш питомец обретет безукоризненное послушание и спокойное отношение к взлету птицы и выстрелу, можно начать его натаску по лесной и водоплавающей дичи.

Места натаски лучше подыскивать ближе к дому, экономя время и не переутомляя молодую собаку длительными переходами. При отсутствии близких мест с дикой птицей натаска производится по подсадным птицам, лучшими из которых являются перепела. Они хорошо переносят клеточное содержание и размножаются в неволе.

Отлов диких перепелов в нашей стране запрещен, но можно купить несколько инкубаторных петушков на птицефабриках, разводящих перепелов японской породы. Эти птицы никогда не летали и зачастую продаются с голыми спинами и без пуха. За 20—25 дней их можно подготовить к работе, кормя ядрицей и прородом и в избытке всходами овса, молодого салата, осмкой и мелко измельченной яичной скорлупой. Для содержания трех-

четыре птицы достаточно клетка размерами 500×1000×500 мм, размещаемая с приходом весны на солнечной части террасы или балкона, где нет сквозняков. Верх клетки должен быть темным, при светлом верхе высоко прыгающие петушки (а это их врожденный ритуал) будут травмировать головы о верхнюю решетку клетки; при темном ведут себя спокойнее и с тем большей энергией действуют на воле. Пол клетки выстилают дерном, который меняют по мере загрязнения.

Перепелов возят в рюкзаке, в фанерном ящичке с выдвижной дверкой и прорезанными вентиляционными отверстиями, а в поле носят в наружных карманах куртки. Чтобы птица не оказалась потерянной, перед выпуском в поле наденьте ей на ножки пуги длиной 15—20 мм, к которым ниткой привяжите клочок белой ваты диаметром в двадцатикопеечную монету. С пугами на ножках перемещение птицы по траве или стерне затруднено, а клочок ваты поможет быстрее найти ее и накрыть сачком или головным убором.

Летать инкубаторных перепелов учат на лугах с невысокой травой или невспаханых полях с прошлогодней стерней. Птицу с надетыми пугами посадите на ладонь и примерно с метровой высоты осторожно подкиньте, внимательно проследив, как и куда она упадет. В ее падении можно не сомневаться, ведь у инкубаторных птиц нет ни сил, ни опыта устойчиво держаться в воздухе. Обычно такой перепел, неумело взмахивая крыльями, приземляется в пяти—восьми метрах. Выждав минуты две, чтобы птица отдохнула и успокоилась, подойдите к ней и попытайтесь взять в руки для повторения приема. Если перепел не проявляет испуга, легким подталкиванием заставьте его самостоятельно подняться в воздух. Однажды взлетев, он будет подниматься сам, с каждым разом пролетая все большее расстояние. Если птица не научится летать — замените ее. Из обученных птиц отбирают самых сильных и самых пугливых; для натаски годен только такой перепел, который взлетает при грозящей ему опасности. Перепел, не реагирующий на опасность, непременно отбраковывается; работа с такой птицей лишь испортит молодую легавую — она может начать ловить дичь и будет срывать стойку.

В процессе натаски ваш курцаар должен познать запахи дичи, научиться результативному поиску, тесному контакту с хозяином, обрести охотничью страсть.

Пройдя с курцааром весной курс натаски по дичи, непременно ставьте его на полевые испытания, лишь только он проявит полное послушание, достаточное чутье и твердую стойку. Незнакомство молодого курцаара с некоторыми видами дичи не снижает его балловой оценки при работе по основному виду дичи, если вы заранее предупредите об этом экспертов.

Советы профессиональных натасчи-

ков не спешить с полевыми испытаниями молодых легавых субъективны. Неприлично ставить на испытания не совсем подготовленную собаку опытному егерю, но самостоятельно натаскивающему охотнику ее раннее испытание не помешает. Эксперты своевременно укажут вам на допущенные в натаске недостатки, и чем раньше начнете их исправлять, тем быстрее подготовите своего курцаара к новым полевым испытаниям и охоте.

...По жеребьевке мой курцаар Риф оказался последним. Его очередь дошла часам к десяти утра, когда ветер спал и дул слабыми, редкими порывами. Работать в поле без ветра собаке тяжело.

Пробыв утро «на приколе», Риф явно горячился, но спущенный на месте испытаний с поводка, терпеливо стоял в ожидании приказа. По команде «искать» кобель пошел в поиск на быстром галопе с характерной для породы сдерживаемой горячностью, высоко подняв голову и рисуя правильный челнок. Первый причуанный дупель резко оборвал ход собаки. Присев всем корпусом и замедлив ход, Риф осторожно протянул полных 20 метров в сторону обнаруженной птицы, а затем замер в стойке, поджав переднюю лапу и выткнув голову и хвост в линию со спиной. Прежде чем дать команду «вперед», я зажег сзади собаки зажималку, чтобы обратить внимание экспертов на ветер. Маленькое пламя горело устойчиво, иногда отклоняясь назад под действием уже совсем ослабшего воздушного потока.

По команде Риф тронулся вперед, не сводя глаз с сидки птицы. Проводя горящим взглядом взлетевшего дупеля, он стоял, словно изваяние. Выстрел холостым патроном не строил его вслед за улетающей птицей. Видя четкую и красивую работу питомца, я уже не сомневался в успехе. Кобель отлично отработал переместившуюся птицу и четко сработал еще одного дупеля.

«Достаточно,— объявил старший судейской группы.— Такую четкую работу молодой легавой не часто удаётся увидеть».

Оставив экспертов подводить итоги судейства, беру получившего диплом второй степени кобеля к ноге и отправляюсь на охотничью станцию через пойму реки, по которой в лучах жаркого солнца, в зеленых оправах камышей, ярко блещут зеркала больших и малых озер.

Закончен курс натаски молодого курцаара. Со страстным желанием собака ищет дичь, показывая верное и достаточно дальнее чутье, твердо держит стойку, послушно выполняет команды. Она уверенно показала себя на полевых испытаниях и так же уверенно будет работать в поле. К открытию сезона летне-осенней охоты будущий помощник набрал хорошую форму и с волнением следит за вашими охотничьими приготовлениями. Ни пера вам, ни пуха!

ВОЗРОДИТЬ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЛЕГАВЫХ

**Р. БАУМАН, В. ГРИГОРЬЕВ,
эксперты-кинологи**

В странах Западной Европы легавые собаки используются на охоте как по птице, так и по зверю. Для получения права охоты с собакой владелец должен пройти с ней пользовательские испытания по любому комплексу в соответствии со своими желаниями. Комплекс может включать, например, полевую работу, работу на воде и подачу. Любой из этих элементов можно заменить на работу в лесу или следовую работу. Особое поощрение получают владельцы собак, прошедших полный комплекс разносторонних испытаний со всеми элементами работы в поле, в лесу и на воде. Такие испытания проводятся не только внутри стран, но и на международном уровне.

Европейские соцстраны на протяжении 26 лет проводят сравнительные конкурсы легавых, цель которых — обмен опытом и выявление лучших собак. Инициаторами их были ГДР и

ЧССР, затем Венгрия, Болгария, Польша и Румыния.

Наши владельцы континентальных легавых начали забывать о разносторонних охотничьих возможностях своих собак, генетически заложенных в этих породах. Но изменяющиеся условия охоты, сокращение болотной дичи и распространение охоты на копытных стали подталкивать владельцев, особенно городских охотников, к комплексной подготовке собак. Некоторые возможности в этом плане открылись в 1981 г. после утверждения правил видовых испытаний — по водоплавающей птице, подсадному кабану и кровяному следу. Сейчас эти испытания хотя и организовываются с трудом и не лишены серьезных недостатков, но проводятся все чаще и приобретают большую популярность. Центральное правление Росохотрыболовсоюза разработало мероприятия для подготовки к участию наших континентальных легавых в международных состязаниях: переведены на русский язык «Положение о сравнительном конкурсе легавых собак

социалистических стран» и книга Рольфа-са (ГДР) с методикой натаски легавых, проведены семинары экспертов-кинологов и пробные региональные комплексные состязания легавых по отечественным правилам испытаний.

В сентябре 1989 г. в Нижне-Кундучинском охотхозяйстве Ростовской области проведены семинар экспертов и пробные испытания континентальных легавых Росохотрыболовсоюза под руководством экспертов ГДР по международным правилам.

Состав команд по аналогии с международным конкурсом был ограничен четырьмя собаками, имеющими дипломы, как минимум, по двум видам испытаний. На испытания было приглашено большое количество областей, но свои команды представили лишь Ленинград, Москва, Саратов и Свердловск. На семинар прибыли эксперты из городов: Барнаул, Вильнюс, Ижевск, Киров, Ленинград, Москва, Нальчик, Саратов, Свердловск, Тюмень, Халтурин.

Все участники состязаний и приглашенные эксперты прошли обучение на двухдневном семинаре, возглавил который главный кинолог ГДР доктор Гисберт Рёлер. Элементы комплексных состязаний, разобранные на теоретических занятиях, продемонстрировали питомцы Карла Зусдорфа и Вильгельма Браумана — пятилетний курцхаар Геро и двухлетний дратхаар Флинк.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

А. ИОАНЕСЯН

Долго, очень долго пришлось доказывать очевидное: пока не будут отменены нелепые запреты на охоту с легавыми собаками, ни о каком возрождении этой поэтической охоты говорить не придется, а ряды легатников тем временем будут редеть и редеть.

К чести руководителей Белорусского республиканского общества охотников и рыболовов именно они первыми в стране приняли меры, способные реанимировать прекрасную охоту с подружьиными собаками: вот уже несколько лет подряд охота на болотную дичь с легавыми собаками открывается в республике во второй половине июля.

Понятно и другое. Только тесное сотрудничество любителей легавых собак всей страны может способствовать выявлению лучшего племенного поголовья, наиболее интересного опыта в ведении охотничьего собаководства.

Упразднение Министерства сельского хозяйства СССР, а затем и союз-

ного Госагропрома, ничего, кстати, так и не сделавшего для объединения собаководов страны, лишило легатников возможности встречаться на всесоюзных состязаниях.

Более пяти лет назад белорусские энтузиасты выступили с инициативой проведения межреспубликанских состязаний легавых собак по болотной дичи. Традиционными участниками этих состязаний стали команды Белорусского и Украинского обществ охотников и рыболовов, Росохотрыболовсоюза. Получилось так, что все пять прошедших за это время межреспубликанских состязаний были организованы самими инициаторами. Все они прошли на должном организационном уровне, на всех собирався высокий по классу контингент легавых собак.

Главной отличительной чертой пятых межреспубликанских состязаний, которые проходили в Минской области в июле 1989 г., стали два обстоятельства: впервые в них приняла участие команда Польского Союза охотников, и впервые за последние годы в состязаниях доминировали — и по количеству, и, что особенно важно, по

качеству — островные легавые. А среди них — пойнтеры (15 из 23 участвовавших собак).

В результате интересной борьбы первое место в командном зачете завоевала команда хозяев — Белорусского общества. Второе место — у российских, третье — у украинских собаководов.

Достоинство выступила команда Польского Союза охотников: из трех собак, которых впервые «судили» по правилам, принятым в СССР, одна получила диплом II степени, другая — диплом III степени.

В личном зачете первое место и звание «Победитель» завоевал московский пойнтер Топ, владелец А. Иоанесян, с дипломом II степени (90 баллов), второе — минский пойнтер Блэки, владелец В. Цивес, с дипломом II степени (87 баллов), третье — киевский пойнтер Арно, владелец П. Андреев, с дипломом II степени (86 баллов).

Результаты состязаний лишний раз иллюстрируют сказанное ранее: интерес к замечательной породе возрождается, рабочие качества пойнтеров не снизились, эти собаки начинают возвращать утраченную было славу непревзойденных полевиков.

По общему мнению участников, даже плохая погода, временами заставлявшая подолгу ждать выхода в поле, не смогла испортить впечатления от хорошо организованных межреспубликанских состязаний, которые были

Подача.

Немецкие коллеги и в процессе учебных занятий, и на пробных испытаниях были открыты, душевные, стремились передать все свои знания по подготовке собак.

Успешность освоения материалов семинара проверяли в процессе пробных испытаний. В первый день они проводились параллельно двумя комиссиями, возглавляемыми доктором Рёлером и Карлом Зусдорфом, в поле и в лесу. Вечером обе комиссии провели испытания на воде. На второй день

комиссии меняли виды испытаний, и, таким образом, стажеры имели возможность пройти весь комплекс.

Полевые испытания проводились в полустепной местности по куропатке, фазану и зайцу-русаку. По элементам, имеющимся в отечественных правилах, большинство собак показало хорошую работу. Но встретились и слабо дисциплинированные собаки, гонявшие, а иногда и отлавливавшие без команды плохо летавших фазанов. Камнем преткновения в поле оказалось апортирование свежеебитой дичи, сбор битой птицы, подача с волока, подача зайца. Сказалось отсутствие охотничьей практики.

Наблюдая за работой немецких собак на воде, многие наши эксперты сомневались, смогут ли наши собаки выдержать конкуренцию, но именно на воде собаки оказались наиболее подготовленными и некоторые получили у экспертов ГДР наивысшую оценку.

Наиболее сложными оказались лесные испытания, как из-за слабых знаний ведущими некоторых элементов работы, так и из-за плохой подготовки их питомцев. Лишь при бушировании, то есть работе со стойкой в кустарнике, они отвечали требованиям международных правил. При выгоне дичи из зарослей и апортировании зайца с потаска особенно сказалась недостаточная самостоятельность собак вне контакта с ведущим.

К работе по кровяному следу большинство собак оказались неподготовленными. Только одна прошла весь след на поводке на оценку «посредственно». Ни одна собака пока не готова выполнять доклад. Для примера немецкими собаками были продемонстрированы оба способа доклада: Геро извещал о найденной туше лаем, а Флинк анонсировал ножкой косули в зубах, которая была заранее привязана к его ошейнику при пуске в самостоятельный поиск.

К сожалению, из-за слабой дисциплины и выдержки некоторые собаки показали плохое поведение и на исходном рубеже, и на месте без ведущего, а эти — в целом несложные — элементы имеют большое значение при различных способах охоты на копытных.

Заключительным этапом намеченного комплекса мер по организации в РСФСР регулярных разносторонних испытаний было командирование Росохотрыболовсоюзом делегации экспертов в г. Варну (НРБ) на 26-е состязания легавых социалистических стран.

В заключение еще раз напомним, что все элементы, входящие в конкурс, отобраны из практических требований охоты. И труд, затраченный на подготовку таких собак, окупится сполна при их использовании на охотах и по перу, и по зверю.

проведены в угодьях, в достаточной степени населенных болотной дичью.

Честь и хвала белорусским почитателям охоты с легавыми собаками!

Однако не пора ли подумать об освобождении белорусов от нелегких забот, связанных с организацией и проведением пяти мероприятий подобно-

го масштаба? Думается, настало время Росохотрыболовсоюзу взять на себя этот труд и провести в 1990 г. VI межреспубликанские состязания на российской земле.

А закончились состязания... состязаниями. По желанию большинства участников официальной части после ее

окончания были проведены новые состязания. Их отличительная черта — призовой фонд, образованный от пожертвований участников этого мероприятия, а также прямые, в духе времени, выборы экспертной комиссии.

В соответствии с решением, принятым легашатниками, определенный процент собранной суммы предназначался победителю, остальная часть делилась на других призеров, а также на поощрение владельца собаки, получившей приз судейских симпатий.

Первое место с дипломом II степени (89 баллов) занял киевский пойнтер Рессы 1846/п, владелец А. Горобенко.

После обсуждения итогов этих состязаний их участниками были высказаны пожелания о проведении таких мероприятий и в дальнейшем. Приурочивать их было бы целесообразно к традиционным межреспубликанским состязаниям.

Все, кто имеет желание принять участие в 1990 г. в «джентльменском» матче, могут направлять свои предварительные заявки и предложения по проведению матча, в том числе о составе экспертной комиссии, члену инициативной группы Аркадию Соломоновичу Соломонову по адресу: 220009, г. Минск, ул. О. Кошова, д. 5, кв. 29.

Польская делегация на состязаниях.

Фото К. Горба

ВОСПИТАНИЕ ПОДСАДНЫХ УТОК

Г. ВАРЛАМОВ

Одним из интереснейших способов охоты на уток как в весеннюю, так и в летне-осеннюю пору следует считать охоту со специально подготовленной подсадной уткой, или, как ее еще называют, манной, криковой, которая своим присутствием и при-

зывным голосом на водоеме привлекает диких уток.

Такая утка, применяемая на охоте, должна отвечать следующим требованиям: и внешне, и по чистоте голоса быть похожей на кряковую; быть нормально упитанной, непугливой, спокойно даваться в руки, знать своего хозяина, идти на его зов (подсадным присваивают имена — «Ута», «Ка-

Стрелять нельзя: можно убить утку.

Фото А. Дигилевича

тя», «Наташка»), не бояться выстрела; высаженная на охоте, манить призывным голосом диких уток.

Только с такой уткой можно почувствовать всю прелесть охоты с подсадной. В противном случае лучше не брать ее на охоту и довольствоваться манком и чучелами.

Ниже я хочу поделиться своим многолетним опытом выбора и подготовкой подсадных уток к охоте.

Выбирать, выращивать и готовить утку к охоте надо из породы подсадных, специально выведенных охотниками-утятниками и известных своей хорошей работой. В прошлом, лет 40—50 назад, у нас в Удмуртии были известны подсадные утки «рыковские», «михайловские», «плотниковские», «козловские» и др.

Воспитание подсадных уток надо начинать с четырех-пятинедельного возраста. Это необходимо потому, что с этой поры их легче сделать ручными, а это является первейшим и самым необходимым в их поведении. Если охотник намерен постоянно держать для охоты одну или пару уток (больше не требуется), то следует из молодых взять не менее трех. Так будет надежнее для выбора из них впоследствии наиболее подходящих для охоты.

Чтобы сделать уток ручными, нужно чаще с ними общаться и, пользуясь их прожорливостью, давать им корм, находясь в непосредственной близости от них, кормить с рук, чаще прикасаться к ним, брать на руки.

Ко времени открытия летне-осенней охоты подсадные утки должны быть ручными, приученными к закреплению на лапке ногавке и, будучи привязанными за нее шнурком, не тянуться, не биться, вести себя спокойно.

Летне-осенняя охота на уток с подсадными проводится почти всегда на сравнительно глубоких водоемах и с лодки. Перед тем как посадить утку (или уток), нужно поставить на воду плотик, заранее изготовленный, закрепить его на якорь в нужном месте. Заранее привязанную к этому плоту утку с помощью шнура и ногавки нужно спокойно взять в руки, посадить на этот плотик или воду и тут же отплыть от нее, не пугая.

Если посадить подсадную утку на чистую воду без возможности выйти ей на твердую опору, она быстро утомляется, приобретает унылый вид, тянется к берегу, перестает манить, начинает издавать беспокойные, тревожные крики; к такой подсадной дикие утки не подлетают, сторонятся. Поэтому плотик на глубокой воде для утки обязательен, она проводит на нем большую часть времени.

Подсадная высажена, плотик установлен, охотник может забираться в шалаш.

Фото А. Житенева

Этот плавучий плотик, или, как его еще называют, «торчок», готовится из сухих досок. По своим размерам он должен быть достаточно устойчив, не переворачиваться, когда утка на него влезает с воды, легко держать ее на плаву.

От намакания при частых охотах плотик следует пропитать олифой и в целях маскировки выкрасить масляной краской под цвет водной растительности.

В летнюю и осеннюю пору молодые подсадные, как правило, не скупы на отдачу голоса, достаточно «разговорчивы», и это, я думаю, потому, что утки любят компанию.

На осенней охоте нужно внимательно наблюдать за их поведением, за силой, чистотой и тембром их голоса. Попадаются такие экземпляры подсадных, которые дичатся окружающей обстановки, затаиваются при виде пролетающих уток и других неопасных для них птиц и не отдают голоса.

Осенняя оценка подсадных уток может быть только предварительной, окончательный их выбор можно сделать на весенней охоте за кряковыми селезнями (подсаживаются и другие породы).

Дело в том, что осенью, как было сказано выше, подсадная утка манит с желанием оказаться в компании себе подобных, весной же совсем другое: она манит крякового селезня.

Встречаются такие утки, которые хорошо работают осенью и не годятся для охоты весной: они не манят и не отзываются селезню, хотя содержались и натаскивались для этой охоты в одинаковых условиях с другими.

Из сказанного следует, что лучше

оставить на зиму всех проверенных на осенней охоте уток, чтобы после весенней охоты за селезнями иметь возможность выбора лучших, с универсальными рабочими данными как для осенней, так и весенней охот.

Теперь нужно сказать о натаске подсадных к весенней охоте. Эту работу следует начинать за две-три недели до начала охоты.

При утках постоянно, всю осень, зиму и весну, должен быть селезень этой же породы, из подсадных, но с другого, неродственного выводка, что необходимо для получения здорового потомства.

Утку и селезня выносят в отдельных корзинах с закрытым верхом (желательно нежестким) в луговые или лесные уголья на проталины с талой водой и высаживают их, привязав к колышку. Селезень должен находиться от утки на расстоянии 40—60 м в зависимости от силы и направления ветра и так, чтобы они друг друга не видели. Брать двух уток нежелательно, потому что весенняя охота, как правило, проводится с одной подсадной и готовит ее надо в условиях, близких к настоящей охоте. Высаживать селезня одновременно с уткой не следует. Корзинку, в которой он находился, нужно чем-нибудь накрыть, чтобы голос его не доносился до утки.

После того, когда утка освоится, закончит свой туалет (покупается, почистится), нужно высадить селезня, привязав его также к колышку. Селезень тут же подает голос. Утка, услышав его, начнет звать селезня призывным, манящим голосом. Минут через пять — десять такого «разговора» между ними селезня нужно отвязать от колышка и вместе со шнуром отпус-

тить к утке, и он немедленно окажется возле нее.

На этом испытания заканчиваются, утку и селезня можно посадить в корзину и возвращаться домой.

Так следует проверить всех оставленных к весне уток.

При таких испытаниях нужно внимательно наблюдать за поведением уток, обращая внимание на их отзывчивость голосу селезня, на тон и содержание их голосов — призывный, то есть манящий, ли он, или бессодержательный.

Здесь я хочу обратить внимание на следующее. Некоторые охотники отдают предпочтение такой подсадной утке, которая много, не переставая, голосит, отдает даже осадный голос каждой пролетающей птахе. Дикая утка так не кричит, селезень в этом хорошо разбирается, и такая подсадная крикуня его настораживает, и он очень часто к ней не подлетает.

Голос подсадной утки по своему содержанию должен звать на весенней охоте только крякового селезня.

После таких первых весенних испытаний можно решить, какую утку или пару из них оставить на постоянное содержание для весенних и осенних охот. И вот с этими отобранными утками с целью их натаски следует еще два-три раза побывать на разливах в угольях до начала весенней охоты.

Конечно, окончательная оценка работоспособности подсадных уток может быть дана только на весенней охоте.

При описанной методике отбора, доставившей охотнику столько хлопот, подсадные вознаграждают его чувством приятного наслаждения и дорогими трофеями на этой красивой охоте.

СТОПРОЦЕНТНЫЙ БРАК

В редакцию поступило письмо и коробка бумажных гильз 16-го калибра от охотника М. Пархоменко (г. Глобино Полтавской обл.). «Обращаюсь к вам с просьбой, — пишет он, — разysкать бракоробов, которые изготавливают такие гильзы, которые я вам послал. Брак — на 100 %».

Действительно, все гильзы в коробке бракованные: у них толстый фланец, при котором ружье закрыться не может.

На коробке следующая маркировка: калибр 16, длина 70 мм, тип. обж. партия № 67. РБДИ. 773875. 001 ТУ. 100 штук. Цена 3 р. 50 коп. УПК 1/9.

Редакция ждет ответа от завода-изготовителя о принятии мер к устра-

нению брака, а также сообщения о наказании виновных в выпуске негодной продукции.

Слева — гильза, присланная М. Пархоменко; хорошо виден утолщенный фланец. Справа — гильза с нормальным фланцем.

На донышке гильзы — знак, по которому, надеемся, быстро найдут и накажут бракоделов.

Фото А. Житенева

ЭКСПЛУАТАЦИЯ И УХОД

В. БАБКИН,
инженер

МЦ21-12 более четверти века поступает в торговую сеть. В руках охотника его можно встретить в любой климатической зоне Союза. Производство — установившееся, периодические испытания подтверждают надежность и работоспособность, ружье выполняет свое назначение, но эксплуатация его сложнее, чем, например, ружей с «переламывающимися» при откывании стволами.

Ружье предназначено для любительской и промысловой охоты. Автоматика ружья основана на принципе отдачи при длинном ходе ствола. Ствол — подвижной, отъемный. Прицельная планка — вентилируемая. Канал ствола хромирован. Запирание канала ствола осуществляется расположенным на остова затвора боевым упором, который входит в отверстие хвостовика ствола. Ударно-спусковой механизм с внутренним курком смонтирован на едином отдельном основании и предназначен для производства только одиночных выстрелов. Извлечение гильзы из патронника и отражение ее из коробки после выстрела происходит при движении ствола в переднее положение. Конструкция ружья обеспечивает невозможность выстрела при стволе с не запертым затвором. Для исключения случайных выстрелов имеется неавтоматический предохранитель флажкового типа, воздействующий на спусковой крючок.

Ложа — ореховая или буковая, с выступами для руки и под щеку. Цевье — съемное, закрепляется на корпусе магазина гайкой в виде колпачка.

Магазин — трубчатый, подствольный, на четыре патрона. В процессе стрельбы подача патрона из магазина в патронник ствола происходит автоматически при движении затвора в переднее положение. Чтобы осуществить очередной выстрел, необходимо нажать на спусковой крючок. Для отключения подачи патрона из магазина имеется отсечка. Чтобы перевести остановившийся затвор из заднего положения в переднее, надо нажать на кнопку управления.

Наружные поверхности металлических деталей ружья рядового исполнения украшены плоскостным орнаментом; ружья штучного и сувенирного исполнения имеют более тщательную отделку деталей, отличаются высокохудожественной ручной гравировкой и чеканкой наружных поверхностей деталей.

Техническая характеристика ружья:

калибр — 12; вес — не более 3,7 кг; длина ствола — 750 мм; длина патронника — 70 мм; дульное сужение — 1 мм; усилие спуска — 1,75... 2,5 кгс; гарантийная наработка — 6500 выстрелов.

К каждому ружью прикладываются: втулка контрольная для проверки входимости патрона в патронник; кольцо для обжима патрона; выколотка, применяемая при разборке и сборке ружья; паспорт, в котором приведены в краткой форме устройство, работа, порядок разборки и сборки ружья, правила технического обслуживания, свидетельство о приемке ружья техническим контролем и другие сведения.

При выстреле ствол находится в сцепленном состоянии с затвором в крайнем переднем положении. Сила давления пороховых газов передается через гильзу на затвор и сцепленный с ним ствол, сообщая им движение в коробку. Совместный откат ствола и затвора начинается с началом движения снаряда по каналу ствола. При движении ствола с затвором назад взводится курок и сжимаются пружины: боевая (курка), возвратная (затвора) и ствола.

Движение ствола и затвора вперед происходит под воздействием пружин. На начальном участке движения вперед затвор (с гильзой) останавливается, удерживаемый рычагом подавателя, ствол же продолжает движение вперед. Ствол и затвор расцепляются, происходит отпирание канала ствола. Ствол, перемещаясь вперед без затвора, на пути своего движения отражает гильзу из коробки и включает в работу механизм подачи патрона из магазина на лоток подавателя. Патрон перемещается на лоток подавателя под воздействием пружины магазина. Затвор под воздействием возвратной пружины перемещается вперед, поднимая лоток подавателя с патроном вверх, досылает патрон в патронник, утапливает лоток подавателя вниз, запирает канал ствола.

При последующем выстреле цикл повторяется. При израсходовании патронов в магазине затвор остается в заднем положении.

Правила обращения с гладкоствольным оружием и его эксплуатации имеются в охотминимуме и справочной литературе по охотничьему оружию. Напоминаем эти общие правила, а также некоторые другие, специфичные для ухода за самозарядным ружьем МЦ21:

охотник должен хорошо знать устройство ружья, взаимодействие его частей, управление им при зарядке, стрельбе и разрядке;

строго следить за чистотой канала ствола, патронника, затвора и других частей ружья. Перед стрельбой убедиться в отсутствии смазки в канале ствола и патроннике. Не допускать попадания в канал ствола и внутрь коробки снега, песка, частиц растительного происхождения и прочих посторонних предметов;

не проверять работоспособность и исправность ружья вручную, без стрельбы с применением патронов. Для проверки необходимо иметь патроны со стреляными капсюлями, без пороха, то есть своего рода макеты; при осечке не открывать затвор ранее чем через 7—8 с из-за опасности затяжного выстрела. Извлекать патрон, давший осечку, из патронника с особой осторожностью;

при отказе, нарушении работоспособности, не устраняемом перезаряданием ружья, или при неисправности (трещина на цевье и прочее) прекратить стрельбу до исправления;

после прекращения стрельбы ружье разрядить, убедиться в отсутствии патрона в патроннике. Приучить себя любые действия с ружьем начинать с данной проверки;

после сборки проверять работу ружья отведением подвижных частей назад, придерживая их рукой при возвращении в переднее положение и производя плавный спуск курка. Избегать холостых спусков курка, не производить разборку без необходимости.

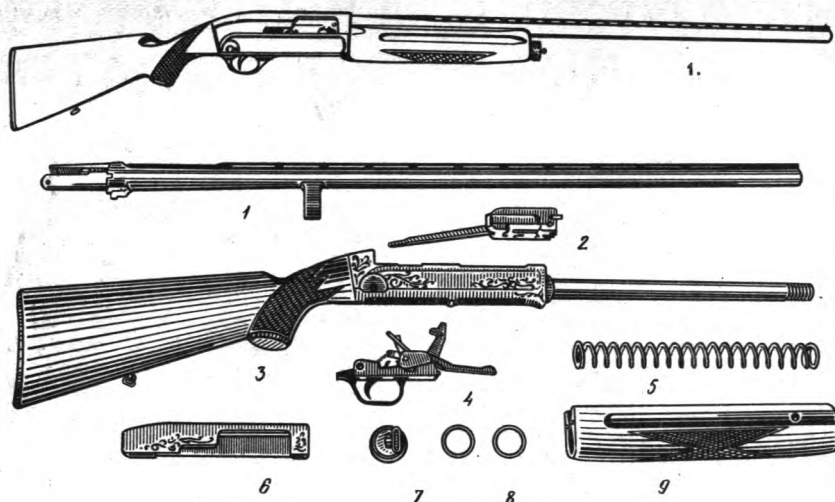
Осмотр, чистку и смазку ружья производить сразу же после стрельбы. Разборку и сборку производить в последовательности, указанной в паспорте на ружье. При этом избегать чрезмерных усилий, ударов.

Протирку, чистку и смазку канала ствола производить со стороны патронника. Чистку и смазку канала ствола повторить на второй и для контроля на третий день после стрельбы. После чистки белая мягкая ткань, с тугим ходом пропущенная через канал ствола, не должна иметь следов нагара или освинцевания.

При выстреле часть пороховых газов попадает в коробку, что требует тщательной чистки деталей. Для чистки пазов применять деревянные палочки, придав им соответствующий профиль. Чистку и смазку ружья, хранящегося без применения, производить один раз в 1—3 месяца. При хранении оружия в течение ряда месяцев или лет без применения требуется консервация ружья.

Смазку на детали наносить тонким слоем, без видимых потеков. Поверхности должны блестеть от нанесенной тонкой пленки смазки. Для этого отрезок чистой мягкой ткани смочить в смазке, туго отжать и протереть поверхности. Обильная смазка может привести к отказам. Например, смазка, забившая отверстие в затворе под выход бойка, нередко вызывает осечку.

При охоте во влажной среде (морское побережье, дождливая погода, туман и прочее) чистку и смазку

1. Самозарядное охотничье ружье МЦ21 12-го калибра.

2. Ружье МЦ21 при неполной разборке:
1 — ствол в сборе, 2 — затвор в сборе,

3 — коробка и ложа в сборе, 4 — ударно-спусковой механизм, 5 — возвратная пружина ствола, 6 — крышка коробки, 7 — колпачок цевья, 8 — тормоз ствола, 9 — цевье в сборе.

производить ежедневно независимо от того, приходилось стрелять или нет.

Применяемые смазочные средства указаны в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 2 за 1984). Для смазки можно рекомендовать также индустриальное масло И-5А, но до температуры -25°C . Наиболее универсально масло ружейное РЖ, работоспособность ружья при смазке этим маслом обеспечивается до температуры окружающего воздуха -50°C .

Освинцовку канала ствола снимают металлическим ершиком, обильно смоченным маслом. Нагар в канале ствола можно размягчать горячей мыльной водой или раствором каустической соды.

При отсутствии масла РЖ промывку и чистку производят щелочным маслом.

При чистке и смазке ствол дульным срезом в пол ни в коем случае не упираться: шомпол, как поршень насоса, при ходе вверх втянет в канал ствола с пола пыль, песок, крошки и прочее. Поэтому на пол надо положить или несколько газет или ненужный вам журнал.

Свежую ржавчину удаляют торцом деревянной палочки или тканью, смоченными в масле РЖ или щелочном. Чтобы ржавчину размягчить, смоченную в масле щелочном или РЖ ткань положить на пораженное место и держать несколько часов (до 10).

При чистке ружья после охоты в морозную погоду дать деталям ружья «отпотеть», капли воды с поверхностей деталей удалить обтирочным материалом.

Перевозить ружье следует в чехле, с отсоединенным стволом. При пере-

возках не допускать падений ружья, принимать меры против случайного нанесения механических повреждений и попадания атмосферных осадков. Хранить ружье почищенным и смазанным, со спущенным курком, лучше — с отделенным стволом. Помещение для хранения — отапливаемое, с температурой воздуха не ниже $+10^{\circ}\text{C}$.

Завод — изготовитель ружья допускает стрельбу стандартными охотничьими патронами заводского изготовления с бумажными или пластмассовыми гильзами.

При самостоятельном снаряжении патронов в домашних условиях необходимо проверить гильзы по контрольной втулке, обращая внимание на высоту и диаметр фланца; заметно отличающиеся — отбраковать. Порох и дробь взвешивать на весах, прокладки и пыжи подбирать одинаковыми по весу и размерам. Не торопитесь увеличивать вес порохового заряда при неполном откате подвижных частей ружья. Прежде надо разобраться с тормозным устройством ствола, смазкой, проверить, нет ли засорения.

Не стрелять спортивными патронами, предназначенными для стеновых ружей. Спортивные патроны развивают максимальное давление пороховых газов выше, чем допустимое для ружья МЦ21.

Возможные неполадки, встречающиеся при стрельбе из ружья, их вероятные причины и методы устранения указаны в паспорте.

Бывает и так: произведен выстрел, подвижные части совершили цикл «откат — накат», гильза из коробки

вылетела через боковое окно, но очередной патрон из магазина попал не на лоток подавателя и в патронник, а выпал на землю у ног охотника. Охотник жмет пальцем на спусковой крючок для последующего выстрела, выстрела же нет. Чтобы установить причину отказа, следует проанализировать работу составных частей ружья.

Патрон из магазина может попасть в нижнее окно коробки только при поднятом лотке подавателя. Очередной патрон начинает перемещаться из магазина, когда ствол выключит левый останок патрона, то есть тогда, когда ствол пришел в переднее положение без задержки. Патрон из магазина должен попасть на лоток подавателя, а лоток подавателя может поднять вверх только затвор. Получается, что затвор расцепился со стволом нормально, но преждевременно сорвался с рычага подавателя.

Случается и другое: после выстрела гильза осталась в патроннике, очередной патрон из магазина поднял лотком на линию досылания, затвор при движении вперед уткнулся в этот патрон, а патрон — в гильзу, не извлеченную из патронника. Вероятная причина — не соответствует нормам фланец гильзы или непрокалиброван патрон.

Бывают и сдвоенные выстрелы.

При перечисленных видах отказов перезаряжание ружья чаще всего приводит к нормальной работе автоматики, но затем отказ повторяется.

Ружье следует разобрать, осмотреть детали, оценить степень износа, засорения, смазки. Произвести чистку и смазку деталей. В домашних условиях проверить работу автоматики ружья с применением макетов. Отобрать с десятков гильз (лучше — бумажных) с разбитыми капсюлями, протереть тканью нагар, устранить деформацию у среза гильз, в гильзы дослат древесно-волоконные или войлочные пыжи, засыпать дробь (нормальную навеску), поставить прокладку и завальцевать. Величину столбика пыжей подобрать высотой, обеспечивающей длину макета после завальцовки, равной длине патронов, применявшихся при стрельбе. Ружье зарядить макетами и проверить работу автоматики, перемещая подвижные части ружья руками за ствол, уперев затыльник приклада в какую-либо поверхность.

Устанавливая причину отказа, не торопитесь с окончательными выводами, повторите заряжание ружья макетами с проведением циклов «откат — накат» несколько раз. В случае необходимости сложных слесарных или других работ, а также замены деталей, следует обратиться в ремонтную мастерскую.

Соблюдение указанных выше правил обеспечивает надежную и безотказную работу ружья в пределах установленной наработки и даже более.

ПО ТАРЕЛОЧКАМ — С ЛОДКИ

Вот уже несколько лет в нашем коллективе проводятся личные первенства по стрелково-охотничьему троеборью, включающему в себя стрельбу по одиночным мишеням на круглом стенде, с подхода на траншейном, а также специальный охотничий вид — стрельбу по парным мишеням с лодки. Стрельба с лодки по парным мишеням была апробирована в 1985 г.

Идею организации охотничьего упражнения с применением лодки подсказало наличие на территории Жуковского городского стенда водоема, расположенного около траншейной площадки. Запуск мишеней производился из траншеи, для чего настраивались две соседние машинки с разлетом тарелочек не более 1,5—2 м и с дальностью заброса 85—90 м. Синхронность полета мишеней достигалась регулировкой натяжения пружин метательных машинок, а для одновременности их срабатывания (при ручном пуске) пусковые рычаги были блокированы одной тягой.

Стрелковый номер располагался на воде с таким расчетом, чтобы расстояние до пролетающей пары в момент выстрела не превышало 25—30 м, что обеспечивало уверенное поражение мишеней в случае попадания в них дробью не крупнее № 7 при стрельбе из обычных охотничьих ружей. Наличие перепада высот примерно в 15 м от траншеи до воды позволило получить характерную траекторию снижения, имити-

рующую полет пары чирков, идущих на посадку.

Согласно положению о соревнованиях на подготовку к стрельбе отводилось не более 5 мин, включая посадку в лодку, преодоление расстояния (около 15 м) до обозначенного стрелкового номера на воде и подготовку к выстрелу. Сюда же входило и время на фиксацию положения лодки на номере.

Зарядив ружье, стрелок поднятием руки извещал судью на берегу о готовности к стрельбе, после чего последний голосом подавал команду «Держи!» на подачу первой пары. Вторая и последующая пары подавались без команды с интервалом 25—30 с. Вышеуказанный интервал между парами был выбран из расчета на среднего охотника. В случае неготовности к выстрелу и пропуска очередной пары стрелку засчитывалось поражение. В случае подачи рванных мишеней или поражения пары одним выстрелом производилась повторная подача мишеней. При подсчете результатов стрелку засчитывались только чисто пораженные пары. Участникам, не уложившимся в отведенное для подготовки к стрельбе время (на стрелков старше 60 лет ограничение во времени не распространялось), начислялся один штрафной балл.

Для стрельбы использовались одно- и двухместные резиновые лодки, оборудованные сиденьями. В лодке необходимо иметь шомпол или эстрактор

для извлечения застрявших стреляных гильз или патронов.

Опыт проведения подобных соревнований, приближенных к условиям охоты, показал, что они очень полезны и вызывают большой интерес у охотников. Соревнования — хорошая школа подготовки молодых охотников. В упражнении на воде успех зависит не только от умения стрелять, но и целого ряда других факторов: умения пользоваться лодкой, качества снаряжения патронов и др. Неудивительно, что наибольшего успеха добивались, как правило, стрелки, имеющие опыт охоты по водоплавающей дичи.

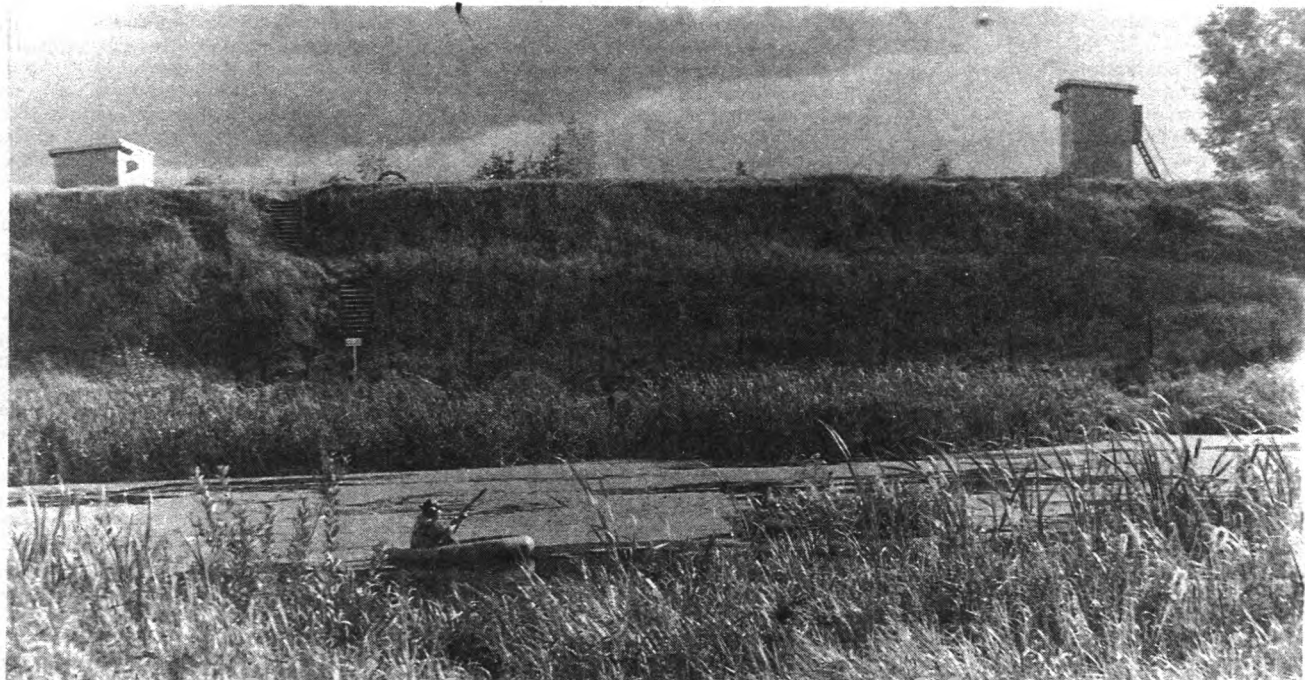
Организация таких соревнований по силам практически каждому первичному коллективу. Место соревнований, особенно если оно находится в зоне, закрытой для проведения охотничьих мероприятий, должно быть согласовано с представителями разрешительной системы. Особое внимание должно уделяться обеспечению безопасности.

Для запуска мишеней-тарелочек могут использоваться любые метательные машинки с ручным пуском, смонтированные попарно на общей платформе, приспособленной к транспортировке автотранспортом.

В. СУХОВ

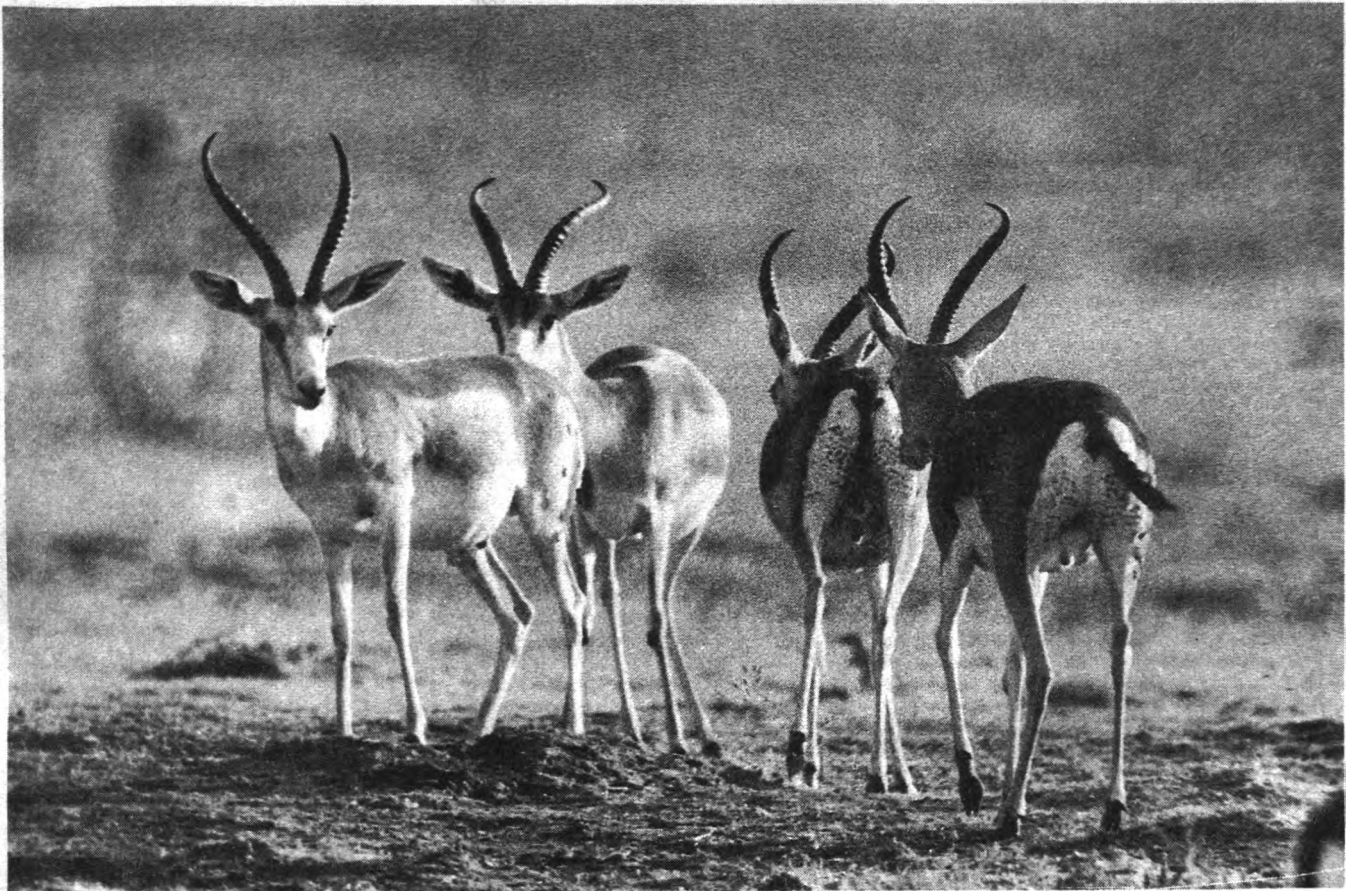
г. Жуковский Московской обл.

Вот так, с лодки, тренируются в стрельбе по летающим мишеням на стенде г. Жуковского.

23

ДЖЕЙРАНЫ

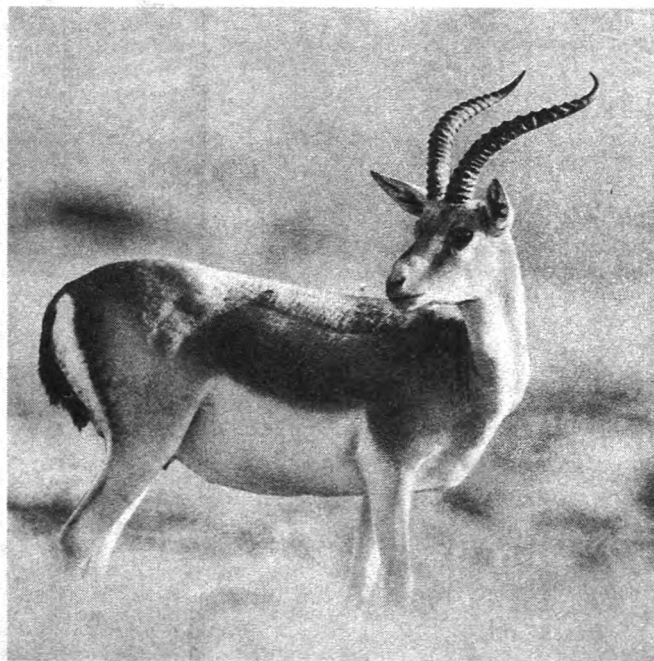
С улицы доносилось фыркание. Пришли мои джейраны — Мамаша со своими симпатичными малышами, Машей и Пашей. Джейранята сразу к корытцу, а Мамаша стала между мной и малышами, точеным копытцем бьет о землю, чеканя сердечки следов. Потом тоже припала к воде.

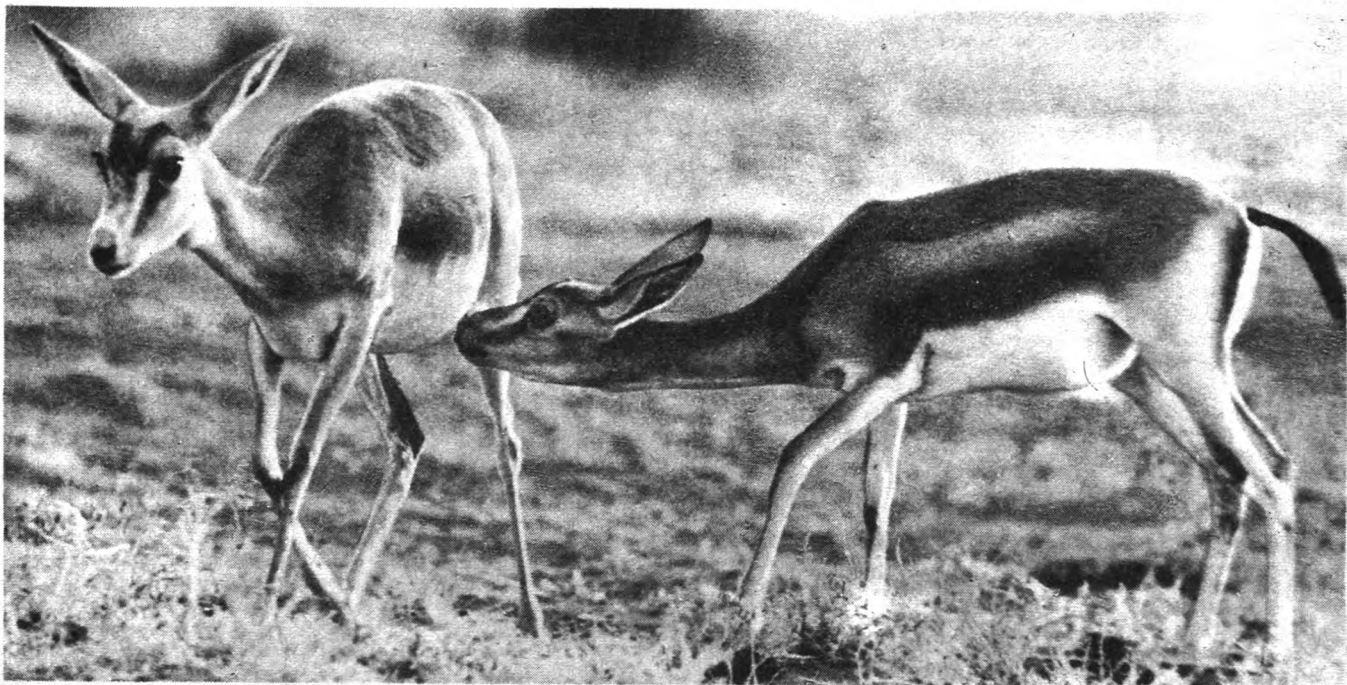
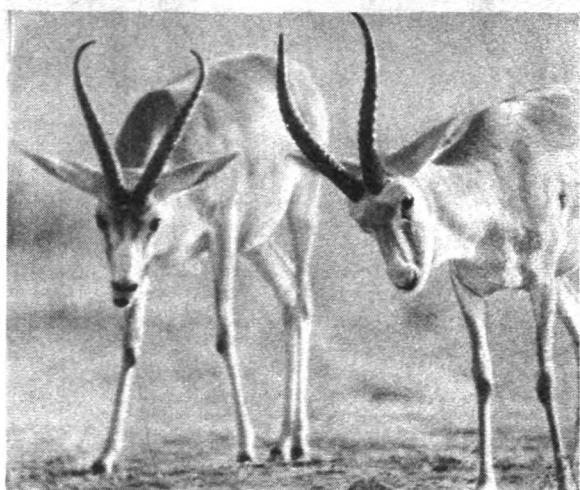
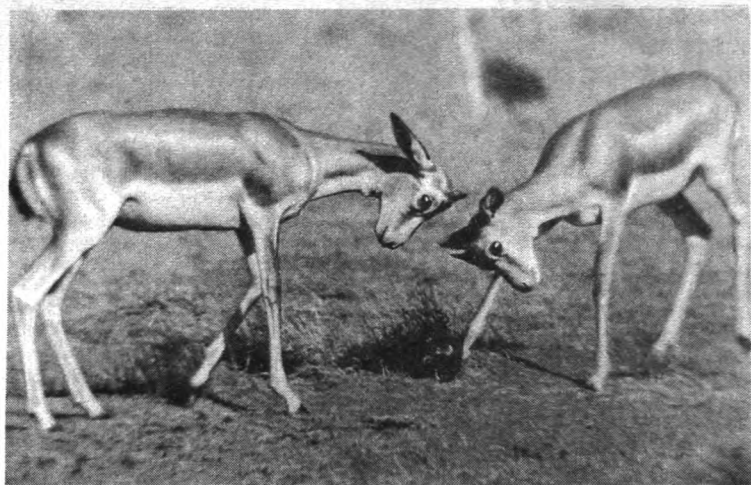
Наше знакомство состоялось поздней весной, когда иссушающий зной начинал набирать в Бадхызе силу. Рядом с домом я соорудил небольшой водопойчик из старой железяки, поддона от двигателя. Все лето, за редким исключением, два раза в день джейраны приходили на кордон, и если я уходил в обход заповедной территории, следы возле корыта извещали меня об их посещении. Я не ставил целью приручить джейранов. С меня было достаточно того, что они терпели мое присутствие.

Малыши попили. Разминаясь, попрыгали. Резвясь, взбежали на бугор. Мамаша оторвалась от воды и несколькими плавными прыжками догнала малышей. Я поднялся на бугор. Джейраны не убежали, а устроили вокруг меня гонки. Дробный топот копыт. Джейранята во весь опор удирают от своей родительницы. Промчались передо мной раз, другой, потом повернули в степь и скрылись из виду. Было радостно и немного грустно. Ведь пути джейранов пересекаются не только с путями дроф, как видно на фотографии, но и хищников.

Встретимся ли? Да и как отличишь их от сотен других, так похожих?

В. КРУПКО
Фото автора

ПРОЩАНИЕ

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Рисунок Б. Игнатьева

Ранний звонок меня не разбудил. Я проснулся от чувства тревоги, вошедшей в дом от разговора Аллы, хотя она говорила по телефону в соседней комнате куда тише, чем треск звонка.

— Когда это случилось?

— Что же не дали знать, Лена?

— Ах ты, горе какое... А от чего?

Лена... Кажется, среди наших знакомых одна только Лена, дочь Коли... «Нет уж, вряд ли увидимся», — сразу же вспомнились слова его, когда я был в последний раз в Хреновом. Я тогда попытался обратиться в шутку резанувшую меня фразу. «Нет, нет... Я уж знаю... Вряд ли...»

Коля?! Неужели...

— Николай Аркадьевич умер, — сказала Алла, возвращаясь от телефона. — Больше месяца назад. Сразу не дозвонились, а потом уж решили известить при случае. Лена проезде, у нее через час поезд.

Ах, Коля, Коля... Болью облилась душа. Мой давний, старинный друг. Сорок с лишним лет дружили, не омраченной ни малейшим темным пятнышком, словом раздражения, упреком... Наша дружба была охотничьей, и потому — праздничной и светлой. Когда, окончив школу, я уехал, мы обменивались нечастыми письмами, но время от времени я навещался в родные места, и мы снова закатывались в бор, в степь. И вот — будто обвалилось что-то, какой-то жизненный пласт, питавший радость многие мои годы. «Вряд ли...» Как чувствовал... Теперь уж в нашей дружбе нечего не прибудет, остается только вспоминать...

Он был старше на одиннадцать лет. С возрастом эта разница стиралась, но в год знакомства мне исполнилось пятнадцать, а за его плечами была армия, фронт, ранение, — целая жизнь. Этим она могла и кончиться, как у большинства его сверстников, но ему было суждено вернуться. Он пришел с фронта до Победы — без руки. Высоко, под самое плечо. Молодые парни возвращались в ту пору только «по чистой», чаще всего — с увечьем. Они долго донашивали армейское, погуливали, от них в клубе частенько пахло спиртным, в этом чувствовался душевный надрыв от неожиданного исховерканной молодости, — люди жалели их и все им прощали.

Коля я никогда не видел в форме. В черной довоенной вельветовой толстовке с орденом Красной Звезды, с широкими прямыми плечами и

крепкой, — кажется, стукни, и загудит! — грудью, с темными выющими волосами над открытым широколобным лицом, он оставлял впечатление здорового, от земли, крестьянского начала, чистоты и основательности. Не пил и не курил, с насмешливой иронией относился к уверениям курильщиков, что это, де, «помогает» пережить невзгоды. И никогда не сквернословил, — самый первый и верный признак умного человека, у которого язык управляется разумом, а не болтается по ветру, у которого каждое слово имеет свое значение и вес. Ни разу я не слышал от него каких-либо сетований или рассказов о ранении, — он не поминал потерянную руку, будто и не было ее. Лишь обиняком узнал я случайно, что Коля с простреленной рукой выходил лесами из окружения, рана в таких условиях воспалилась, началась гангрена... Коля избегал посторонней помощи, обходясь одной рукой, помогая ей зубами, а если человек сам кидался помочь, — принимал этот порыв молча, поблагодарив затем скупой и вроде бы недовольно.

Нас сблизила охота. Из двухгодичной эвакуации за Урал я вернулся охотником. В те годы в березовой лесостепи под Курганом была великолепная охота по уткам и зайцам, весной округа гудела от тетеревиных токов. Здесь, в воронежских местах, на болотах и по речке Битюгу тоже держались утки, в бору и в запущенной, забурьяневшей степи было много русаков и лис.

Коля охотился с мальчишеских лет, охотился в армии, когда служил на срочной до войны в Сибири. Как же он будет теперь стрелять? С двумя-то руками не успеваешь поймать стволами вымахнувшего в бурьяне зайца, мелькнувшую в сосновой посадке лису.

От постоянной двойной нагрузки рука у Коли стала мощной и ловкой, и он, казалось, шутя обращался с курковой тулкой. Лучше многих других приловчился стрелять даже навскидку. В дополнение к старому смычку гончих, сидевших во дворе с довоенных времен, он завел пару молодых. Приобрел и я щенка-полукровку: чистого гончака тогда достать было трудно.

Вскоре Коля стал появляться повсюду с темноволосой скромной девушкой. Я молча по-мальчишески ревновал Колю. Он и ухаживал не как все: в клуб и на танцы они почти никогда не ходили, а если и заглядывали, — тут же исчезали. Я догадывался, что это, как и все, что бы ни делал Коля, — всерьез. Так и выш-

ло: они с Марусей поженились, потом родилась Лена. Но я зря опасался, что семейные заботы отодвинули охоту, — ничто не изменилось. Все так же собирались мы летними вечерами у них на крылечке поговорить об охотничьих делах, вспомнить были и небывлицы, дикие случаи на охоте. Убравшись по двору, выходил отец Коли, Аркадий Степанович, вернувшийся из армии позднее сына, после окончания войны. Заядлый опытный охотник, очень спокойный и уравновешенный, он молча посмеивался над нашей шумоватой «травлей», изредка ронял реплики добродушным снисходительным баском, рассказывал об охоте в молодые годы, о том, как доводилось иногда охотиться и в армии, пополняя по указанию командира походный стол дичиной. На наши голоса и смех подворачивали знакомые; велосипедисты, не слезая с седла, висли на штакетнике, перекидывались парой фраз и катили дальше, поскрипывая педалями.

Впрочем, такие посиделки, на которые приходили обычно Колины соседи и друзья с детства Шура и Костя Корнеевы, собирались в межсезонье, в предвкушении охоты. Когда начинался сезон, «график» встреч на крылечке ломался, утятники разбредались по излюбленным местам, и мы встречались от случая к случаю — поделиться впечатлениями.

Коля жил ближе меня к охоте, я обычно заходил за ним. Маруся собирала его: застегивала сзади ремешок патронташа, помогала нацепить котомку, подавала ему тулку. Легавых тогда на селе не было, мы натаскивали по уткам гончих, и некоторые из них вполне сносно помогали.

В тихом гулком бору висел легкий рассветный туман. Первые лучи солнца трогали макушки сосен; начинали птицы. Натягивая сворки, раздувая ноздри, гончие разбирали следы на отросшей дороге, тащили в посадки. Легко шагалось по песчаной плотной колее, легко было дышать разлитым в соснах остывшим бодрим воздухом, и чувствовался, как наполняет от расправившихся от спорной ходьбы легкие, как, напоенная его озонной свежестью, пульсирует в жилах кровь... Длинный охотничий день впереди представлялся как сплошной сияющий праздник! Был оставлен дом, село, будничные заботы, — у нас был День Охоты!

В бору было много больших и малых болот, дороги и люди избегали их, а мы спешили к ним, чтобы погрузиться в их загадочный зеленый, полный потаенной жизни мир. Какие только «пропастины» мы не пролезали! Перевесив патронташ на шею, ощущая ногами корявые корневища кувшинок и затонувшее колодезь, забирался на зыбкие, одеялом качавшиеся на воде лабзы-наплыва, брели меж высоченных, неустойчивых под ногой кочек, продирались сквозь высо-

потрескивают слежавшимся сушняком, над ними покачиваются метелки тростника. Выставив торчок желтоухой головы, плывет меж розовых свечек рдеста уж. В зарослях перед собаками что-то мелькает темное — курочка? Или крыса?

Вымахнув из кочек, отвесив нескладные ноги, махами широких бурых крыльев уносит тщедушное цыплячье тельце выпь. И вот, наконец, поднимается, веерочком растопырив хвост, сбочив голову, тяжелая матерка! Коля изворачивается, махнув пустым рукавом, лихо вскидывает тулку, обвиснув в воздухе, показав белый изпод крыла, криквая шлёпается в кочки. Вздыхая брызги, прыжками поспевают на выстрел собаки...

На охоте, как на охоте, — бывает всякое. Однажды на краю Солотей, степных осиновых колков, я пнул трухлявый пенёк, — и он загудел: шершни! Хорошо, что перед нами лежала степь, дул ветерок, — мы бросились встреч ветру и оторвались от погони.

— Ну, дали мы с тобой! — хохотал Коля, оглядываясь на далекие уже Солоты. — Жаль, время не засекали, — был бы мировой рекорд! Будешь знать, как пенёчки футболишь!

Хуже было, когда мы неожиданно потревожили шершней на наплыве, густо заросшем талами и тростником. Бежать было некуда, — на зыбкий остров мы пробрались с трудом. Коля оказался ближе к гнезду, его ударили три шершня, и два — в грудь, под сердце. Через несколько минут места укусов опухли, Колю начало знобить, разболелась голова, начался жар. Я уговаривал его вернуться домой.

— Что дома? — Лежать. А может, как раз и надо размяться... Идем, идем дальше!

С воспаленным от температуры лицом, перемогая боль и прикладывая «компрессы» из влажных лопушковых кувшинок, он снова лез в болота, вытапывал уток, стрелял...

Мы оба предпочитали ходовую

охоту. Не в характере Коли было скрадывать дичь или таиться в ее ожидании, — он искал ее открыто, умело и азартно.

С открытием Черной Тропы началась самая любимая, долгожданная пора легкой, широкой ходьбы, настоящей работы гончих, наслаждения музыкой их голосов в осеннем лесу, настоящим крепким, ядреным духом бронзовой листвы дубов и хвон, с горячим порсканьем и накликами собак, с живыми рассказами при встречах у квартального столба, «как у кого что было».

Мне все равно было, куда идти, — лишь бы с Колей. О чем только не переговаривали мы по пути на охоту или возвращаясь домой, или шагая рядом, пока собаки молча прочесывали сосновые посадки! Он заканчивал тогда заочный лесной институт, и много рассказывал о деревьях, об особенностях древесных пород, упоминал латинские названия.

— Ишь, как нарисовал, — Коля отдирав отставшую сохлую кору на мертвой сосне и показывал лабиринт ходов жучка-вредителя. — Блостофагус минор — лубоед сосновый малый. Это — маточный ход, а эти, как гребень — личиночные, и в конце каждого — камера-колыбелька...

Он шумно возмущался, когда отмечал какие-нибудь непорядки в хозяйстве знакомого лесничего: — Ну, ты погляди — что же он делает?!

Остановившись внезапно с повешенным на шею ружьем, Коля откидывал растопыренную пятерню, обводил ею нерадивую сечу либо кое-как натянутую посадку. Топыря губы и вздернув брови, он пояснял, что именно было не так, как полагалось, и снова кричал раздосадованно: — Кто же так делает?!

Всяческая бесхозяйственность, тяп-ляпство и лопушество претили ему, и он неизменно отзывался на них бурно и презрительно-насмешливо. Наделенный характером ярким и непосредственным, он и в другом человеке точно подмечал черты, выделявшие его среди прочих, и это вызывало у него самый большой интерес, симпатию и уважение к человеку. Коля вообще всегда удивлял меня особенной зоркостью и цепкостью своего взгляда, остро подмечавшего каждую малость в природе, в людях, в их поведении, — казалось, он постоянно был собран и нацелен на мгновенное и точное восприятие. Я старался учиться у него, перенять это качество, столь необходимое охотнику, — да и только ли охотнику? — и корил себя в глубине души, когда это плохо получалось. Наверное, качество это позволяло хорошо знать и очень тонко понимать собак, он замечал и чувствовал, как никто, все оттенки их поведения: замешательство и сомнение, досаду, ревность, нетерпение...

Далекие от собак, невнимательные люди ждут от них невозможного, отбываются к ним, как к служкам,

кий ломкий тростник и жесткое прутьевое прибрежных талов. Коля наизусть знал лес, мы безошибочно выходили от одного болота к другому. Окруженное соснами и кустами, болото лежало немо и глухо. Казалось, — как и всем, кто смотрит на него со стороны, — оно безжизненно и мрачно. Но вот, не выдержав более присутствия людей, взлетает осторожная цыпля-чапура, садится на вершине сосны, вытянув, как кочережку, шею с клювастой головой.

— Наплавано, — отмечает Коля следы на ряске. — Что-то есть. Может, конечно, и курочки, — сейчас поглядим!

Еще не обсохшие от прошлого болота, в хлюпающих мокрых башмаках, лезем в воду. На кочках, как перевёрнутые корчажки, поблескивают под солнцем черепахи. Одна за другой они падают, бултыхнув, в воду. Собаки уже забрались на наплыв,

которые должны уметь все,—им, «господам», остается лишь стоять на лапу и крутить головой, дабы не пропустить зверя. На них же «погосподски» и вымещают свое недовольство, когда, не поняв друг друга, не находят или упускают зверя...

Коля сотрудничал со своими гончими, старался закрепить ростки полезного в их работе, терпеливо помогал им набраться умения, и они, не имевшие, как правило, ни чистых кровей, ни родословной, от поля к полю становились опытной и мастеровитой.

— Да ты, Колюха, верблюдя заставишь гонять! — воскликнул однажды один из местных охотников, гончак которого упорно не брался за работу. — У нас ведь кобели из одного гнезда!

— Что-то Гаркал третий раз к тому кусту возвращается и скальвается, — вслух размышлял Коля. — Не иначе, сметок здесь. Подостыл, видно... Давай-ка прошурдим вон то болотце, — не лег ли в нем? Куда ему еще деться?

Мы «шурдили» и, действительно, поднимали русака. И начинался гон...

Он стоял где-нибудь на просеке, на дорожке в обычном своем выгоровшем, вымокшем брезентовом плаще с обтрепанными лапами, подпоясанном патронташем и ременной сворой, с тощей котомкой за плечами, куда Маруся уложила краюху хлеба и шмат сала либо кусок холодной зайчатины. Что-то удалое, «гусарское» было в его фигуре, в его позе с чуть откинутой прямой спиной, в съехавшем, выдавшем виды треухе, из-под которого выбивался выходящий вихор волос, в быстрых, искрящихся глазах и в смехе, закатиристо-заразительном и простодушном. Тишина бора, стволы застывших сосен, писк синицы в хвое над головой, плачущие голоса гончих, неподвижный силуэт Коли в глубине просеки, — ожидание... Сколько раз я видел это, сидя потом над чистым листком бумаги, мучительно подбирая подходящие слова...

Коля делал мне знак, тыча в пространство стволами тулки, и, балансируя откинутой рукой с ружьем, срывался в бег: неловко бежать, когда неуровновешенно тело. Я подхватывался и тоже перебежал к дорожке у протоки, — гон близился и, кажется, действительно, должен был проследовать там.

И вот... Спящий лес вдруг сразу оживает: меж сосен ковыляет, вскидывая «цветок», заяц. Он близится, близится, он идет на меня! Счастливый, волнующий, трепетный миг!

Подвывают гончие, неторопливо подходит Коля. Пазончим лапки, даем собакам, — ах, молодцы, трудяги! — и шумно обсуждаем, как «все было».

— Ну что, — дальше? Не печет? — лукаво косится, смеется Коля, вспоминая, как однажды на его вопрос я ответил, что нет, не устал, только подошвы немножко печет: намял.

Нет? Ну, печет — не в счет! Вот когда задумается — тогда перекур!

Подзадоривая друг друга, мы составились в выносливости, заворачивали такие круги, из которых «черт за ночь не выскочит».

— Перекусим «на крови»? Иль не будем «руку перебивать»?

— Вроде, пора, — соглашался я и подыскивал взглядом, где расположиться.

— Чего, чего, — сидеть?! — преувеличенно изумлялся Коля. — Ишь ты! На ходу, что ли, нельзя челюстями работать? Давай ходом!

Повесив на грудь тулку, — всегда курковую, легче звести курок в случае осечки, — он ловко держал в руке и хлеб, и сало, откусывал по очереди. — Может, все-таки посидим? — насмешливо искушал Коля.

— Ну, нет! — не поддавался я. — На ходу, что ли, нельзя? Вон, собаки в хворосте полезли, глядишь, выковырнут русака, — ходом, ходом!

Густыми сумерками мы возвращались домой. Остывал к ночи осенний воздух, бор погружался в темноту. Смутными тенями мелькали в стволах сосен тихо трусившие гончие.

— Давай засворим, — предлагал Коля. — Заяц уже встал, наткнулся где-нибудь на свежачка, — увязнут в ночь, кричи их потом.

Я пристегивал свою Затею, Коля — Гаркала и звонко накликал — тау! тау! — отставшую Шнырку. — Иди-ка, иди сюда, Шнырок... Это где же ты, волоха, столько ряпухов набрала?

В тихих соснах далеко разносится голос Коли. Рассказывая, он порой вдруг резко останавливается, — я полошусь, оглядываюсь, рука взлетает к ружью, — может, он что-то заметил? Нет, просто он вспомнил неожиданно очередной случай, жестикулирует растопыренной пятерней.

В густеющей темноте светлеют висащие на спинах русаки. Идем усталые, но довольные, убаготоренно счастливые. В разговорах дорога кажется короче. Меж сосен начинают помгивать огни крайней улицы, — близко село. А дома — упревшие с обедащи, долгий чай, отраженное самоваром красное, пылающее после пребывания на воздухе лицо, сладкая истома в ногах...

— Завтра как, — идем?

— Конечно, о чем разговор! — стараюсь я скрыть радость.

— Тогда, как обычно — заходи!

...Время от времени я наведывался в Хреновое. Коля работал главным агрономом совхоза-сада. Степь у села было не узнать: громадный молодой сад тянулся на пять километров. В него забредали из леса лоси и кабаны, в нем жили зайцы и куницы.

Коля допоздна пропадал на работе. Я заставал его либо в саду, либо на большом асфальтированном дворе между складов и холодильников. Здесь же работали и его взрослые сыновья Володя и Паша, тоже, конечно,

охотники. По двору носовали автопогрузчики и автокары, разворачивались грузовики и рефрижераторы, блестя в сторонке черным лаком начальственная «Волга», прикинутая за яблоками из Воронежа. Не обращая на нее внимания, Коля стоял посредине, знакомо откинувшись чуть назад, вносил порядок в это столпотворение. Горы ящиков, пустых и со светившимися в щели яблоками, весы, подводы, машины...

— Виктор! Ну, что же ты так свой «Зил» поставил?! Как же теперь в склад попасть? — как всегда при всяком нерадении, в голосе Коли было столько чувства, что шофер смущался недогадливости, спешил в кабину: — Счас, счас, Аркадьич, ты только не шуми...

Его спрашивали, куда-то звали, к нему обращались, он успевал что-то решить, что-то уладить, он то распекал кого-то, то объяснял, то возмущался, — и тут же по какому-то поводу раскатывался смехом, от которого разгибались над ящиками, улыбаются люди. Чувствовалось, как его уажали, — я был горд за друга.

— Вот, в нарушение всех и всяческих законопорядков построили сами с помощью шабашников, за яблоки, — водил он меня по новому складу. — То средств не дают, то подрачика нет... Ничего не пробьешь — глухо! А без склада — тысячные убытки, как такоое можно терпеть?! Перед людьми стыдно! Вот, за сто двадцать верст за яблочками прикатили, на это времени хватает, а что-то решить — шиш!... Насчет охраны договариваемся с харьковским обществом служебного собаководства, — лья, а не собаки! — насчет машин урожай вывозить — с военными, и за все одна валюта: яблоки...

На складе пахло так густо и так великоленно, как могут пахнуть только полежавшие яблоки.

— Попробуй вот это, — «осеннее полосатое»... Или «россошанское». А это — «пепин шафранный»... «Суворовец»... «Кальвиль», «симиренко», «фарфоровое»...

Коля водил меня от одного штабеля ящиков к другому, показывал сорта, — крупные, красивые, чистые, один вкуснее другого; в жизни не видел подобного изобилия и разнообразия яблок.

— Я, Коля, знаю только один сорт: джонатан из Венгрии... Ну, еще голден болгарский...

— Безо-бразие! — шумно возмущался он. — Форменное безобразия, что же это такое?! Пять — шесть тысяч тонн — и яблок своих нет! Выращаем — мучаемся, но еще больше мучаемся, когда вырастим: не берут. Да что же это за безобразия? Для кого же мы все это выращаем?

— Аркадьич, — вернулся! — объявил догнавший Колю шофер.

— Сдал?

— «Сда-ал»... — шофер смыкнул по

подбородку рукой.— И на повидло не взяли...

— На повидло?! Да ты что,— такие яблоки, и на повидло!

— Так и туда, Аркадьич, не взя-али!

— Ну, что ты будешь делать! Два дня всех объезжаем, бочку бензина сожгли, яблоки колотим, а потом на сок или на джем...

— Ну что, Аркадьич,— в яр?

— Да ты что! Мелба, россшанское, скрижапель — и на свалку? Да что же это за дураки такие,— люди скажут. И правы будут!

— Так ведь не берут, Аркадьич!

— Возь-мут! — упрямо надвинув картуз, Коля бежал в контору — звонить, упрашивать, доказывать, ругаться...

Этому огромному саду, где не раз мы гоняли русаков, придали еще два, в Анновке и в Чесменке. Коля молчал и туда, растил тысячи тонн яблок, груш и ягод, оберегал их от червя и холодных рос, от заморозков и града, и мучался потом под тяжестью навалившегося урожая, его некуда было деть... Плоды его садов были на Всесоюзной выставке, к нему ездили за опытом другие садоводы, ученые и агрономы. Его звали куда-то с повышением, звали в город, — он отказывался. Может быть, зря? Сейчас многие покидают родные места, это стало привычным.

Коля вообще редко выезжал из Хреновобого. Человек большого внутреннего достоинства, он, мне кажется, стеснялся и не любил чувствовать себя гостем, он уверенно чувствовал себя только хозяином.

Есть правило, когда пишут прощальные слова о людях известных: о почивших либо хорошо, либо ничего.

Коля, Николай Аркадьевич Веренко не стремился к широкой известности. Он знал: в мире есть куда большие ценности, нежели тщеславие и популярность. Он любил свой дом, свои места — бор, Битюг, степь и Солоты, он был их частью в одном целом и знал, что, оторвавшись от них, став только частью, потерял бы почву под ногами и ощущение полноты бытия.

Я должен рассказать о нем не только потому, что он был другом, но потому, что это был очень хороший, красивый человек с душой открытой, пылкой и справедливой. Он страстно жил, страстно работал и страстно любил охоту, — он ко всему в жизни относился горячо и страстно. Люди любили его. Дружба с ним была дорога мне, она украсила мою жизнь.

Он был ярким представителем славного племени гончатников, — тех «классических» гончатников, на которых держится эта старинная, прекрасная, азартная, здоровая охота.

Избрала ли его Охота, отметив склад его души? Или благодаря ей сложился такой его характер? Трудно утверждать то или иное. Знаю лишь — охота приносила ему радость. И он щедро делился ею с другими.

«СЛОВО О СОБАКЕ»

В чем мы успешно догоняем Запад, так это в любви к животным. Если раньше собак в городе держали в основном охотники, то теперь ими увлекаются очень многие, компенсируя таким путем все более утрачиваемую связь с природой. Хороших книг по собаководству и просто о собаках катастрофически не хватает. Моментально исчезла с прилавков, а то и не дошла до них и книга Л. Корнеева «Слово о собаке». Это не странно. Издана она на приличной бумаге, хорошо иллюстрирована. С радостью понес домой с трудом раздобытый экземпляр и я. Однако, достаточно было посмотреть иллюстрации и сопровождающий их развернутый пояснительный текст, как радость эта улетучилась.

Подпись под черно-белыми рисунками на стр. 20 гласит, что здесь изображены одичавшие собаки-парии из Индии и Ирака. А видим мы диких зверей, обитающих в Южной Америке, — кустарниковую собаку и малую лисицу. Перерисованы они с цветной таблицы на стр. 98 книги К. Сенглауба (K. Senglaub, Wildhunde Haushunde, 1981, Urania-Verlag Leipzig, Jena, Berlin). Кстати, у Сенглауба на стр. 152 есть и рисунки одичавших собак из Индии и Ирака.

На стр. 116 приведен рисунок обитающего в Африке чапраного шакала, тоже взятый из книги К. Сенглауба (стр. 58), но зверь этот переименован в лисицу. «Лексикон» собак на стр. 112—113 проиллюстрирован рисунками поз не собаки, а волка, взятыми со стр. 46—53 все того же К. Сенглауба. Кстати, нигде у Л. Корнеева не оговорено, откуда «позаимствованы» перечисленные выше и ряд других рисунков. В исходных данных книги указана фамилия художника «Слово о собаке».

Не повезло в книге борзым. В подписи к рисункам на стр. 38 «борзыми» названы гривистый и красный волки, кустарниковая собака и фенек. И по экстерьеру и по способу добывания дичи, по крайней мере, некоторые из этих видов далеки от типов борзых. Так, кустарниковая собака весьма коротконога, а красный волк, скорее, «гончак» — он, как правило, в стае догоняет жертву в результате длительного преследования.

На стр. 14 и 47 гривистый волк, обитающий в Южной Америке, назван предком борзых собак. Этот вид принадлежит к отдельному роду семейства псовых, достаточно далеко отстоящего от рода волков (к которому относятся и собаки), чтобы можно было допустить происхождение какой-либо собаки от него. Кроме того, на стр. 47 сообщается, что борзые собаки салюки изображались на рисунках более чем четырехтысячелетней давности, то есть задолго до того, как кто-нибудь мог привезти сюда из Бразилии гривистых волков или произошедших якобы от них собак. Впрочем, здесь автор, похоже, совершает пару ошибок. Он путает персидскую борзую «салюки», которой в Африке не было, с арабской борзой «слюги». А вообще-то на древних египетских ри-

сунках, по крайней мере на тех, которые нам приходилось встречать в литературных источниках, изображена фараоновая борзая — с торчащими ушами, чем она отличается и от салюки и от слюги. Что касается «мелких борзых и левреток», которых в качестве комнатных собачек разводили в Древнем Египте (стр. 50), то там имелась мелкая борзообразная собака, на базе которой позже в Италии, а не в Египте вывели левреток.

И еще о борзых. Географическая изоляция не могла способствовать сохранению чистоты афганских борзых, как утверждается на стр. 25, хотя бы потому, что так называемая «афганская борзая», или «афган», выведена в Европе из собак, вывезенных из Афганистана в Англию в конце прошлого — начале нынешнего века. Сейчас это преимущественно декоративная порода. Аборигенные борзые Афганистана до недавнего прошлого не были изолированы от собак соседних стран, да и теперь эта изоляция проходит только по границе с нашей страной.

По меньшей мере странно звучит сообщение, что в древности жители Мадагаскара, выходцы с Индонезийского архипелага, называли волков «амбуа дия», то есть «собака дикая» (стр. 12). Ни на Мадагаскаре, ни на Малайском архипелаге волков нет и не было. Это все равно, что объяснять, как на Чукотке звучит местное название попуага.

О терминологии. Используя материал из журнала «Дискавер» (стр. 24), следовало бы писать не «золотистый шакал» — перевод с латыни, естественный для американцев, у которых эти звери не водятся, а просто «шакал», как принято у нас. Латинское название семейства псовых автор передает в русской транскрипции как «канидаэ» (стр. 19), вместо «каниде».

Вызывает сомнение утверждение, что в некоторых учебниках динго выделяют в особый подвид «канис динго» (стр. 13). Авторы учебников по зоологии обычно знают, что сочетанием из двух слов латыни в систематике животных обозначают не подвиды, а виды: первое слово — название рода, а второе — вида. Подвиды по-латыни принято обозначать тремя словами. Кстати о видах. Все домашние собаки принадлежат к одному виду, и соответственно русский спаниель — не особый вид, как пишет автор на стр. 84, а порода.

Мы рассмотрели только некоторые из допущенных в книге Л. Корнеева ошибок, связанных с охотничьими собаками и с дикими животными. С таким же результатом можно было бы подвергнуть анализу и прочий материал, например, по поведению собак или по служебному собаководству. Следует только пожалеть, что книга, написанная с любовью к собакам и выпущенная в свет очень уважаемым издательством, обесценена таким количеством «ляпов».

Судя по издательским данным, «Слово о собаке» выпущено в качестве «научно-художественной книги». К подготовке такого издания следовало бы привлечь и научного редактора. Впрочем, отсутствие такового не снимает ответственности и с редактора, и с рецензентов, и в первую очередь с самого автора за обилие допущенных ошибок.

Ю. ГОРЕЛОВ,
старший научный сотрудник
ИЗМЭЖ АН СССР,
кандидат биологических наук

* Изд-во «Мысль», Москва, 1989 г., 256 стр.,
тираж 90 000, цена 5 р.

ПОСЛЕДНИЙ ГЛУХАРЬ

Анатолий ОНЕГОВ

Рисунок Б. Игнатьева

Надеюсь я, дорогие мои читатели, что не осудите вы меня за то, что не будет в этом моем охотничьем рассказе охоты, такой, какой понимаю ее я, какую всегда старался писать для вас. Не будет в этом рассказе и занимательной фабулы-сюжета, какие привыкли мы искать в рассказах, — все то, что прочтете вы дальше, и есть настоящий рассказ-откровение, рассказ-исповедь, рассказ-боль, на которые только и способен я сейчас, здесь, среди своих лесов и озер, какие люблю всем сердцем и по каким теперь вся моя боль-беда.

Итак, не пишу я сегодня своей охоты, потому что этой моей охоты здесь, в наших местах, увы, давно уже нет... Молчит лес, молчат озера и болота, молчат грустно, мертво, молчат позимнему могильно другой раз даже в самую весну, когда по всем законам жизни, каждой жизни положено, хоть и коротко, и пусть негромко, но обязательно положено спеть свою весеннюю песню...

Сегодня, ранним утром, добрым, уже отходящим от ночного апрельского морозца, слышал я в звонкой тишине, одетой, как на праздник, нарядным инеем-кружевами, воркование тетерева-косача.

Косач подавал голос с бугра за леском, с Волковых полей, где из века в век пахали и сеяли хлеб и где возле хлеба была всегда самая разная птица. Там, на Волковых полянах, были когда-то и тетерева. Еще лет семь-восемь тому назад встречал я там по лету дватри тетеревиных выводка. К осени эти тетерева подрастали и перебирались на вырубки, к бруснике. Здесь же, недалеко от вырубок и Волковых полей, тетерева и зимовали, сбиваясь в небольшой отряд-стайку и пощипывая по морозам березовую почку.

Этих тетеревов, вылетающих на березы, что на виду в нашей деревни, я еще застал. Нет, я не охотился за ними: птиц было уже совсем немного, и их надо было только беречь в надежде, что, может быть, здесь, где позабыто-позаброшено все хлебное ремесло, тетерева все-таки как-то выживут, продержатся. Но нет, не получилось. И теперь вот этот одинокий петух-токовик рассказывает с сердцем всем, кто может слышать и понимать его, о приключившейся беде...

Нет хлеба — нет тетеревов, серой куропатки, гусей на пролетах, нет больше и журавлей по весне и по осени возле нашей деревушки. Так уж устроена умная человеческая жизнь — всегда притягивала она к себе и птицу, и зверя. Но жизнь людей в нашем лесу рухнула — брошены лесные деревни, брошены поля-пашни. И вот теперь этот одинокий тетерев-токовик будто оплакивает-поминает своей не по-весеннему грустной песней все, что когда-то было здесь, у нас... «Чуффы-чуффы», — по привычке попугивает своего, так и не явившегося к нему соперника, потом перестает и чуффыкать, и ворковать и перелетает на другие поляны, за горой Горнюхой, что так же позабыли свою хлебную ниву. И теперь уже отсюда, из-за Горнюхи, приходит ко мне стон-воркование, пожалуй, самого последнего в наших местах тетерева...

А ведь когда-то, и совсем недавно, пусть и небольшой, но был все-таки тетеревиный ток прямо перед моим домом на озерном острове Бодунове. Раньше всегда собирались сюда дватри петуха, и уж один-то тетеревиный выводок всегда подрастал-мужал здесь, окружив себя границей-водой от тех же лис-врагов.

Но и тут, на Бодунове вторую весну не слышу я тетеревиных песен. Последних тетеревят вместе с матерью-тетеркой переловили здесь по лету, еще малыми цыплятами в петли бездельные мальчишки-дачники, которым уже не довелось услышать от своих отцов и дедов никаких правил жизни в лесу. И теперь эти ребята, прибывшие сюда, в лес, в бывшую когда-то живой и по зиме деревеньку, только на летние каникулы, прибывшие сюда со своим новым городским правилом: хочешь — бери, а не возьмешь — останешься ни с чем — и не принявшие от отцов, дедов никаких лесных знаний, обернулись для нашего леса варварами — врагами всего живого.

...«Чуффы-чуффы», — попугивает сам себя, свое одиночество тетерев, токующий на полянах под Горнюхой. Я не могу больше слышать эту птицусироту и ухожу домой.

Вчера по насту добрался я до своего глухариного тока, конечно, без ружья, но с охотой, с охотой-надеждой увидеть этот глухариный ток и хоть не

шибоко здоровым, но все-таки живым и в эту весну...

Токовище это, считайте, последнее в округе, неразгромленное, не распуганное до конца... Тут же, за нашей деревушкой, прямо по горе Горнюхе, за которой на полянах, поди, и сейчас все еще убивается-голосит в надежде услышать хоть какой-нибудь ответ тетерев-бедолага, проложена граница местного заказника. Лесу этому заказнику отдано было много и только для того, чтобы сберечь здешние, некогда знаменитые глухариные тока, что по нашим, когда-то дорогим боровым местам собирали на каждый ток-игрище чуть ли не по сотне петухов-мошников. Может, и не было никогда сразу по столько петухов на каждом здешнем глухарином сборе, но десятка по два птиц я еще застал. И на богатые те токовища хаживал я без ружья — видел, чувствовал, что токовицам этим приходит конец, а потому и не мог быть вместе с теми, кто, не уважая никакой жизни, участвовал в уничтожении самих «производительных сил» природы.

«Производительные силы» природы — это вовсе не художественный образ. Вспомните Большого охотника-старателя Николая Александровича Зворыкина: «Многие породы птиц и зверей стерты человеком с лица земли. Исчезнувшая порода не может быть восстановлена. Она, следовательно, исчезла навсегда, быть может, лишив человечество громадной пользы. Несомненно, что люди привыкли брать от природы больше, чем следует, не восполняя ее производительных сил. Не вкладывая в живую природу своей заботы, а только разоряя ее, человек приводит животное население к катастрофическому положению... Кто сознательно относится к природе, тот не разоряет ее. А если он охотник, то не забывает и о задаче сохранения производительных сил ее».

Так вот для сохранения убывающей славы наших глухариных токов заказник у нас и устроен. Только наш заказ-исповедь не пал на лесодобытчиков. И будто в насмешку над нашим беспокоеством за судьбу жизни здешнего леса проложили лесодобытчики свои лесовозные дороги к самой сердцевине нашего глухариного заповедного царства — и пали перед мощной лесодобывающей техникой самые лучшие и последние наши боры-беломошники...

Страшное это время было для всей лесной жизни. Нет, не ходили мы туда, на лесосеки, а лишь по реву всецельной техники, рвущейся к остаткам лесной кладовой, горестно знали, куда, к какому очередному солнечному бору катится теперь стальное колесо смерти. Голос-хрип техники, атакующий лес, был над нами все время вместе с нашим немой от бессилия криком о помощи. То этот рык-хрип на какое-то время стихал, когда лесоповал прятался за стену еще живого леса, то вдруг

врывался в самую деревушку, вскинувшись на холм-гору и снес с нее все, что только что росло, виселось там, тянулось к солнцу...

А тут еще вместе с неумолчным громом беды рассказы-бахвальство водителей лесовозов: вчера, мол, десяток глухарей привез, а третьего дня и того больше...

Тогда без ружья в кабине, наверное, не выезжал в лес ни один шофер. Уж какие, откуда были у них ружья, как доставались им, были ли подтверждены хотя бы одним охотничьим взносом — увы, некому было спросить об этом жирующих стрелков. Песок, галька, навезенные на новые лесовозные дороги, что перерезали все наши бывшие глухариние боры, позвали к себе на песок, на гальку птиц. И били тут глухарей и прямо на дороге — только чуть притормози машину, и на деревьях — птица, не понимающая человеческой подлости, снявшись с дороги от машины и не видя самого человека, спрятавшегося за стеклом кабины, не улетала далеко, а чаще всего тут же, у дороги, присаживалась на дерево. Гремел выстрел — и машина катила дальше, к следующему глухарю-добыче.

И по сей день глухариний лесной заказник начинается сразу за моей деревушкой, но, увы, ни заповедных глухариних токов, ни глухариних боров-беломошников в этом заказнике, считайте, что уже и нет. И только мое, спрятавшееся в стороне от лесовозных дорог небольшое глухариние игрище еще живо, еще собирается каждый год играть свои весенние игры. Правда, и этому току уже досталось, но уже не от местных шоферов-водителей, а от вполне цивилизованной и даже очень образованной столичной публики...

Честное слово, не сужу я чрезвычайного строго тех шоферов — водителей лесовозов, которые наперебой выколачивали в нашем заказнике заповедных птиц... Живут эти люди жизнью чаще всего безграмотной по части знаний природы, леса, хотя и живут все время среди лесов, но живут не создателями-строителями, а лесорубами, добытчиками, разрушителями лесной жизни. И не их в этом вина. Но отсюда и психология, и разрушение собственной личности порой до такой степени, что и себя-то сам человек не в состоянии собрать в нечто целое. Наука нужна этим людям, знания — большие человеческие знания — правда о жизни того же леса. И знаю по опыту, что до науки такой весь наш народ охоч и весьма тут способен. Вот вам и заслон варварству-разбою. Учить надо народ, учить, а потом и спрашивать!

А вот что, скажите пожалуйста, делать с людьми учеными, да еще записанными инженерами человеческих душ? Какую им нести науку, когда за ними такие университеты?

Правда, в последние года два-три походы на глухариний ток наших моск-

вичей-дачников (разумеется, в запретное время и в запретных местах) и гостящих у них по случаю глухариней охоты друзей приутихли. Но здесь, скорей, всего моя вина. Не выдержал я, привез в деревню ружье и все прочее, что к ружью полагается, заявив тем самым, что я возвращаю себе охоту — охоту видеть наш лес живым и здоровым. А уж объявился охотник, то, стало быть, и заявил он какое-то право и на свои охотничьи тропы. Значит, у наших охотничьих троп появился и хозяин — уж что-то, а строгость во мне ко всякому воровству-подлости мои дачники-соседи подметили сразу. Может быть поэтому и побавляются сейчас вершить свои запретные охоты.

Вот и теперь проверил я свой подшефный ток. Цел, жив, правда, здоров не очень. Мало совсем птиц на току, хотя и время, и погода — все для глухариней игры. Да и летом с трудом разыскал я возле тока два выводка. И глухарят в выводках было немного — может, лиса похозяйничала или еще кто из лесных охотников? Но и это надежда. Глухарь от хлебного поля не зависит — ему лес только нужен да лесной порядок. А лес пока вокруг того токовища есть и под повал не отдан. А порядок? Придется и мне тут немножко побеспокоиться, чтобы недоученные или слишком ученые охотники до добычи не нарушили чуть теплющуюся жизнь.

Недели через две по правую руку от моего дома, как раз под Мыриной горой, пробьется к озеру через снег и льды Щучий ручей. А там, у Щучьего ручья, откроется полой водой и первая

весенняя разводина. И почти тут же на эту разводину ожившей воды опустятся одна, много — две и совсем много — три пары краковых уток. Так было раньше каждую весну.

Весна на нашем лесном озере всегда немного запаздывала, будто забывала сразу, в своей самой первой дороге на север, заглянуть в наши, затерявшиеся в лесах места и только потом, когда проходила над полями, лугами, реками и большими озерами подальше, вспоминала о нас и возвращалась обратно, чтобы разбудить и нашу, живущую не по-весеннему землю... И так каждый год.

Совсем недалеко от нас, возле большого селения уже и трясогузки кувыркаются на крышах, ловя первых проснувшихся мух, уже и чибисы кричали вовсю свое «чыи-вы? чьи-вы?», и краковые утки гуртуются на полях возле расплзшихся по пашне весенних луж, а у нас, среди седых снегов только скворцы зябко жмутся к своим скворечникам, да поторопившиеся зяблики мышатами снуют у меня под окном на огороде, подбирая с грядок только-только показавшийся из-под снега какой-то корм, оставшийся для них с осени. И не спешат к нам пока ни чибисы, ни трясогузки, ни краковые утки, будто знают, что пугни зима весеннее тепло — и ледяная стужа вернется прежде всего к нам, в наш лес, еще не прогретый как следует весенним солнцем. Но отступит совсем зима, и только-только начнет разливаться широкое апрельское тепло-благодать, как тут же явятся к нам, забыв о всех своих графиках-перелетах, и трясогузки, и чибисы, и дрозды, и краковые утки — все в один день... Вот тогда у Щучьего ручья и услышишь вдруг первое здесь в этом году призывное утиное «кря-кря-кря-кря...»

Так было каждую весну. И каждую весну одна пара краковых уток оставалась на Бодуновом острове, другая перебиралась в дальний угол нашего озера, в залив Илексу. Ну, а третья пара, если вдруг и оставалась у нас, то искала себе пристанище чаще всего где-нибудь по речке, что вытекала из нашего озера и петляла за петлей среди низких, заросших берегов петляла в сторону к другой озерной воде.

Три пары краковых уток на целое озеро — а не маловато ли это, не бедновато ли рядом с теми заливыми озерами по нашим среднерусским местам, заросшим другой раз травой от берега до берега?.. Конечно, маловато, если сравнить нас с богатыми на утиный корм водоемами. Но наше озеро глубокое, по берегам его совсем мало травы — мало здесь для уток корма. Вот потому и радуемся мы даже двум-трем утиным выводкам.

Встанешь утром пораньше, когда еще спит работающий мир, когда ничей чужой голос не рушит утренней тишины, и ждешь, ждешь в этой тишине

громкого, позывистого «кря-кря-кря-кря...» наших уток... «Кря-кря-кря-кря...», — слышится у Щучьего ручья, слышится день, другой, третий — да, это наша утка. Она никуда не полетела дальше, осталась здесь, и здесь, на Бодуновом острове, и в этом году будет ее гнездо.

А затем будут у Бодунова острова и утята. И эти утята вместе с матерью в светлые летние ночи севера станут приплывать к нашему берегу и кормиться тут среди зарослей водяной гречи, возле самых наших мостков, откуда и берем мы воду. И знают в деревне этих своих уток. Знают и, видимо, всегда берегли, если из года в год здесь, на виду у людей на Бодунове острове выводит утка своих утят.

Но вот что-то случилось. В прошлом году на первые весенние разводья к Щучьему ручью прилетела всего одна пара уток, и та вскоре куда-то исчезла, а наша утка в ту весну на озере не появилась...

Судьба тех уток, которые облюбовали себе дальний на нашем озере залив, известна... Года три-четыре тому назад к дальнему заливу, к Илексе проложили лесовозную дорогу, и туда, где прежде был у нас самый глухой, самый медвежий угол, теперь за всякой озерной и лесной данью гонят и гонят машины и мотоциклы. И там, в Илексе, тогда первыми загремели ружья в день открытия осенней охоты на водоплавающую дичь... А много ли надо пороха и дрови на один утиный выводок, доверчиво крутившийся до этого возле самого берега?.. Вот так уток в Илексе разом и извели.

Ну, а на Бодунове? Кто, как, зачем разрушил эту нашу заповедную жизнь?.. А может, виноваты тут и не люди, а хищники или какие-нибудь болезни?.. Да и по прошлым годам редко когда весь утиный выводок с Бодунова острова доживал до осени. И переживали мои сыновья, подсчитывая, такие потери утиного семейства... Было сначала девять утят, потом — восемь, а там исчезли-пропали сразу два малых утенка. И видели мы последний раз нашу утку у Бодунова острова всего с четырьмя подростками утатами.

Как хочется мне винить в нынешнем сиротстве Бодунова острова кого и что хотите, но только не людей с ружьями... Но не могу отделаться от мысли, что кто-то и среди нас нашелся такой, у кого не дрогнула рука, поднявшая ружье в сторону заказанной миром, заповедной утки... Не могу отделаться от этой мысли, ибо помнится мне острой болью похотливый голосок одной нашей молоденькой дачницы-чревоугодницы, призывавшей своего мужа-рыцаря к утиной охоте: «Уточку хочу — хочу уточку...» И пошел бы этот добрый молодец за уточкой, только-только показавшей своим детикам-утятам путь-дорогу от гнезда к родной им стихии, к воде, если бы

случайным свидетелем снаряжавшегося уже похода не оказался автор этих строк... Не выдержал, не посчитался я, что в гостях у этих дачников-москвичей, и воспротивился, восстал против черной человеческой похоти, не желающей знать на пути к своему убажанию никаких запретов, никаких заповедей.

Видимо, с тех самых пор и определен был ваш покорный слуга «законником», что с точки зрения нашего местного разгульного беззакония должно было звучать крайне неприлично. И «законника» я своего принял, но те разбойные ружья от наших уток в тот раз отвел.

А может быть позже, потом, слишком переученные наши рыцари, слыхом не слышавшие никогда о каких-то там производительных силах природы, о порядке и чистоте, без которых нет и не может быть у человека никаких дозволенных ему отношений с живой природой, и порешили все-таки наших заповедных уток?

Не хочу верить этому, не хочу знать, видеть людей хуже, чем они есть, но все равно живет, вертится во мне червем-сверлом эдакая опасливая мысль: «А что если снова пропоет-простонет молодая жена своему старшему мужу: — «уточку хочу, уточку» — и пропоет-простонет все это уже без свидетелей, без меня?..»

Но пока я здесь возле своего озера, рядом с Бодуновым островом, что еще в снегах со своей северной стороны, рядом со Щучьим ручьем, который недели через две оживет и подарит нам первое наше весеннее разводье... Прилетят ли утки в этом году к Щучьему ручью? А если прилетят, то может быть, и останутся снова здесь, на нашем озере? Ведь совсем недалеко от нас Корбозеро, большое и отмелое, утиное озеро, заросшее так, что с берега к нему никак не подступиться. Там, на Корбозере, и плодится-множится, поди, вся наша утка... А что если отсюда этой весной и заглянет к нам какая пара кряковых?

Корбозеро — озеро охотничье, некогда славное, известное, наверное, далеко за пределами нашего леса. И стремятся туда, видимо, со многих сторон самые ярые охотники до утиной охоты. Но охота там, как говорится, технически трудна, требует она плавсредств. К берегу не подобрешься — остается только добывать лодку у местного населения, а еще лучше добывать лодку вместе с помощником-гребцом: тот потихонечку гребет, а ты знай себе постреливайшь кряковых с подьезда.

Некогда Корбозеро было достаточно людным местом, но дальше жизнь там, как и по другим лесным местам, нарушилась, а с ней поубавилось, конечно, и лодок, годных для той же утиной охоты. Лодки теперь на Корбозере, считай, почти все под надзором местного егеря, устроителя здешней охоты. А раз так, то и поездка сюда

на охоту, на готовую и подконтрольную охотничьей службе лодку, сопряжена с определенными условиями... Словом, просто так, без соответствующих высоких прав, права на здешнюю охоту, выходит, и не получишь. Вот и поговаривает местный охотничий люд, что повыбил сначала по лесовозным дорогам глухаря, а там всех своих уток по своим, не таким богатым, как Корбозеро, на уток местам, что, мол, туда, на Корбозеро дорога только одному начальству...

Бог знает, так ли все это в точности, но, видимо, доля правды в людской молве определенно имеется. Я сам на той Корбозерской охоте охотником не бывал, но неумолчную стрельбу в день открытия утиной охоты слышу каждый год — от Корбозера до нашей деревушки по прямой, через лес всего километров девять. Ныне леса наши поубывали, поредили, и голоса ружейных дуэлетов добираются к нам без особого труда... Тах-тах, тах-тах — и так, считай, с утра до вечера, с рассвета до темноты.

Уж сколько за это время бывает добыто-отстреляно пернатой дичи на Корбозере, точно не знаю. Если судить лишь по небольшому числу лодок, готовых принять счастливых охотников, да по нормам отстрела, то добывать дичи за день охоты на Корбозере должно не очень много. А вот если вести этот счет по числу выстрелов, делая даже самые лихие скидки на любые неумения стрелять влет, и то все равно добытая дичь на Корбозере должна исчисляться мешками...

Да, да, не улыбайтесь и не считайте меня бароном-завиралой, когда добытых уток исчисляю я мешками — и не заплечными мешками-рюкзаками, а мешками обычными, которыми отмеряют лук, картошку и прочий объемный магазинный товар.

Мешок уток за день на одного охотника — это еще не самая большая добыча, которую приходилось встречать мне даже здесь, по северным, не самым уж самым утиным лесным местам... Знал я одного стрелка, который вдвоем с сыном, но при рабочей собаке привез как-то домой с воскресной охоты аж три мешка набитых уток...

Куда? Зачем эти мешки, набитые загубленной птицей, в тех местах, где не ведут ее заготовку, а стало быть, и отсутствует магазинный прием?

Хозяйка дома, принимавшая охотничьи трофеи мужа и сына, на мой вопрос ответила просто:

— Куда-куда? Каких раздали, какие так и попортились в мешке...

И все! Конеч!.. И только ради ублажения похоти стрелков — достичь, добыть... Не видел я никогда в этом обмороженном, ущербном для самих людей биологизме никакой охоты и охотниками мастеров такой стрельбы никогда не считал, хотя знал и богатые промысловые охоты. Но там все иначе,

и о той охоте-промысле как-нибудь в другой раз... А что тут? Что, кроме животной страсти, вырвавшейся из-под слабого контроля закона-порядка, установленного было людьми ради сохранения, хотя бы своего личного, благополучия?

А может у тех лихих стрелков водилось все-таки хоть что-то от настоящей охоты? Может, была у них страсть к собаке, умение подготовить, поставить своего четвероногого помощника на охотничью тропу?.. Нет, и собаки-то у таких стрелков если и бывали, то чаще доставались им случаем, уже в рабочей кондиции... Не было у таких изводителей дичи и понимания природы, не знали они ее настоящего голоса, ее тайн... Вот и все.

И не вспоминать бы сейчас эти мешки и эти охоты-вседозволенности, которые встречались мне последний раз, пожалуй, эдак лет двадцать тому назад и которые теперь пообузданы хотя бы законом. Но вот беда — произведя свои подсчеты, брал число выстрелов, гремевших в один день над утиным Корбозером, делил это число на не такое уж великое число охотников, допущенных к той охоте, делал, как уже говорилось, всякие скидки на неумение стрелять и все равно в итоге нет-нет — да и поглядывал на меня из-за цифр, как из темных углов недавней бесконтрольной стрельбы все тот же мешок добытой дичи...

И опасение мое подтвердил егерь, которому только что поручили вести надзор и над нашей и над всеми прочими охотами в округе — так и есть — и сейчас на Корбозере попадают такие стрелки, для которых до сих пор нет никаких запретов... И не скажи им ничего — тут же поставят на место, и хорошо если на прежнее твое место поставят, а то и с местом самим распрощаешься. Вот и молчит тут даже сам охотничий надзор. Только знает, помнит с досадой, что и в этот раз такой-то неумный стрелок отбил семь десятков кряковых уток...

Так откуда же теперь уткам быть у нас, на нашем озере, на весенних разводьях у Щучьего ручья, когда прошлой осенью хватило всего одного дня, чтобы добыть остаток этой самой кряковой утки на Корбозере — остаток от прежних неумных охот, которые никак не могут расстаться со своими мешками набитой дичи...

И все-таки я жду, жду с неугасающей своей надеждой-верой в жизнь первую весеннюю воду по берегу, там, где к озеру бьется, точит потихонечку снег и лед наш Щучий ручей...

В прошлом году, примерно в это же самое время, добирался я к себе в деревушку от почты и магазина по той самой лесовозной дороге, которую недавно провели в бывший глухой конец нашего озера, в Илексу... Добираться к людям, к магазину, к почте и возвращаться обратно этой

дорогой стало вроде бы и легче — по крайней мере, по зиме эту дорогу чистили, и, миновав свое озеро по льду на лыжах, эти лыжи можно было теперь оставить на берегу, а дальше быстренько-быстренько на своих двоих по чистой дороге...

Дорогу к озеру строили на моих глазах. Валили рядами лес, и на эти ряды бревен возили и возили без конца мощными самосвалами песок. Сначала дорога шла по старой лесной тропе, а затем выпрямилась и снесла на своем пути небольшой сосновый борок, что веселой солнечной куртинкой стоял на краю болотца. Здесь, возле этого болотца, по сосновому бору и раскидывался обычно по весне и пусть не очень громкий, но живой, а оттого сильный и красивый глухариный ток.

Но сосняк дорога подмяла под себя, а бывшее глухарине болотце закидали со стороны дороги разным лесным ломом... Конец еще одному родничку нашей лесной жизни...

Прошел год, другой — следы глухарей возле этого прежнего глухариного токовища я уже не встречал — птиц, наверное, перебили еще тогда, когда насыпали дорогу. И уже почти забывались мной и прежний борок, и прежнее болотце, где игрались когда-то тайные птичьи игры. Также зачеркнув

напрочь прежнюю боль по разрушенной жизни, и в этот раз, прошлой весной, миновал я в своей дороге знакомые мне по глухарям, когда-то жившим здесь, болотце и искореженный сосняк... И вот тут-то, уже почти расставшись с прежним глухариным токовищем, увидел я на снегу следы-печать токующего петуха-мошника...

— Батюшки! Да откуда же ты? Как уцелел? Где был все это время? Как вспомнил-нашел свое прежнее место?

А следы глухаря упрямо метили собой весенний снег по краю дороги, печатали, ставили знаки живой таежной жизни и по самой дороге людей, будто эта жизнь, восстав из ничего, вернулась обратно и теперь требовала вернуть ей ее прежние права...

Увы, глухаря, явившегося на свое разгромленное токовище, приметил не я один... По дороге к озеру и обратно вечно сновали мотоциклы с рыбаками-подледниками, и следы токующей птицы не могли остаться в тайне. Недели две спустя, когда снег на дороге сошел совсем, но лед на озере еще держал человека, я наведалься туда, где недавно с удивлением встретил глухариные следы. Прежние следы птицы, конечно, расплзлись под солнцем, но вот следы

людей, входивших недавно в лес, а затем вернувшихся обратно, я увидел. Увидел и расстроился... Конечно, это местные стрелки-добытчики, проведая о глухаре, явились в лес за добычей...

С чем вернулись обратно эти люди, не посчитавшие никаким грехом охоту за последним глухарем? Добыли ли отважную птицу, упрямо ставившую свои знаки-следы сверху на следы людей?.. Этого я не узнал, но следов глухаря, где-то пережившего беду и вспомнившего свои родные места, я больше не встречал. Да и снег в лесу скоро совсем сошел, и глухариным следам уже не на чем было печататься...

В том году, в самом конце весны мы с сынишкой попадали в деревню от людей, от магазина и почты, попадали по той же самой дороге, ведущей к нашему озеру. За плечами у нас были продукты. Поклажа немного утомляла, и мы присели передохнуть у края дороги как раз там, где когда-то поднимался глухариный сосновый лесок и где по весне встретил я следы последнего здешнего глухаря. Мы сидели на поваленном сосновом стволе, и я негромко рассказывал своему сынишке о погубленном токе и о глухаре, все-таки вернувшемся обратно, и о людях, которые не считают для себя позором, преступлением устраивать охоты на последних живых птиц и зверей. Я закончил свой рассказ, мы помолчали и только-только собирались встать и вскинуть за плечи свои рюкзаки, как откуда-то сверху и чуть со стороны раздалось громко и близко: «Чок... чок... чок... чок...»

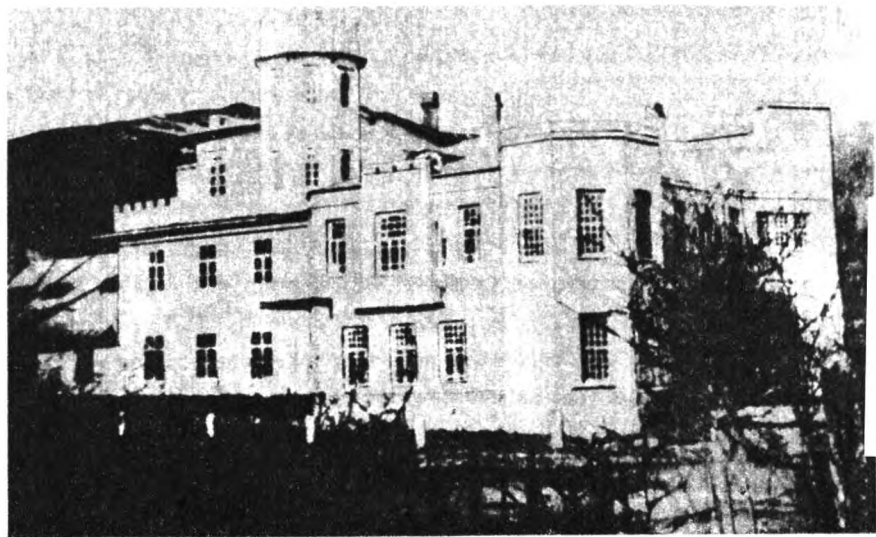
Я замер. Удержал рукой и сына. «Чок... чок... чок... чок...» — повторил настороженный лес... И снова тишина. А потом опять громко и ясно: «Чок... чок... чок... чок...»

— А вдруг сейчас после этого «чок... чок» и заговорит, запоется лесом сама колдовская глухариная песня?

Конечно, это был глухарь! Тот последний, упрямый глухарь, которого не напугали ни дорога, проложенная людьми через его прежнее токовище, ни стрелки-добытчики, помечавшие добыть эту завороченную-заговоренную самой тайгой птицу.

Глухарь снова неторопливо выслушал свой лес: все ли здесь, в этом лесу, нынче в порядке... «Чок... чок... чок... чок...» Казалось, и теперь все было готово к глухариной песне, но этой песни мы так и не услышали. То ли самой глухариной песне было уже поздно звучать на границе близкого лета, то ли сам лес, тоже помнивший обиды от людей, не позволил и нам приобщиться к его вечным тайнам...

Вот и весь мой сегодняшний охотничий рассказ. Другого подарить вам, увя, пока не могу, ибо и сам, как наш лес, несущий в себе свои боли-тревоги за судьбу-жизнь не только своего леса...

МОЙ ОТЕЦ ЮРИЙ ЯНКОВСКИЙ

Валерий ЯНКОВСКИЙ

Мой отец, Юрий Михайлович, родился в семье отбывшего царскую каторгу за участие в Польском восстании 1863 года польского шляхтича, пана Михаила Янковского и коренной сибирячки, иркутянки Ольги Лукиничны, урожденной Кузнецовой. Дед, проработав после каторги пять лет управляющим золотого прииска, арендовал, а позднее приобрел в собственность девственный гористый полуостров на берегу Амурского залива под Владивостоком, который теперь носит его имя.

Хозяйство там повелось с нуля. Началом «конского завода» в 1879 году явились невзрачный российский жеребчик Атаман и десяток крохотных корейских, маньчжурских и монгольских кобылок, четверых из которых со всем приплодом в первую же зиму задрал тигр. Пантовое оленеводство — с трех забредших на полуостров из тайги пятнистых оленей. Первая в России плантация женьшеня возникла из горсти корешков и семян, доставленных аборигенами — тазами. Они же подсказали, что полуостров этот носит старинное удэгейское название — Сидеми.

С годами в семье Янковских появилось четыре сына и две дочери. И все дружно трудились. «Приказчиков», как отметил в своих записках дед, на хуторе не держали, во всех делах обходились своими силами. Только пастухами растущего стада работали в основном корейские переселенцы.

Хозяева Сидеми с первых шагов встретились, казалось, с непреодолимыми препятствиями. В те годы, помимо четвероногих хищников — тигров, барсов, волков и медведей, переселенцев грабили профессиональные маньчжурские разбойники хунхузы: неохраемая граница пролегла всего в полусотне километров. При их зверском нападении в июне 1879 года погибла жена соседа, капитана Гека, его рабочие и шестилетний сынишка. Янковский остался с покалеченной рукой. Од-

нако это не остановило упрямых первопроходцев: Гек женился вновь, продолжил на своей шхуне промысел китов. Янковский не оставил идеи разводить и совершенствовать горячо любимых лошадей. Всего с одним помощником отправился по санному ямщицкому тракту за пять с половиной тысяч верст и пригнал своим ходом из Западной Сибири, не раз рискуя жизнью, табун прекрасных производителей томской породы, затратив на это путешествие десять месяцев! А сын Юрий двадцатилетним парнем отправился в Америку, где простым ковбоем изучал передовое коневодство в техасских прериях и на третий год привез на пароходе из Сан-Франциско чистокровных английских скакунов.

К концу XIX — началу XX столетия именье Сидеми стало своего рода образцом для Уссурийского края. Сотни прекрасных лошадей пополняли кавалерию и артиллерийские части, тянули плуг русского переселенца-хлебопашца, с блеском выступали на бегах и скачках, украшая полки гостиницы старого дома серебряными кубками.

Стадо оленей за эти годы перевалило за две тысячи голов. Плантация женьшеня насчитывала десятки тысяч корней.

Старший сын М. И. Янковского от первого брака — Александр — отделился рано. Фантазер и непоседа то строил шлюзы на Панамском канале, то добывал золото в Клондайке, то путешествовал по Камчатке. Главным хозяином на Сидеми стал Юрий. Следующий, Ян, организовал оленеводство на мысе Гамова, неподалеку от Посета. Младший, Павел, ушел на Германскую, воевал на западном фронте, а потом — в составе Русского экспедиционного корпуса в союзной Франции. Сдав дела Юрию и жене, Михаил Иванович уехал лечиться сначала в Семипалатинск, а оттуда на Кавказ. Он умер от воспаления легких в Сочи в 1912 году.

Юрий Михайлович женился на старшей дочери владивостокского пароходола-

дельца, китаеведа М. Г. Шевелева — Маргарите. Пристроил к старому дедовскому дому-крепости величавый белый замок с башней, где на флаштоке развевался голубой флаг с черно-золотым гербом старинного польского рода «Новина»...

Для борьбы с четвероногими и двуногими хищниками на всех вершинах гор были установлены егерские сторожки, связанные телефонами с центральной усадьбой. Кстати, теперь, через пятьдесят лет, ныне существующий на полуострове оленесовхоз «Амурский» телефонов не имеет. Я хорошо помню организацию работы тех лет. Тогда не проводили никаких растянутых на часы утренних пятиминуток. Все распоряжения на завтра отдавались с вечера, и каждый сотрудник знал, что ему делать, за что он в ответе. Отец с зарею бывал уже в седле, объезжая все работы, часто за пределами полуострова. А двое вооруженных дежурных ежедневно ехали верхом в объезд полуострова.

В этом хозяйстве никогда не возникало палов, за десятилетия поднялись прекрасные леса едва ли не всех дальневосточных пород. Дом-замок, олений парк, лошади, женьшень, рыбалка постоянно привлекали внимание любителей природы, ученых. Гостями Сидеми бывали будущий президент АН СССР Комаров, поэт Бальмонт, писатель Арсеньев, натуралисты Дыбовский, Мольтрехт, Дэсулави. Губернаторы взяли за правило демонстрировать полуостров Янковского всем высоким гостям Владивостока. Хозяйство процветало...

Однако к лету 1922 года сгустились политические тучи. Шла к концу гражданская война, белые армии откатывались в Маньчжурию, Корею, Китай. Юрий Михайлович понимал, что ждет его как помещика, несмотря на все заслуги перед краем. И решил эмигрировать в Корею. Благо, бывал там в юности, имел немало друзей из числа бывших работников имения. Благодаря деду, фамилия Янковских была весьма популярна в Стране Утренней Пролады. Итак, осенью 22-го все домочадцы, рабочие и служащие, пожелавшие уехать, пересекли пограничную реку Туманган, то верхом, кто на ледокольном катере «Призрак».

Первые годы эмиграции в корейском городе Сейсин [Чонгжин] были очень трудными. Чтобы обеспечить каждого из бензеев, отец был вынужден распродать все, что удалось в спешке захватить с полуострова: лошадей, коров, катер, автомобиль, много иного имущества. Жили скудно, зарабатывали на жизнь как могли. Одной из статей дохода стала охота.

Только через несколько лет Юрий Михайлович сумел приобрести участок земли около горячих ключей Омпо, в 50 км на юг от Сейсина. Создал там хутор и дачный поселок, который нарекли Новной. Душой Новины была, конечно, наша мама, но, увы, она там и похоронена. А на этом курорте летом принимали дачников и туристов из Харбина, Сеула, Тяньцзина, Шанхая и даже из Европы. Развели пойманных в лесу пятнистых оленей, вырастили сад, завели пасеку, молочных коров. Приобрели пару автомобилей. И все-таки самым популярным и любимым занятием мужской половины Янковских всегда была охота. На фазанов и гусей, на коз, кабанов, медведей, пантачей оленей и изюбров, на хищников. Но трофеем номер один всегда оставался тигр.

Мой отец рос в те годы, когда тигры являлись непримиримыми врагами животноводства. Давили не только лошадей и

олений, но и коров, свиней, собак. Пятнадцатилетним юношей Юрий с братом Александром убили тигрицу, стащившую с коня и рвавшую на снегу их любимого «дядьку» богатыря Платона Федорова. Все это, несомненно, породило особую страсть к охоте на тигров. В конце концов он сам угодил в лапы разъяренной тигрицы, когда в последний момент его спас младший сын Юрий.

В 1944 году в Харбине вышла его книга «Полвека охоты на тигров», куда вошла целая серия рассказов из богатой приключениями жизни. Два рассказа того периода, когда отец был еще хозяином упомянутого выше полуострова Янковского, я хочу предложить читателям нашего журнала.

Жизнь Юрия Михайловича оборвалась трагично. После войны с Японией он был арестован, осужден на 10 лет и этапирован в Сибирь. Наша последняя встреча состоялась в лагере на Первой речке Владивостока в мае 1947 года. Мы не смогли обняться. Я сидел в ЗУРе — зоне особого режима, и мы сумели только пожать друг другу руки сквозь ячейки провололочной ограды. А позднее, по несповедимой карточной судьбине, отец встретился в сибирском этапе и два дня просидел рядом на нарах с младшим сыном Юрием, которого везли в Казахстан. Тем «самым маленьким» сыном, который за несколько лет до этого пристрелил подмывшую отца

Юрий Михайлович Янковский и его младший сын Юрий.

тигрицу. Многие из жизни нашей, некогда большой дружной семьи успели они вспомнить за эти два дня...

Мы с женой, освободившись, переписывались и ждали отца в Магадане. В Тайшет, только что отбыв свой десятилетний срок, поджидала, чтобы ехать вместе, его племянница, дочь убитого террористом в Шанхае младшего брата Павла. Сохранились его письма из лагеря, очень спокойные, философские письма.

Он сообщал, что последние пять лет работает в зоне дворником, пишет свои воспоминания о Приморье, Корее, Америке. Получает за работу пять рублей в месяц (по теперешнему 50 копеек), но что этого на бумагу и карандаши ему хватает. Я перевел ему триста «тех» рублей. Он благодарил, сказал, что теперь «богат как Крз»...

Отец не дожидаясь до освобождения какие-то недели, может быть, дни. Простудился и умер в лагере в мае 1956 года. Последний его адрес на конвертах: «Иркутская область, Чунский район, п/о Соновка, п/я 90/2-237». Это где-то на дороге Тайшет — Братск.

Мне не довелось поклониться его могиле. Лагерные кладбища давно, как правило, сровняли с землей.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ*

Надо сказать, что хотя барс и намного меньше тигра, охота на него считается не менее опасной. Барса считают более свирепым, кроме того, он легко лазает на деревья и часто бросается на свою жертву с дерева или со скалы. Я знаю много случаев нападения барса на охотника. Правда, почти все они произошли или при слишком интенсивном его преследовании по глубокому следу, когда хищник не в состоянии уйти от человека или когда голодный нападает в поисках питания. Мой отец, старый и опытный охотник, также всегда был в этом уверен и, будучи для меня авторитетом, однажды чуть не помог мне... попасть в когти барса. Как видно, во всех правилах бывают исключения.

Это случилось 2 февраля 1900 года, когда мы жили в имении Сидеми на полуострове Янковского. Я был уже приличным охотником, много раз गया по следам за барсом, но не толь-

ко убить, даже увидеть его в лесу не удавалось. Этот зверь не только крайне осторожен и хитер, обладает поразительным слухом и зрением, но и неплохим чутьем. Днем он бродит избегает и проводит время в малодоступных скалах или в густой чаще, откуда выходит на охоту по ночам. Ходит он, как все кошки, совершенно неслышно ступая своими бархатными лапами, а поэтому охота за ним становится особенно трудной и рискованной.

Бросается он на свою жертву, как и тигр, со страшным ревом, одновременно и этим подавляя ее. И гипнотизирует. Мне довелось проверить это на практике, но, конечно, гипноз этот действует больше на животных.

Стояло чудесное февральское утро. Ночью выпал снежок вершка два глубины — обстоятельство, при котором зверового охотника можно удержать дома только «на веревке», если есть какая-то возможность пойти в лес по свежей пороше...

Оседлав моего неразлучного спутника, полукровного араба Ляльку, выезженного и приученного для охоты, я вооружился маузером (в то время я уже охотился с ним, изменив своей старой, связанной шпагатом берданке), взял бинокль и поехал верст за шесть от дома на лесосеку, где в то время шла заготовка дров.

Осмотрев заготовку, отправился поохотиться на коз, но, не успев отъехать и полверсты, наткнулся на утренний след крупного барса. След вел в сильную чащу, мало надежды было увидеть зверя, но, придерживаясь принципа не пропускать ни единого случая испытать счастья выследить тигра или барса, я отправился по следу. След был совсем свежий, была надежда, что зверь не успел далеко уйти.

Я ехал с большой осторожностью и скоро обнаружил, что барс скрадывал пасущихся коз. Он шел по их следу, прячась за деревьями и подолгу лежал, наблюдая, как они пасутся. Хотя снег был мягкий, обилие сухих веток мешало хищнику быстро подобраться к своим жертвам. Местами на лежках снег был протаян до земли и, судя по тому, что на следу была заметна свежая грязь, можно было предположить, что зверь оставался здесь когда солнце уже растопило ночную мерзлоту. Так по свежему снегу для опытного охотника раскрывается книга тайги, и он может прочесть все детали происшедшего в его отсутствие. Поэтому-то для меня самая любимая охота по свежей пороше.

Было уже около двух часов. Судя по тому, что барс охотился днем, он был голоден. Нужно было это учитывать, но чаща была настолько густой, что если зверь устроит засаду, увидеть его своевременно было бы невозможно. Наконец, по следам стало ясно, что козы, почуяв врага, удрали. Обескураженный барс влез на кривую липу, полежал там, подсушил пятки и побрел дальше. Проехав с полверсты, я заметил, что след вывел меня из старого леса к опушке высокой, почти голой горы Шестисотенная и по оврагу «Барсовый распадок» повел в гору.

Рисунки Б. Игнатьева

* Из книги: Янковский Ю. М. Полвека охоты на тигров. Харбин, 1944.

Маузер все время лежал у меня на коленях поперек седла, курок был взведен и я был начеку: будучи одиноким, я не мог в случае нападения рассчитывать на чью-либо помощь.

Лялька у меня был выезжен для охоты, я часто стрелял с него, особенно по фазанам, иногда и по козам. Солнопек, по которому барс пошел в гору, был заросшим травой и присыпан снегом. И хотя я знал, что хищник был здесь недавно, может быть, около часа назад, все же никак не ждал его увидеть по эту сторону горы.

Я достиг уже половины подъема, как неожиданно впереди открылась небольшая впадина диаметром сажени в двадцать, густо поросшая полынью. След уходил прямо в нее. Со слов отца я знал старое правило: в таких случаях густую заросль нужно объехать вокруг и убедиться, прошел ли хищник дальше или пребывает в столь уютном месте.

Держа винтовку наготове, я двинулся влево вдоль кромки зарослей. Проехал половину круга и почему-то решил не ехать дальше, а пересечь эту заросль. Но не успел сделать и пяти шагов, как внезапно увидел барса,

устраившего мне засаду! Барс, ожидая меня, лежал в кустах полыни, в семи шагах от лошади. Я увидел его в тот момент, когда он приподнялся и сделал стойку, прижав назад уши. Глаза его горели, взгляд встретился с моим. Но его положение было выигрышным.

Он был готов к прыжку, но почему-то медлил. Думаю, что это произошло от того, что цель — человек, соединенный с лошадью, — была для него необычна и он, гипнотизируя нас с Лялькой, как видно, взвешивал прыжок. На мое несчастье он находился всего на расстоянии короткого прыжка и, главное, справа от лошади. Благодаря этому мне пришлось бы, не повернув лошади, стрелять с левой руки, а я не очень владею этим приемом. Кроме того, в момент выстрела Лялька мог рвануть в сторону, а неверный выстрел только ранил бы зверя, сделал бы его еще более опасным.

Держа маузер в руках и не спуская со зверя глаз, я решил соскочить на левую сторону, за передние лопатки лошади, с тем чтобы при прыжке меня частично прикрывал Лялька, но чтобы при броске он не смог бы сбить меня

с ног. В момент, когда я коснулся ногами земли, барс сделал еще один шаг вперед и вновь замер в стойке. Он был необычайно красив в этот момент: глаза продолжали гореть, уши были плотно прижаты к затылку. Прошло сорок три года, но и сейчас, закрыв глаза, я ясно представляю себе эту картину.

Вскинувшись, я взял ощеренную голову на мушку и в этот момент вздохнул спокойно, подумав: «Ну, теперь ты уже проиграл!».

И спустил курок. Пуля попала под правый глаз зверя и он рухнул, не дрогнув. В момент выстрела я отпустил повод лошади, чтобы она неожиданно не дернула и не испортила выстрела, но Лялька продолжал стоять как вкопанный, — как видно настолько был силен гипноз хищника.

На всякий случай я пустил еще одну пулю в пятнистую шею и уже тогда подошел к нему. Это был великолепный самец предельных размеров.

Прискакав домой, я запряг сани, и к вечеру мой роскошный трофей — оранжевый в черных колечках барс уже красовался на веранде усадьбы.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С МЕДВЕДЕМ

Это произошло давно — в 1920 году, в Приморье, на полуострове Янковского. У меня в имении под оленей был выгорожен огромный парк, площадью в пять тысяч акров земли. На половину эта площадь была покрыта густым лесом. Внутри возвышались горы высотой более 700 футов, многие со скалами, и пересекались глубокими падами с горными ручьями, не замерзавшими в зимнюю стужу. С юго-восточной части парк выходил к незамерзающему Японскому морю, а с трех сторон был обнесен оцинкованной проволочной сеткой в 10 футов высотой, протяженностью в двенадцать верст. Проволочная сеть с обоих концов у моря заканчивалась в неприступных скалах. Вдоль всей ограды, по обе стороны сетки, пересекая хребты, была прорублена просека шириной в 50 саженей, трава на которой скашивалась за лето несколько раз, чтобы охраняющие парк сторожа могли следить за приближающимися к сетке барсами, медведями и главными врагами оленей — браконьерами, война с которыми не прерывалась ни днем, ни ночью. В парке паслось на свободе до трех тысяч оленей, причем стоимость срезанной оленьей головы с пантами оценивалась от 500 до 1000 рублей (золотом) — суммой по мирному времени

крупной. На одну такую голову можно было безбедно существовать целый год.

Конечно, для сторожей и для меня, их ближайшего руководителя и вдохновителя, браконьеры, вооруженные прекрасными нарезными ружьями, опытные таежники и стрелки, были самыми настойчивыми и опасными противниками, но борьба с ними я посвящал отдельную главу.

Вдоль сетки, на всех холмах и перевалах было построено шесть сторожевых блокгаузов. Вдоль всей линии был проведен телефон, непосредственно соединенный с моей квартирой в имении. Кроме того, четыре сторожевых домика высились на главных высотах среди парка, и, таким образом, каждый выстрел, произведенный в любой долине, всегда мог быть кем-то услышан. Скрываться же тому хищнику, который под покровом ночи или тумана (а туманы в Приморье длятся иногда неделями) уже проскользнул внутрь парка незамеченным, было легко благодаря густой чаще летом, особенно в высоких полутропических папоротниках и травах. На помощь им приходили и расселины скал.

Все же барсы и медведи забивались в заповедник довольно редко,

и каждый такой случай был подлинным событием: сейчас же устраивались охоты, а если позволяли условия, то и облавы, и с неизменным успехом. Облавы также устраивались в тех случаях, когда в парке обнаруживалось присутствие браконьера.

Лето 1920 года было неблагоприятным в смысле урожая лесных фруктов и орехов как для Приморья, так и для соседней Маньчжурии. А в таких случаях все обитатели тайги шли в поисках корма в соседние леса, иные собираясь крупными стадами. Так как, я думаю, не все читатели знакомы с этим явлением, позволю себе несколько отклониться от основной темы моего рассказа.

У старожилов Сибири и Приморья, особенно у охотников, есть специальное выражение — ходовой зверь. Так как в моих рассказах это выражение будет часто повторяться, я его несколько разъясню. Иногда это движение бывает стихийным, и животные передвигаются на многие сотни верст. Они идут в одном направлении, причем общее число зверей достигает многих тысяч голов. Причины такого переселения бывают разные, но по большей части они вызваны поиском более обильных кормов. За травоядными тянутся и хищники. Если охотник учтет это обстоятельство, успех обеспечен.

В описываемую осень 1920 года ходовой медведь шел из Маньчжурии в огромном количестве и, начиная с конца лета, в наш парк забралось несколько мишек. Барс или медведь не могут, конечно, перепрыгнуть десятифунтовую, туго натянутую сетку,

поэтому по столбам взбираются до ее верха и таким же способом спускаются внутрь огады. Однако медведю трудно поймать шустрого оленя, поэтому большинство, побродив день-другой по парку, уходило восвояси.

Но в начале октября, когда листья опали и есть в тайге было нечего, один из таких «гостей» под вечер перелез в парк и отправился на разведку. Его заметил один из сторожей — Митюков, но выстрелить не успел. Медведь быстро скрылся в чаще парка. Сторож сообщил о «визитере» мне по телефону. Надо сказать, что Митюков занимал положение старшего сторожа не потому, что отличался особой храбростью или лихостью, что непременно требовалось в этом деле. Просто он служил у нас уже 33 года, был очень предан и пользовался моим полным доверием. Он попал к нам с острова Сахалина, где отбывал воинскую повинность. Предпочитал жить в лесу, и в имение приходил только для того, чтобы записаться продуктами и помыться в бане. Я часто брал его с собой на охоту и подробно останавливался на нем потому, что он не раз будет фигурировать в моих рассказах.

Итак, медведь преодолел ограду в Семивершинной пади через Барсовый распад, что по прямому пути от усадьбы через горы составляло версты четыре. Когда мы оседлали лошадей и тронулись в путь, время уже было под вечер. Со мной поехали две мои дочери, постоянные спутницы в тех случаях, когда охота длилась день-два, не больше. Старшей, Ивушке, было 13 лет, Виктория была на год моложе. У обеих были прекрасные лошадки-пони: у Ивушки «Мальчик с пальчик», полукровный араб, у Виктории — «Сорока». Обе лошадки были резвы и прекрасно выезжены, дочери на них не раз выигрывали призы на детских скачках, устраиваемых на владивостокском ипподроме. На охоте же храбрые «амазонки» не раз оказывали мне большие услуги, когда я, заведя зверя, соскакивал с лошади, бросив ее на их попечение. И уходил, успев только шепнуть, чтоб ждали, а если в срок не вернусь, искали бы там-то. Часто, промокшие и прозябшие или искушенные москитами, но всегда восторженные, с чувством выполненного долга, они находили меня лишь к вечеру. Бывали ободранными, исцарапанными, голодными, но никогда ни на что не жаловались.

На этот раз, перевалив по крутой тропинке горы, мы добрались до караульного домика, где и встретили ожидавшего Митюкова. Пройдя к огаде, на влажной земле обнаружили свежий след медведя и царапины на столбе, по которому он спустился, перемкнув через сетку.

Солнца оставалось мало, и все же мы, оставив лошадей, пробродили до темноты, так и не добившись ника-

ких успехов. Уже совсем ночью вернулись домой, поручив Митюкову с утра наблюдать за огадой и проверить вдоль нее следы, дабы убедиться — не ушел ли мишка ночью назад.

Поднялись на заре. Погода за ночь испортилась, моросил осенний дождь, было очень холодно. Охота казалась сорванной. Справившись по телефону, я получил ответ: ничего нового нет. Но только мы успели напиться чаю, как вновь раздался телефонный звонок. Запыхавшийся Митюков сообщал, что медведь вновь подходил к сетке и пробовал ее перелезть, но, почуввав приближение егеря, убежал в парк. Выстрелить Митюков не успел.

Дождь усиливался, сопровождаемый сильным ветром, но я все же решил ехать, оставив огорченных дочерей дома, так как не мог подвергнуть их риску промокнуть и простудиться. Ко мне присоединились трое любителей-охотников из числа служащих имения.

Ехать мне пришлось в плаще, что страшно связывает, особенно при быстрых движениях. Но не успели мы подняться до середины горы, как дождь перешел в густой снег, валивший крупными хлопьями. Впереди почти ничего не было видно, но я все же решил продолжать охоту.

Часа через два мы добрались до домика Митюкова, где просидели час, окончательно убедившись, что снег зарядил надолго и переждать его не удастся. Поэтому решили прибегнуть к последнему средству — рассыпаться цепью по лесу и так горами ехать к дому в надежде, что кто-нибудь случайно наткнется на зверя. Снега к тому времени уже выпало порядочно.

Мне по жребью выпало ехать в центре, по самой густой чаще. Охотники раскинулись на расстоянии версты. Поднялась метель, ветер выл в ветвях старых дубов. Погода стала по-настоящему «медвежьей». На 30—40 шагов ничего не было видно, и ориентироваться приходилось только по ветру, который дул с правой стороны. Постепенно подымаясь в гору, я неожиданно наткнулся на сильно заметный след медведя, подошедший справа. Он в общем держался намеченного мною направления, переходя от дуба к дубу, как видно, в поисках дупла, чтобы укрыться от непогоды.

Я ехал на чистокровной английской кобыле Планете, которая всю жизнь воспитывалась в конюшне и никак не реагировала на запах зверя, каковое обстоятельство в данном случае было удобно. В противном случае хруп лошади раньше времени мог предупредить зверя. Я слез с седла и вел лошадь в поводу, пробираясь очень медленно, шаг за шагом, всматриваясь между деревьями, в надежде увидеть черную тушу на белом снегу, как обычно рисовало мое воображение. Глядя на сильно занесенный след, создавалось впечатление, что

зверь прошел давно, но здравый смысл и инстинкт говорил за то, что медведь прошел здесь не более получаса назад. Снегопад продолжался с той же интенсивностью. С начала его прошло не более трех часов, а толщина снежного покрова достигла уже четверти аршина.

Наконец, проявив дозволно долго от дерева к дереву, зверь вышел на пологий холмик и стал осторожно пробираться по нему. Я продолжал напряженно всматриваться в горизонт, кстати, также очень ограниченный. Только старый или бывалый охотник может понять переживания, которые я испытывал в тот момент. Винтовку, как всегда, я держал наготове в правой руке, поминутно стряхивая с мушки и прицела мокроватый, сильно налипающий снег. Длинный плащ по-прежнему стеснял мои движения, как и Планета, которую я вел на поводу. Однако оставить лошадь я не мог, так как подвергал ее риску быть растерзанной медведем, если бы тот случайно сделал круг и наткнулся на нее. Здесь я снова вспомнил и пожалел, что со мной нет моих храбрых певодырей — моих дочерей.

Время шло, а след по-прежнему все еще был занесен хлопьями снега и продолжал подниматься по отлогому, довольно плоскому хребтику. Лес постепенно начал редеть, показывая этим близкое свое окончание, как я и предполагал, хорошо зная этот район, а хищника так нигде и не было. Справа и слева, куда удалились остальные охотники, также не было никаких признаков. «Неужели,— думал я,— медведь, поднявшись на гору и перевалив через нее, ушел куда-то в закрытое от ветра место»...

И вдруг неожиданно, как взрыв бомбы, в двух шагах передо мной подскочило что-то огромное! Снег вихрем взвился вверх, раздался страшный рев. Лошадь рванула назад, вырвав из левой руки повод, а впереди мохнатая черная туша покатила от меня, продолжая дико реветь. Но через момент мои руки уже действовали с привычно-инстинктивной быстротой. Первая пуля, пущенная с расстояния десяти шагов, свалила зверя, а когда он, поднявшись, сделал прыжок, вторая уложила его на месте.

Трофей оказался крупной самкой редкого гималайского медведя с прекрасной густой шерстью серебристого отлива.

Вскоре на выстрелы съехались остальные охотники, а через полчаса прекратился и снегопад. Осень сразу обернулась в зиму — мое самое любимое время года. Из сторожки по телефону вызвали сани, и через два часа мы уже обедали дома, а через двадцать дней гости поднимали чарки под свежие медвежьи окорока.

Однако поначалу радость удачи была сильно омрачена, — мои «коновожатые» долго не могли простить погоде, заставившей их в тот день остаться дома.

ОХОТА С ЛОВЧИМИ ПТИЦАМИ

В. ЖИВОТЧЕНКО,
специальный корреспондент журнала
«Охота и охотничье хозяйство»

Фото автора

Через все сорок дней моего пребывания в Чехословакии (в августе — сентябре 1989 г.) проходят встречи и впечатления, в той или иной мере имеющие отношение к охоте с ловчими птицами. Это связано как с моим давним интересом к данной теме, так и с благоприятным стечением обстоятельств.

Начну с начала: где взять ловчую птицу для охоты: вопрос, прямо скажем, не простой и очень актуальный как у нас, так и за рубежом. Численность всех видов хищных птиц повсеместно сокращается, большинство из них уже находится под охраной.

Вера Дострашмилова со своим ястребом-тетеревятником.

Поэтому чешские сокольники сосредоточили усилия в двух направлениях: разведение в неволе и поиск новых, перспективных для охоты видов. За последние годы самой удачной находкой сразу в обоих направлениях стала полярная сова.

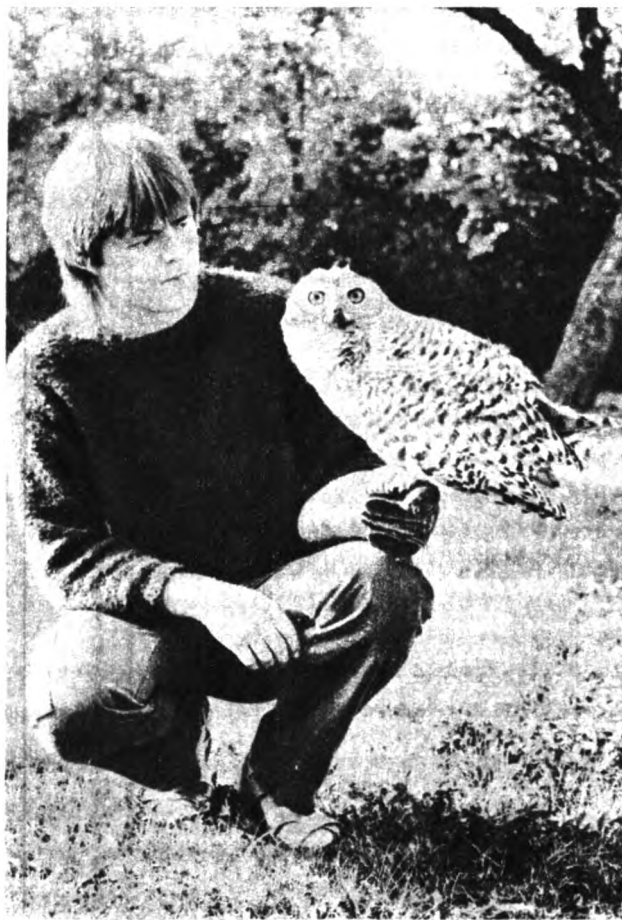
В Чехословакии эта птица встречается только в неволе, но здесь она хорошо размножается, и зоопарки охотно продавали излишки любителям, которые сами стали ее разводить в вольерах. В то же время проводились работы по использованию для охоты в качестве ловчей птицы широко распространенного в Чехословакии филина. Эта сова хорошо поддавалась обучению, но для практического использования на охоте была малопригодна, так как охотиться в сумерки и ночью. И тогда вспомнили о полярной сове, которую белые ночи на севере в процессе эволюции «приучили» охотиться днем. Яромир Шульц — один из тех энтузиастов, которые три года назад первыми нача-

ли работу по разведению полярных сов и воспитанию из них ловчих птиц. Его участие и успехи в этом деле не случайны. Большой любитель животных, он разводит в садках и вольерах много самой разнообразной живности: хомячков, песчанок, бурундуков, енотовидных собак, каменных куниц, воронов, а теперь и полярных сов. Шульц — опытный сокольник, у него большой стаж работы с ловчими птицами. Кроме полярных сов, он держит и отличного ловчего беркута. Мечтает получить самку беркута, чтобы заняться разведением и этих птиц.

Десять лет держит беркутов Йозеф Новак, руководитель объединения сокольников в округе Млада Болеслав. Обе имеющиеся у него сейчас птицы привезены из ФРГ. За три года от них получено шесть молодых.

Увлечение гибридизацией хищных

Яромир Шульц с воспитанной им полярной совой.

птиц в ЧССР прошло, и даже ставится вопрос о запрещении скрещивания. Это диктуется прежде всего соображениями сохранения генетической чистоты редких видов и подвидов как в природных популяциях, так и их поголовья в неволе. Ведь случаи, когда во время охоты теряют ловчую птицу, не столь уж редки. Если улетает гибрид, сохраняющий способность к размножению, то, образовав пару с вольной птицей, он и его потомство могут нанести существенный ущерб чистоте генофонда популяции редкого вида. Из-за широко практиковавшейся ранее гибридизации стало трудно подбирать пары для размножения и из разводимых в неволе птиц. К тому же выяснилось, что гибриды хотя и бывают крупнее исходных форм и имеют оригинальный внешний вид, охотничьи качества иногда снижаются. Словом, сейчас вновь ценятся чистокровные птицы.

Крупный государственный питомник хищных птиц находится в Брно. Стоимость выращенного здесь балобана достигает 20 тыс. крон (10 крон=1 руб.). Для большинства охотников это слишком дорого. Организации эти имеют для приобретения птиц значительно больше возможностей.

Поэтому и неудивительно, что большинство ловчих птиц, особенно редких видов, в Чехославии — собственность клуба сокольников. Член клуба может получить птицу на время для обучения, охоты или разведения.

Северочешский зоопарк в г. Либерец специализируется на содержании и разведении редких видов животных, в том числе и хищных птиц, которых здесь около 80 особей 27 видов. Секцией хищных птиц в зоопарке заведует Милан Страка — один из немногих профессиональных сокольников в ЧССР, большой знаток и энтузиаст этого дела. Вместе с ним работает и его сестра Ева, воспитывающая беркута. Помимо птиц в экспозиционных вольерах, в зоопарке есть дворик, где содержат ловчих птиц. Встретить на дорожках зоопарка сокольника с ловчей птицей на перчатке — довольно обычное дело. Демонстрируя посетителям выучку и одновременно тренируя птицу, ее заставляют перелетать, например, с лавочки на руку или вообще пускают полетать. Такие представления привлекают посетителей и в то же время пропагандируют охоту с ловчими птицами.

В 1985 г. Милан Страка организовал здесь кружок молодых сокольников. За пять лет кружок разросся с 3 до 14 человек, среди них — 4 девушки, 3 из которых уже сдали экзамен на право охоты с ловчей птицей. К экзамену допускают лиц, достигших 18 лет и вступивших в общество охотников. Кружок — единственное место, где можно получить птицу в 14—15 лет. Ребята и полноправные члены клуба сокольников чуть ли не каждый день приходят после учебы или работы в зоопарк, чтобы

Перед охотой у охотничьего домика. На переднем плане — беркут.

покормить своих воспитанников и «полетать» — дать птице размять крылья. Занимаются с птицами на окраине города, в 1,5—2 км от зоопарка. На тренировке я видел великолепно обученных белоплечих орланов, канюков и пустельг — птиц нетрадиционно ловчих, для охоты не используемых. Таким образом, птиц обучают не только для охоты, а и с чисто спортивной целью. Для меня это было неожиданностью.

Каждый год в вольерах Либерецкого зоопарка размножаются беркуты и белоплечие орланы. Молодых птиц получают охотники, которые воспитывают из них ловчих. Беркута, например, обычно используют для охоты с года до 5—7 лет. Затем, если удастся сформировать пары, от них стараются получить потомство. С размножающимися птицами не охотятся.

Вместе с сокольниками из г. Либерец я принял участие в охоте с ловчими птицами. Всего в клубе сокольников Чехии более 400 членов. По территориально-административному принципу они разбиты на 14 окружных объединений. Либерецкие охотники входят в округ с центром в г. Млада Болеслав, в окрестностях которого мы и охотились в выходные дни 2—3 сентября 1989 г. Это было открытие сезона. Все сокольники округа заблаговременно получили приглашение с указанием места и сроков охоты.

Дело в том, что своих, закрепленных за клубом угодий сокольники не имеют. Охотятся с ловчими птицами по договоренности в охотничьих угодьях первичных охотколлективов. Меня несколько удивило, что хотя добытая сокольниками дичь учитывается при под-

счете общего числа охотничьих животных, разрешенных для добычи на данной территории, никакой компенсации охотколлектив не получает. Меня заверили, что при этом нет никаких финансовых расчетов. Только дружеское участие, хорошие отношения.

Нас принимал охотколлектив деревни Битоухов. Из 36 охотколлективов округа у битоуховцев самые маленькие угодья — всего 940 га, правда, и коллектив небольшой — 17 охотников. Сокольников среди них нет вообще. Основной объект охоты косуля. При численности весной 60—80 голов добывается около 40 особей. Фазанов для выпуска в угодья не разводят и поэтому отстреливают только через год по 100—130 птиц. Охота на зайцев была закрыта с 1984 г. на 5 лет и добывали этого зверька только с ловчими птицами.

В охоте принимали участие 37 человек: 15 членов клуба сокольников (с птицами было только 10 из них), 7 членов охотколлектива, в угодьях которого мы охотились, 15 любителей природы, не имевших, казалось бы, прямого отношения к этому событию. Надо отметить, народу довольно много, тем более учитывая пасмурную погоду. Из 10 привезенных ловчих птиц пять беркутов, два ястреба-тетеревятника, два балобана и пустельга. Из пяти собак: шотландский сеттер, лабрадор, бретонский эпаньель, бассет и бультерьер (двух последних с поводка не спустили). Ружье было только у председателя охотколлектива Ярослава Бенеша, как он объяснил, «на случай встречи вредителя». У одного из молодых участников был наш «Фотоснайпер». С фотоаппаратурой, кроме меня, было еще два чешских фотографа-профессионала.

Большинство участников приехали на легковых автомобилях. Ловчих птиц везли в багажниках автомобилей, специально для этого не оборудованных, или в салоне. Так, в «Жигулях» Милана Страка из г. Либерец приехало пять человек с пятью ловчими птицами и двумя собаками; один беркут находился в багажнике, два беркута, ястреб-тетеревятник, пустельга и две собаки — в салоне. Птиц в салоне всю дорогу держали на перчатках.

Участники охоты собрались во второй половине дня у Ромовой дачи — деревянного охотничьего дома сразу за деревней, у заросшего тростником и лилиями пруда. Устроив птицу или собаку, каждый из вновь прибывших заходил в дом и возвращался с кружкой пива. За длинным деревянным столом, вкопанным между домом и прудом, шла оживленная беседа. На пенечке у крыльца Ярослав Бенеш препарировал голову самца косули, отстрелянного с утра на гуляш для участников охоты.

Около 16 ч, когда наконец прибыли все приглашенные (а возможно, просто подошло время), собравшиеся выступили дружною толпой и в сопровождении вездесущих мальчишек

прошли через деревню. На ее окраине состоялась церемония открытия охоты. Сокольники с птицами отделились от толпы и выстроились в шеренгу, напротив встали руководитель сокольников Йозеф Новак со своим беркутом и председатель охотколлектива Ярослав Бенеш. Остальные участники оказались в роли зрителей. После краткой напутственной речи Ярослава Бенеша сокольники что-то дружно прокричали — и началась собственно охота.

Все участники двинулись прочесывать местность, растянувшись цепью. В одной шеренге, без особой системы, через неравные промежутки, шли охотники с птицами, с собаками и просто загонщики.

Охотничьи угодья представляли собой чередование только что убранных и уже перепашанных полей, посадки кормовой свеклы и кукурузы, в общем обычные сельскохозяйственные угодья на слегка холмистой местности.

Когда кто-нибудь подымал зайца, ближайший к нему сокольник с предупреждающим криком «Орел», пускал беркута. Если вылетал фазан, то пускали ястреба. Чаще всего работали одни и те же птицы — беркуты Милана Страки и Йозефа Новака, ястреб Веры Дострашиловой. Пока пущенная птица не вернется на руку, движение всей шеренги приостанавливалось, иногда надолго. Возможно, поэтому и не пускали хуже обученных птиц. Два раза задержки происходили из-за молодого беркута Евы. Некоторые участки, где была особенно велика вероятность поднять фазана, сокольники с ястребами и соколами прочесывали отдельно с собаками. Всего подняли около десятка зайцев и четырех фазанов. Это была первая охота, птицы работали плохо. Все же в конце дня, когда я уже мало верил в успех, беркут Милана поймал зайца. Это и был наш единственный трофей.

Во время возвращения к Ромовой даче я поинтересовался, сколько же и чего добывает сокольник за охотничий сезон. Отличившийся в предыдущий сезон охоты Милан Страка перечислил: 60 зайцев, 4 кошки, лисица, 4 фазана и утка. Йозеф Новак добыл 5 косуль, 20 зайцев, 3 кошки. Интересно, что бездомные кошки в Чехославии для сокольника считаются вполне престижной добычей.

По возвращению нас ждал отменный гуляш. Листья дуба на столе, рога на стенах, всеобщее оживление... Все это создавало атмосферу праздника, но не пышного торжества, а домашнего, уютного. Только тут, за разговорами, выяснилось, что я работаю в редакции журнала советских охотников. Начались взаимные рассказы. Чешские сокольники хотели бы приехать со своими птицами к нам и готовы принять советских охотников. Интерес к нашей стране большой, и мы еще долго сидели у костра за кружкой пива по чешскому обычаю.

МИР. В Арктике в настоящее время насчитывается от 20 до 40 тыс. белых медведей, причем около одной третьей части популяции сосредоточено вокруг Гудзонова залива. В процессе многолетних исследований помечено почти 40 % обитающих здесь зверей, что позволяет получать ценную информацию об их образе жизни.

ЕВРОПА. Горный козел, некогда широко распространенный в некоторых регионах Европы, в XVIII—XIX вв. был истреблен или сильно сокращен в численности. В начале XX в. приступили к разведению этого вида в неволе и его расселению. В настоящее время размеры популяции горного козла превышают 20 тыс. особей, из них на Швейцарию приходится 12,5 тыс., Италии — 6,7 тыс., Австрии — 1,5—2,0 тыс., Франции — 1,9 тыс., ФРГ и ГДР — 0,4 тыс., Югославию — 0,1 тыс. Во Франции осуществляется специальная программа по изучению и восстановлению численности горного козла.

ГДР. В 1982—1987 гг. запасы кряквы в стране колебались от 116 500 до 135 000 особей, отстрел — от 27 000 до 33 000, красноголового нырка соответственно 2150—4500 (добыча 100—380), серого гуся 6800—18 000 (1200—1800), лысухи 52 000—56 600 (3000—5000), серой цапли 8800—12 100 (930—1200), лебедя-шипуна 7000—10 800 (15—50). Ресурсы речных уток используются в среднем на 40 %, нырковых — на 20—25 %, без ущерба для воспроизводства.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В начале XX в. в Чехии ежегодно отстреливали более 1,5 тыс. глухарей; численность снижалась до 1981 г., когда охота на эту птицу была запрещена. В 1887—1901 г. на Шумаве насчитывалось 550—750 глухарей (в том числе 60—100 токующих петухов), в 1984 г. — всего 10, из них три петуха. Причины этого явления, помимо чрезмерного отстрела токующих самцов, — распространение монокультуры сосны, применение пестицидов, уменьшение запасов естественных кормов, влияние хищников и болезней.

ФИНЛЯНДИЯ. В оз. Сайма сохранился эндемичный вид тюленей — сайменская нерпа. В настоящее время в популяции насчитывается 150—160 особей. На благополучие популяции и особенно на выживаемость новорожденных отрицательно влияют колебания уровня воды в зимнее время. Обсуждаются меры по спасению сайменской нерпы.

НОРВЕГИЯ. На северо-западном побережье Шпицбергена дважды (в 1973 и 1978 гг.) проводили учет гнездящихся морских птиц. Зарегистрировано 5—10 тыс. гнездовых пар глупышей, 15—20 тыс. пар моевок, 2—3 тыс. пар полярных крачек, 1,5—2,0 тыс. пар атлантических чистиков, 1—2 млн пар лерков, 140 тыс. толстоклювых кайр, 3,5 тыс. туликов, а также некоторое количество больших и короткохвостых поморников, бургомистров, тонкоклювых кайр.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Королевское общество охраны птиц Великобритании было создано в 1889 г. За 100 лет существования оно выполнило обширную и разнообразную работу по охране и изучению орнитофауны. В обществе состоит 500 тыс. членов (ежегодный оборот 13 млн ф. ст.). В его ведении находится 114 природных резерватов общей площадью около 72 тыс. га (0,3 % территории страны). Выделяются целевые средства на спасение особо угрожаемых видов птиц.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА. Современная численность канадского бобра на континенте оценивается в 6—12 млн особей. Это лишь небольшая часть бывшей популяции. Несмотря на это, бобры продолжают оказывать сильное влияние на водные экосистемы.

КАНАДА. Лесной бизон когда-то был многочисленным видом Канады. Однако его численность за 1800—1900-е гг. сократилась примерно со 168 000 до 250 особей. Запрет добычи вида в стране приходится на 1877—1893 гг. В 1922 г. был организован национальный парк Вуд-Баффало, где в 1925—1928 гг. интродуцировали 6673 равнинных бизона. Вследствие этого большая часть сохранившихся лесных бизонов подверглась гибридизации. Вид считается исчезающим, однако в 1957 г. в национальном парке обнаружено небольшое стадо лесных бизонов, которое использовано для расселения в другие регионы. В настоящее время в бизоньем резервате Маккензи 1718 животных, в национальном парке Эли-Айленд — 250. Небольшие вторичные популяции лесного бизона имеются на севере Альберты, в центральной Манитобе, в южном Юконе. В большинстве мест, за исключением Британской Колумбии, он имеет статус редкого угрожаемого вида и тщательно охраняется.

НЕПАЛ. В 1972 г. добыча кабарги в Непале была запрещена. Она была внесена в Красную книгу МСОП. Однако истребление кабарги и торговля продукцией кабарожьего промысла продолжают. С 1973 г. Япония ежегодно закупает в Непале в среднем по 200 кг кабарожьей струи (по 50 тыс. долл. за 1 кг), для чего требуется уничтожение 30 тыс. животных (на каждой стороне Гималаев может обитать не более 200 тыс. кабарожек). Мускус ввозится в Японию также из Индии и Гонконга.

АФРИКА. В 21 стране континента обитает (по различным оценкам) от 150 до 230 тыс. шимпанзе, причем большая часть их сосредоточена в лесах Габона и Заира. Численность шимпанзе уменьшается вследствие разрушений их местобитаний при вырубке лесов, распахивании земель и добыче минерального сырья. Возможно, отрицательно сказывается и постоянный отлов некоторого количества животных для биомедицинских целей. Некоторые ученые предлагают объявить шимпанзе редким «угрожаемым» видом.

Е. КУЧЕРОВ,
доктор биологических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки БССР

В 1989 г. исполнилось бы 90 лет известному зоологу, доктору биологических наук Сергею Васильевичу Кирикову. Он принадлежал к славной плеяде ученых, внесших большой вклад в изучение животного мира нашей страны.

Еще во время учебы на лесном факультете Горьцкого сельскохозяйственного института (ныне Белорусская сельскохозяйственная академия) С. В. Кириков под руководством профессора А. В. Федюнина выполнил дипломную работу «Птицы Дорогобужского уезда Смоленской губернии». После окончания института он около двух лет работал в лесничествах Белоруссии и Башкирии, где изучал жизнь охотничьих животных. Затем работал в Березинском заповеднике и в Аскании-Нова, а также в зоологическом отряде экспедиции Полесмелиозема.

В 1931 г. он поступил в аспирантуру Московского пушно-мехового института по специальности «Биология промысловых зверей и птиц». Аспирантская подготовка проходила на биологическом факультете Московского университета под руководством профессора А. Н. Формозова.

После окончания аспирантуры С. В. Кириков работал ассистентом в том же институте, а затем перешел на работу в Башкирский заповедник, где заведовал научной частью в 1937—1945 гг. В это время им выполнены интересные исследования по фауне позвоночных животных Предуралья и Зауралья, по изучению биологии южно-уральского глухаря, белки и других животных. Результаты многочисленных исследований послужили материалом для докторской диссертации «Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала», которую он успешно защитил в 1947 г.

После защиты докторской диссертации по приглашению профессора А. Н. Формозова Сергей Васильевич стал работать в Институте географии АН СССР, где его исследования были направлены на изучение прошлого распространения и численности позвоночных животных, главным образом охотничье-промысловых. В одном из своих писем ко мне он писал: «Нередко бывали дни, когда я шел в Архив древних актов или в

С. В. Кириков (1899—1984 гг.).

Военно-исторический архив с такой же горячей охотой, как и на глухариные тока». Итогом исследований тех лет было опубликование ряда монографий по историческому изменению животного мира в природных зонах СССР (лесостепь, степь, лесная зона, лесотундра и другие). За эти работы С. В. Кирикову была присуждена премия Московского общества испытателей природы. Его исследования по биологии тетеревиных птиц, о значении географической изменчивости и полиморфизме, об изменчивости и устойчивости некоторых черт строения (признаков) в историческом аспекте до сих пор являются непревзойденными.

Большая заслуга С. В. Кирикова — разработанная им совместно с Е. М. Левренко, В. Г. Гептнером, А. Н. Формозовым перспективная сеть заповедников СССР (1958).

Известны труды ученого по методике учета куриных птиц и другим методическим вопросам.

Всю свою жизнь он посвятил изучению охотничье-промысловых зверей и птиц Южного Урала.

Уже будучи тяжелобольным, незадолго до кончины, он писал мне: «Сияет солнце, чернеют горы Шайтан-тау, освобождаюсь от снега. А мне безмерно жаль того, что я любил на земле» (16.03.1984). «...Болезни осиливают меня. Не все я выполнил, что мог сделать. Горе и болезни скрутили...» (30.06.1984).

Не дожив двух месяцев до своего 85-летия, 27 июля 1984 г. С. В. Кириков скончался.

Скорейшая организация биосферного лесостепного заповедника Шайтан-тау будет достойной памятью большому зоологу нашей страны.

ПРАВОВАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ИНСПЕКТОРА

В редакцию журнала пришло письмо от жителя г. Альметьевска Татарской АССР, общественного охотинспектора М. М. Ошкина. В нем он просит разъяснить правовую защищенность общественных охотинспекторов в борьбе с браконьерством.

На вопрос отвечает начальник отдела прокуратуры Московской области старший советник юстиции Н. П. Астафьев.

Среди организаций, ведущих борьбу с браконьерством, общественная охотинспекция занимает не последнее место. Многие инспектора за свою принципиальность, добросовестное исполнение общественного долга пользуются заслуженным уважением у охотников.

Быть общественным охотинспектором нелегко и даже опасно, в связи с чем большое значение имеет их правовая защищенность.

В ст. 194 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статьях других союзных республик предусмотрена уголовная ответственность, вплоть до трех лет лишения свободы за нанесение побоев человеку, участвующему в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка, к которым относится и браконьерство. Даже за угрозу убийства, нанесения тяжких телесных повреждений или уничтожения имущества путем поджога предусмотрена уголовная ответственность до одного года лишения свободы.

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

ПРОФЕССИЯ — ЕГЕРЬ

Наши юные читатели в письмах просят сообщить, какие учебные заведения надо закончить, чтобы получить профессию егеря и охотника-промысловика.

Редакция связалась с министерствами и управлениями народного образования и выяснила, что до недавнего времени не было учебных заведений, которые бы готовили рабочих по этим специальностям. В 1986—1987 гг. Всесоюзный научно-методический центр профессионально-технического обучения молодежи подготовил учебные планы и программы для подготовки квалифицированных рабочих в профессионально-технических училищах по профессии — егерь, водитель транспортных средств категории «А» и охотник промысловый.

На вопросы читателей отвечает консультант редакции по отделу собаководства И. Б. Соловьев.

Как выбрать щенка из помета? Где покупают щенков? Сообщите, пожалуйста, адреса питомников охотничьих собак.

К. ВОРОБЬЕВ
Смоленская обл.

Прежде чем выбрать щенка из помета, следует убедиться в том, что этот помет плановый, то есть щенки будут иметь свидетельства о происхождении. Только тогда у охотника будет гарантия, что он приобретает породистую собаку. Дело в том, что в большинстве регионов страны разрешена охота с собаками, имеющими документы о происхождении. Поэтому собак охотничьих пород следует приобретать только у частных владельцев через секции собаководства районных, областных, краевых или республиканских обществ охотников, а не на рынках и не у случайных знакомых. Щенков, на которых выдают справки о происхождении, перед их раздачей осматривают специалисты данной породы. Это практически исключает наличие в помете беспородных, порочных и недоразвитых щенков. В месячном возрасте собачка должна быть подвижной, то есть крепко держаться на ногах, иметь хороший аппетит и быть приученной к правильному кормлению после отъема от суки, быть ухоженной и в хорошей кондиции.

Приобретая щенка, нужно не забывать, что будущее вашей собаки на 90 % зависит от его последующего кормления, содержания и разумного моциона.

Сообщаем адреса питомников охотничьих собак. Иркутский питомник восточно-сибирских лаек подчинен Иркутскому тресту кооперопромхозов Росгласкоопшны: 664000, г. Иркутск, ул. Свердлова, д. 28; Магаданский питомник западно-сибирских лаек подчинен Магаданскому областному обществу охотников: 685017, г. Магадан, ул. Верхняя, д. 9а; Новосибирский питомник западно-сибирских лаек подчинен Производственному объединению «Новосибирскхот»: 632011, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 18, Дом Советов; опытный питомник русско-европейских, западно-сибирских и карело-финских лаек подчинен ВНИИОЗ имени проф. Б. М. Житкова: 610601, г. Киров, ул. Энгельса, д. 79; Ярославский питомник русско-европейских лаек подчинен Ярославскому облпотребсоюзу: 150000, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 24.

Многие читатели журнала, а особенно наши маленькие друзья — школьники просят рассказать, в каких учебных заведениях готовят кинологов.

В нашей стране нет учебных заведений, которые бы готовили кинологов — специалистов-профессионалов по собаководству. Многочисленные курсы кинологов, которые организованы в охотничьих обществах, клубах служебного собаководства ДОСААФ и в любительских клубах собаководства, дают только изначальные знания. Слушатели, закончив обучение на курсах, получают не специальность, а звание стажера, на основании которого после сдачи экзаменов и стажировки на ринге им впоследствии присваивают звание эксперта второй, первой, республиканской и всесоюзной категории (в зависимости от определенного стажа работы и отсуженного количества собак).

За убийство же общественного охотинспектора при исполнении им общественного долга предусмотрена высшая мера наказания — смертная казнь (ст. 102 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 7 июля 1983 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы» разъяснил, что действия работников природоохранительных органов, милиции, народных дружинников и граждан, выполняющих свой служебный долг по охране природы, направленные на пресечение общественно опасных посягательств, а также при задержании правонарушителя для пресечения такого посягательства, являются правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если ими вынужденно был причинен вред нарушителю, так как в соответствии с законодательством эти действия рассматриваются как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Рассматривая 16 января 1986 г. на своем Пленуме вопрос «О выполнении судами постановления Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 г.», «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов», Верховный Суд СССР еще раз подчеркнул, что строгому наказанию подлежат лица, совершившие посягательство на жизнь и здоровье работников охраны природы, общественных инспекторов этих служб и граждан, выполняющих общественный долг по пресечению браконьерства.

Получение общественным охотинспектором временной нетрудоспособности при выполнении общественных обязанностей приравнивается к нетрудоспособности, полученной вследствие трудового увечья, что влечет выпла-

ту пособия по временной нетрудоспособности в размере 100 %.

В случае причинения общественному охотинспектору имущественного ущерба (например, поврежден фотоаппарат) он имеет право требовать с нарушителя возмещения ущерба.

Вместе с тем не все вопросы, касающиеся деятельности общественных охотинспекторов, разрешены в законодательном порядке, хотя в этом есть необходимость, так как браконьерство становится одним из распространенных видов преступлений, наносящих большой ущерб диким животным. Не случайно в Постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» указано следственным органам и судам, чтобы они с максимальной строгостью рассматривали случаи браконьерства. Но для того, чтобы рассматривать эти случаи, браконьера надо сначала задержать. Как правило, браконьер вооружен, поэтому общественному охотинспектору приходится вступать в схватку с вооруженным нарушителем.

Как действуют работники природоохранительных органов, в том числе и общественные охотинспекторы, в этих случаях? Кто как. Ибо закона, определяющего порядок действий, нет. Вот потому нередко и гибнут лучшие люди природоохранительных органов от рук браконьеров, остерегаясь первыми применить оружие, чтобы потом за это не отвечать. Видимо, если официально признана особая опасность браконьерства для природы, то должен быть незамедлительно разработан и принят нормативный акт, определяющий порядок действий работников природоохранительных органов по задержанию вооруженных браконьеров.

Имеющий силу закона акт придаст этим работникам большую уверенность и ответственность в своих действиях.

Кидзе — Селец и Орджоникидзе — Сельхозтехника до остановки «Буйнич».

Готовит егерей и ПТУ № 106 — 452432, Башкирская АССР, Нуримановский район, пос. Павловка.

Квалифицированных рабочих по профессии охотник промысловый готовят ПТУ № 21. Его адрес: 678830, Якутская АССР, Нижне-Колымский район, пос. Черский. Телефон 9-33-91 и 9-35-13.

Красноярское краевое учебно-производственное объединение профтехобразования сообщило, что с этого года планируется начать подготовку охотников-промысловиков в ПТУ № 91: 663370, Красноярский край, Эвенкийский автономный округ, Илимский район, п. Тура; в ПТУ № 104 — 663210, Красноярский край, Таймырский автономный округ, г. Дудинка.

В Тюменской области на базе профтехучилища № 43 в 1990 г. предполагают организовать подготовку этих рабочих. Адрес училища: 626200, Тюменская обл., г. Ханты-Мансийск, ул. Ленина, д. 51. Телефон 22-54-44.

С прошлого года ПТУ № 1 г. Могилева на базе неполной средней школы начало подготовку рабочих по профессии егеря с квалификацией водителя транспортных средств категории «В» и «С». Учатся ребята три года.

В училище хорошая учебно-материальная база для подготовки по этой профессии. Занятия проходят в оснащенной по современным требованиям стрелковом тире, используются круглый и траншейный стелды, бегущий кабан. Выделены охотничьи угодья в зоне реки Друть. Для обучения по совмещенной профессии — водители категории «В» и «С» — есть автодром, все необходимые кабинеты и лаборатории.

Для внеклассной работы оборудованы дискозал, видеосалон, зал компьютерных игр и зал атлетической гимнастики. Работают секции мотоспорта, конного спорта, картинга, баги, футбола, хоккея, аэробики и так далее.

Адрес училища: 213134, г. Могилев, Могилевский район, п/о Буйнич, ПТУ № 1. Проезд автобусом № 64 Орджони-

ПОРЯДОК ДОЛЖЕН БЫТЬ ВО ВСЕМ НИЗВЕРГНУТЬ ОТЖИВШУЮ СИСТЕМУ

ЭТО
БУДЕТ
СПРАВЕДЛИВО

ОСТАЛСЯ БЫ
ВОРОБЕЙ...

Оружейная промышленность наша до сих пор так и не перестроилась. Вот уже лет 30 особых сдвигов нет, и в ближайшем будущем, наверное, не предвидится. Охотникам надо не количество моделей, а широкий ассортимент на базе нескольких моделей. Для любительской охоты — ружья калибров 12, 16, 20, для сезонников-промысловиков — гладкоствольные комбинированные 12/28, 16/32. Самый простой вариант — это подгонка двух блоков стволов к одной коробке. Наконец, давно надо бы решить выпуск одноствольного оружия, перезаряжающегося при помощи подвижного цевья Кольта.

Заводы ссылаются часто на то, что охотники сначала ругают какую-либо модель, а потом, когда ее снимут с производства, плачутся. Это не соответствует истине. Охотники, например, ругали ИЖ-54 за его угловатость, претензий же к самой системе и бою не было. Модель сняли с производства, но до сих пор ничего лучшего не предложили. Это действительно было хорошее рабочее ружье.

Теперь посмотрим, что у нас делают? Ружья Ижевского и Тульского заводов как в серийном, так и в штучном исполнении — стандарт! Тульские ружья хоть как-то отличаются (серийные от штучных), что же касается ижевских, то различий почти нет, разве что в стоимости. Охотники хотят изготовить стволы по заказу, им отказывают. А почему? Завод от этого в проигрыше не был бы, взи-

мая несколько повышенную оплату за заказ.

Наконец, не ясен вопрос с «парадоксами». Пообсуждали, подискутировали — и на этом все кончилось. А ведь для зверовых охот нужно создать такое ружье, бой которого бы позволял отстреливать зверя до 100 м. В этом есть и экономическая сторона дела, так как трудно подсчитать потери от подранков.

За рубежом давно применяют разного рода прицельные приспособления для стрельбы, у нас пока ничего нет. Давно пора ставить оптические прицелы малой кратности на гладкоствольные ружья.

Большое место — это цены и качество. Часть прибыли отчисляется государству, а остальное остается для содержания управленческо-торгового аппарата. Получив индульгенцию от государства, торговля без застенчивости грабит рядового покупателя.

Ружей в магазинах нет, а если и есть, выбор сделать не из чего. Судите сами. Был я весной в Москве, в Туле, Омске, Кокчетаве. Всего видел три вертикалки: ТОЗ-34 — 1 шт. и две ИЖ-27. У ТОЗ-34 (цена 410 руб.) плохая пригонка, у ружей ИЖ-27 у одного кривая у другого несколько кособокая прицельная планка; у обоих плохая пайка стволов; цена — 250 руб. Особое раздражение вызывает «Знак качества». Непонятно, к чему он относится: то ли непосредственно к браку, то ли к самому изделию. Все, что получше, уходит на экспорт. Кстати, а почему бы не ввозить хотя бы 15—20 % ружей иностранного производства?

В охотничьих магазинах почти никогда не бывает гильз — ни пластмассовых, ни бумажных, ни металлических. «Жевело» вообще нет. Почему бы не изготавливать пластмассовую гильзу под «Центробой»?

Сейчас происходит свертывание военной промышленности; может быть, какому-то ее отделу наладить выпуск капсюлей «Жевело»?

Не ясно, чем вызвано такое сильное удорожание патронов и дроби.

В. КУЗНЕЦОВ

с. Петровка Кокчетавской обл.

Сколько же можно терпеть? Этот вопрос несправедливый, назрел давно, немало и написано, а разговоры не умолкают. Хочу спросить союз охотников: «Дорогие товарищи, а не поторопились ли вы увеличить себе зарплату? Что, наши доходы от взносов и путевок дают вам на это право?»

В охотничьих магазинах страны товаров и снаряжения так

мало, что абсолютно нечего купить: нет пороха, «Жевело», заряженных патронов. Совсем невозможно купить резиновых чучел, а если они появляются, то надо иметь блат, чтобы их купить. Не стало стальных ершиков, да и спиральные не часты в продаже. Надоели перебои с дробью. До каких пор это будет продолжаться? Стоимость путевок давно нуждается в уточнении и пересмотре. Я понимаю, за базу с егерем, ночлегом, лодками и прочими принадлежностями не жалко отдать и 15 рублей за сезон, знаешь, что и транспорт будет цел, и в тепле, но брать с членов общества по 6 рублей за то, что он добирается на своем или общественном транспорте в уголья, где негде переночевать, это уже, простите, нонсенс! А сколько членов общества мучается, не имея возможности получить путевку в хозяйство, где есть водоемы. Люди тратят нервы в поисках путевок по другим районам и прочим организациям. Лучшие водоемы — или зона покоя, или рядовым охотникам там охотиться не дают. А ведь общества держатся на энтузиазме рядовых, они-то и должны всем этим пользоваться. Порядок должен быть во всем.

Считаю, что Росохотрыболов-союзу необходимо строго ограничить выдачу лицензий на копительных сотрудникам своих обществ и публиковать в местных газетах, кому и за что выделена лицензия. Организовать конкурс коллективов на право получения лицензий. Например, за активную охотничью охотхозяйства, за благоустройство охотбаз и так далее. Решить вопрос о цене путевок на свободные водоемы. Поставлять в охотмагазин патронажи и футляры для ружей, лодки разных модификаций.

В. КОРОТАЕВ

г. Курган

Уважаемая редакция!

Я работаю охотником-промысловиком в совхозе «Тунгусский» Туруханского района Красноярского края. Вот уже два года пытаюсь выписать для «Бурана» гусеницы и центробежный регулятор. «Буран» мне необходим как воздух, рыбу на нем вывожу, капканы проверяю. Совхоз нам ничего не дает, а план требует.

Гусеницы выписывают, но только ветеранам войны. Их у нас в поселке восемь человек, но лишь у одного «Буран». Остальные ветераны выписывают запчасти кто сыну, кто внуку, и так далее.

В этом году я достал гусеницу за 650 рублей, а стоят они 440 рублей. Мне их только на сезон хватит. В прошлом году один мой знакомый ездил в Ры-

бинск и привез десять пар гусениц и 10 центробежных регуляторов тоже с переплатой — по 500 рублей за пару и регуляторы по 50 рублей. Значит, промышленность делает гусеницы, только они уходят сразу с завода.

За пушнину достают и новые «Бураны», и гусеницы, и регуляторы. А мне пушнину надо сдавать государству.

Не пора ли сделать так, чтобы в первую очередь получали запчасти те, кому они нужны для выполнения плана.

Н. ЯКОВЛЕВ

п. Курейка Красноярского края

Дорогие товарищи!

В нашем журнале (№ 11 за 1989 г.) в разделе «Письма читателей» я прочитал письмо В. Колычева, в котором он сообщает, что в декабре 1955 г. на окраине с. Айкино Усть-Вымского района Коми АССР волк напал на девочку тринадцати лет.

Да! Действительно, случай такой был. О нем помнят многие старожилы этого села. Я про этот случай слышал неоднократно. И каждый рассказывает его по-своему. В. Колычев описывает происшедшее правильно. Только он допустил одну неточность, сказав, что девочка будто бы умерла от ран. На самом же деле она жива до сих пор. Раны оказались не смертельными: были повреждены головные связки, от чего изменился голос. Она до сих пор с трудом разговаривает.

Девочка — Н. И. Козлова — окончила Айкинскую среднюю школу, работала лаборантом в поликлинике. Потом поступила в Архангельский медицинский институт. Сейчас Н. И. Козлова живет в Ижевске и работает врачом. Несколько лет назад она приезжала в село, здесь у нее живут братья — Николай и Анатолий Козловы.

Л. ИСАКОВ,

охотовед по Усть-Вымскому району Коми АССР

Уважаемая редакция!

Благодаря статьям в журнале о курцхаарах и вашей помощи завел кобеля этой породы. Да, действительно, это универсалы в работе, хотя испытания проводятся только по перу и редко — испытания по кровяному следу кабана. Я предлагаю шире использовать эту породу, одному другому не помешает. В этом я убежден сам. На охоте на зайца курцхаар прекрасно работал. На следующий день поехал на боровую — радости моей не было границ. Красивый выстрел и сейчас стоит перед глазами.

Вношу предложение: прода-

вать охотничьих собак только охотникам. Взять продажу щенков под контроль общества. Многие держат собак для квартир, ради престижа. Так мы никогда не улучшим породы собак. Был в Москве, видел курцхаара. Вся грудь в жетонах по экстерьеру, а за работу ни одной медальки. У таких собак не будут улучшаться рабочие качества, ведь дичь они видят только по телевизору.

М. ЕФАНОВ
пос. Горноправдинск
Тюменской области

Я с большим интересом прочитал в № 11 за прошлый год статьи В. Козлова, А. Клушина, В. Степаницкого и А. Щербакова, и у меня сложилось впечатление, что В. Козлов головой хочет пробить бетонную стену, а выводы А. Клушина, В. Степаницкого и А. Щербакова — глас вопиющего в пустыне. Я от всех охотников благодарю всех авторов статей за поднятые проблемные вопросы, которые ждут незамедлительного решения, и предлагаю Центральному правлению Росохотрыболов-союза обратиться в Совет Министров СССР, Верховный Совет о принятии постановления или закона о внедрении «Перспективной модели охоты».

Раньше общества охотников, которые расселяли животных и численность их доводили до промыслового уровня, получали бесплатные лицензии. Сейчас же Главохота РСФСР бесплатных лицензий не выдает. Мы животных расселяем, кормим, сохраняем, а деньги за все это получает Главохота. Думаю, что эту нелепость необходимо срочно исправить. Государственные органы управления охотхозяйством добывают лицензионные виды пушных зверей в наших хозяйствах. Самые лучшие угодья у некоторых обществ изымают в свою пользу. Получается, у кого власти больше — тот и прав.

Приведу конкретный пример. Вокруг г. Белореченска Краснодарского края угодья государственного резервного фонда. На протяжении длительного времени охотвед района выдавал охотникам-любителям разрешения на спортивную охоту на перепела, горлицу, зайца. С 1989 г. резервный фонд объявлен заказником. Сделано это не из государственных побуждений. Районное общество охотников и рыболовов ходатайствовало о передаче резервного фонда в фонд общих угодий. Охотнадзор увидел в этом подкол под их устои и объявил резервный фонд заказником. Идем мы на охоту через эту запретную зону, с охоты — тоже через нее. Есть все условия для браконьерства!

Известно, какое значение придает социальная защищенности инвалидов и участников войны, в том числе и охотников. Одна из льгот для них была такой: давали разрешение на спортивную охоту в резервный фонд. Теперь эта категория охотников оказалась на положении больных, которым перекрыли кислород. Как это назвать: вседозволенностью или бесчеловечностью? Вот один из примеров действия административно-командной системы.

Дует свежий ветер перемен. Гласность и перестройка вскрыли всю тяжесть нашей экономики. Они не только разбудили нас, но и породили великое противостояние тех, кто живет за счет продажи права на охоту, за счет поборов с охотников. Как бы ни сопротивлялась отжившая административная система, она будет низвергнута.

П. БОКЛАГОВ,
член бюро охотников
и рыболовов Белореченского
железнодорожного узла
Краснодарского края

При проведении авиаучетных работ и авиапатрулировании на вертолете МИ-8 делаем до-заправку на аэродроме в г. Кизляре. Каждый раз после заправки машины и запуска двигателя из сильно разреженных зарослей камыша (площадь до 0,5 км²), где пасется скот и бегают собаки, не боясь стоящих рядом людей, появляется самец кавказского фазана.

Когда вертолет с включенными двигателями отходит от заправки на взлетную площадку, фазан бежит за ним по полю. При взлете машины птица поднимается и затем вновь опускается в заросли камыша, а иногда туда убегает. Вот уже третий год мы наблюдаем за этим фазаном. Последний раз мы его видели 14 и 15 ноября 1989 г.

Интересно, как попал фазан в город? Как до сих пор жив? Почему только при взлете вертолета он появляется из камыша и сопровождает вертолет в любое светлое время суток и по несколько раз в день?

Ю. ПИШВАНОВ
старший охотвед Управления
охотничьего хозяйства
при Совете Министров
Дагестанской АССР

На учете в Ново-Быховском охотколлективе Быковского района охоты БООР состоит Иван Матвеевич Афонин. Он на пенсии, участник войны. Много лет Иван Матвеевич возглавляет бригаду по отстрелу диких копытных животных, которая считается в районе самой передовой, результа-

тивной. Ежегодно охотники перевыполняют план поставок мяса диких животных в торговую сеть. Но бригада И. М. Афонина занимается не только заготовкой мяса. Она успешно отстреливает волков. Серых хищников уже почти не стало, и все же в 1989 г. уничтожено четыре волка.

Нельзя не упомянуть о поведении И. М. Афонина как бригадира. Он дисциплинирован и строг к членам бригады. Не дай бог, чтобы кто-нибудь на привале выпил чарку хмельного. Этого человека в бригаде уже не будет.

Иван Матвеевич организовал рейдовую бригаду по охране диких копытных, рыбы и пернатой дичи. Бригадир часто обращается к работникам милиции, к руководителям предприятий и организаций о предоставлении транспорта, и никто ему в помощи не отказывает. Браконьеры неоднократно угрожали Ивану Матвеевичу по телефону, но он на угрозы не обращает внимания.

Владимир Лазаревич Медвед — заместитель председателя райохотобщества — верный помощник И. М. Афонину. Эти два неутомимых труженика ведут большую разъяснительную работу среди местного населения, беседуют со школьниками о бережном отношении к природе, о важности проведения биотехнических работ.

За многолетнюю и плодотворную работу Ивану Матвеевичу Афонину присвоено звание «Почетный член БООР». Сейчас И. М. Афонин — член президиума районного и областного совета БООР.

В. АЗАРОВ,
охотник
Могилевская область

Дорогая редакция!
Сейчас по всей стране идет обсуждение Закона о пенсиях. И только журнал может выступить в защиту пенсионеров-охотников. Суть дела такова.

Сотни тысяч охотников-любителей, сезонников берут отпуска, в том числе и без сохранения содержания, и уходят на промысел пушнины. Сдают с большим трудом добытую пушнину за бесценок. В данном случае государство не вкладывает ни копейки в наш тяжелый труд, а получает баснословные барыши. Охотникам же этот заработок не входит ни в оплату больничных листов, ни в отпускные, да похоже, что планируется обойти молчанием этот заработок и при исчислении пенсии. Считаю, что это будет очень большая и обидная социальная несправедливость.

Я думаю, что в Законе о пенсиях необходимо оговорить, что деньги, полученные за добы-

тую пушнину, а возможно, и за другие заготовки, должны плюсоваться к месячному заработку на основной работе без всяких скидок и ограничений.

А. МАКАРОВ
Тернейский район
Приморского края

Здравствуй, уважаемая редакция!

Я учусь в восьмом классе и меня беспокоит сегодняшнее отношение к природе. Еще при Петре I существовал закон, что пахать можно чуть ли не за километр от реки. А что сейчас? Трактора заезжают почти что в реку. Уничтожили все луга, которые находились возле реки, осушили множество болот. Вот поэтому становится все меньше и меньше животных и растений.

У меня папа охотник, и я тоже хочу им стать, но у меня болит душа, что на меня и воробья не останется.

С. ТРИФОНОВ
г. Бузулук
Оренбургской обл.

Уважаемая редакция!
В № 10 за прошлый год было опубликовано письмо старшего научного сотрудника заповедника «Кодры» Л. Чегорки, в котором рассказывалось о трехрогости косули.

Мы с братом в горах нашли погибшего самца косули. Осмотрев его, не увидели никаких пулевых ранений, у косули были необычные рога. Даже бывалые охотники не видели такого. Предлагаю вам фотографию.

Н. АБДРАХМАНОВ
Уйгурский район
Алма-Атинской обл.

«С ветки за ней наблюдает голубой
песец или задиристая белка»
Из статьи «Тайга без выстрела»

ВЕРХОМ НА ЛИСЕ

О. Креймер

...Дикая кошка-манул мчалась верхом на лисе. Видимо, в поисках добычи она слишком далеко удалилась от своей норы и таким необычным способом добиралась к себе домой.

Газета «Казахстанская правда»,
г. Алма-Ата

ЛИСЬЯ ГОРКА

И. Шиманский

Неожиданно на горке появилась лиса. Огненно-рыжая, хвост трубой, уши торчком. Огляделась вокруг — и кубарем с ледяной горки. Минут через пять прибежала еще одна. И тут такое началось, что и представить трудно. Каких только номеров не выкидывали лисы. И на хвостах своих съезжали, и на спинах, и друг на дружке верхом спускались. Лисье веселье продолжалось где-то около часа. Подобное я видел впервые.

...В ту зиму я еще не раз приходил сюда, и лисы по-прежнему прибегали на эту ледяную горку кататься. И каждый раз они удивляли и восхищали своим искусством, своей игрой.

Газета «Находкинский рабочий»,
г. Находка Приморского края

ЗАЯЧЬЯ СВАДЬБА

И. Шиманский

...Вдруг зайцы встали на задние лапки — столбиками. А зайчиха вбежала в середину круга и присела. И вновь зайцы закружились, завертелись, запрыгали.

Они так увлеклись игрой, что ни на что не обращали внимания. И на меня тоже. Заячье веселье еще продолжалось минут десять.

И тут я понял: так это зайцы совершают брачный весенний танец. То была их свадьба.

Там же

ГОСТЬЯ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

П. Кренев

Охотнику, истинному, азартному, дай только волю, выпусти на лесное раздолье, где скачут горячие зайцы да чертит наброды крючкохвостая тяжелая дичь!

Сборник «Схватка», Лениздат

ВЕСЕННИЕ СВАДЬБЫ

Б. Иконников

Известно, что вальдшнепы очень осторожные птицы, ведут скрытный образ жизни. И даже свадебный и брачный ритуалы совершают в туманные вечера.

Я решил создать соответствующую обстановку. Разжег костер, и скоро все мелколесье, словно одеялом, покрыло голубое облако. Солнце еще не скрылось, передо мной открылась сказочная картина: лесные птицы точно с неба свалились, усеяв всю поляну. В какую же стрелять? Несколько десятков пар открыли свой весенний бал. Подскакивая, вытягивая вертикально шейки и обнявшись крыльшками, начали кружиться в вальсе. Вся стая «затанцевала».

Вальс перешел в любовные приседания. Это завораживающее диво продолжалось до темноты. Затем уставшие птицы покинули свое токовище и направились в густой кустарник.

Газета «Пензенская правда»,
г. Пенза

ПЛЫЛ КАБАН ЧЕРЕЗ ВОЛГУ

В. Чарушкин

...Потом разглядели, что Волгу пересекает кабан. Ошибиться было невозможно: голову секач выставил над водой, осклаив свои характерные грозные клыки. Сразу мы заметили, что плывет он не так, как другие дикие звери. Кабан загребал воду не только ногами. Впечатление такое, будто зверя толкал вперед винт, как у моторной лодки.

Пригляделись и ахнули. Кабаный хвост с кисточкой на

конце быстро крутился, подобно винту, создавая тягу. Так секач помогал себе в дальнем и трудном заплыве.

Газета «Северный рабочий»,
г. Ярославль

ТАЕЖНАЯ ТРАГЕДИЯ

В. Илимов

...Опытный глаз и чуткое ухо следопыта знали свое дело и просматривали каждый метр.

...Справа и слева от оставленного телом глухаря следы валялись его крылья, немного дальше — шея и ноги.

— Вот это да,— подумал охотник,— видно, все это мешало хищнику, и он их отгрыз.

...Решение пришло быстро. Он (охотник) несколько раз шаркнул лыжной по деревине и голосом, похожим на собачий лай, гавкнул... Выбравшись из колоды, хищник (а им оказался соболь), видимо, опасаясь собак, быстро забрался на ближайшую сосну и застыл в ожидании...

Газета «Маяк коммунизма»,
г. Иркутск

ГЛУХАРЬ — ПТИЦА РЕДКАЯ

А. Чугунов

Задумался Геннадий Семенович: а что если яйца глухарки перенести в свой обход и подложить в гнездо тетерки? Подобный опыт у лесника уже был, несколько раз он подкладывал куриные яйца в гнездо болотного луня. Лунь успешно выводил цыплят и не трогал их. Эксперимент удался и на этот раз. Четверо из пяти птенцов (глухаря) вывелись, выросли и поднялись на крыло. Но не улетели, а остались на жительство в этих местах.

...Решил побывать вместе с Бочковым летним утром в лесу. Едва засветлело небо, как послышалось сначала щелканье, а потом раздалась глухарина песня, которую ни с чем другим не спутаешь.

Газета «Ульяновская правда»,
г. Ульяновск

Подборку составила Л. ЯГОВКИНА

Редакция благодарит Ю. Ишкулова, С. Афанасьева, М. Калинин, Л. Амелина, Н. Карташова, И. Абрахму, Е. Фокина, А. Суворова, И. Высоцкого и других читателей за помощь в подборке.

ОХОТНИЧЬИ БОЛТОМОХИ

ПЯТНИСТЫЙ ДРЮК

Забайкальский медведь Лохматый, так звали его по причине дикой непричесанности, любил каждое лето приходить из глухой тайги в долину Шилки. Для прокорма и еще какой-то, неведомой нам цели и надобности.

Степан же Андрюк наоборот летом торопился в тайгу, на устье какой-нибудь светлой речки, впадающей в Шилку. Сварить чай с дымом, посидеть у костра, послушать кукушку — Андрюк был суеверным бухгалтером, он измерял свои годы не по длине залысин, а по счету легкомысленной птицы.

Ни Лохматый, ни Степан не знали, какой может быть их встреча — дружественной, как у министров иностранных дел, или не очень — как у боссов сицилийской и неаполитанской мафии... А незнание, как известно всем, ведет к неожиданностям и чудесам.

Вот и получилось: Степан причалил свою лодчонку в устье замечательно прозрачной речки Сосновки, разобрал удочки, принялся таскать ленков, насаживая их на проволочный сдвоек. Штук пятнадцать поймал. И время не стояло — солнце, как раскаленная блесна, зависло над головой, воздух прожарился до сухого треска, даже Шилка задыхалась струйками синевы.

Степан снял и уложил на корму сапоги, рубашку, штаны. Окунулся в воду, выбрался на отмель. Подтянул к берегу лодку, закрепил ее за тальниковый куст бечевкой. Набрал воды в котелок, намереваясь разжечь костер, но рой жирных паутов, как всадники-крестоносцы с подня-

тыми копьями, накинудились на него, всаживая на лету свои жала в спину, плечи, бока. Отмахиваясь от гнуса тальниковой веткой, Степан взобрался на крутой мыс, надеясь, что там протягивает ветер и слепней будет меньше.

Наверху, возле больших сосен, он набрал сушняку, разжег огонь, устроил таганок, присел на валежину. Солнечные блесны ласково переливались в кронах деревьев, кудрявился дым костра, смолистые ветки горели дружно, щелкая веселыми углями в траву. Блаженство, рай земной! Степан Андрюк жмурился, как морж, наконец-то выбравшийся на волю из-под спуда житейских забот.

Внизу, у воды, что-то захлюпало, заплескалось, захрустело. Степан приподнялся с валежины, посмотрел на речку. Возле лодки возился Лохматый, видимо, удивленный неожиданной находкой: на сдвек, спущенном с борта, водили плавниками золотисто-темные ленки, лакомство исключительного вкуса и смака. Лохматый зацепил левой лапой проволоку, поднял рыбу из воды и начал уплетать за обе щеки чужой улов.

Степан Андрюк возмущился.

— Эй! — крикнул он. — Э-эй, ты чо делаешь?

Лохматый вздрогнул, выронил двух-трех ленков, оставшихся на сдвек, заворчал. Поднял морду, понюхал воздух, ударил лапой по лодке — бечевка лопнула, и лодка откатнулась от берега.

— Раскоряка чертова! — заорал Степан, свистнул и запустил в Лохматого огненной головешкой.

Медведь рыкнул, опустился на четыре лапы, скакнул по отдели, развернулся и направился к обидчику. Степан тоже рыкнул, рванул со всех ног мимо костра к толстой сосне, уцепился за нижний сук и, подтвердив теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны, махом вскарабкался на вершину.

Лохматый выкатился на мыс, остановился, опасливо поглядывая на костер. Уткнулся носом в траву, заворчал, двинулся к дереву.

— Го-го-го! — заголосил Степан, засвистел, зафыскал и еще раз обозвал Лохматого не то громилкой, не то голодным студентом сельскохозяйственного института.

Медведь же, как всякий путный зверь на кормежке, два-три раза обошел сосну, цапнул когтями по несъедобной коре и отвалил к центру поляны. Там были старые пни, валежины, среди которых острелились курганчики муравейников. Лохматый начал разгребать их, он урчал и слизывал муравьев горячим языком.

Степан пришел в себя. В общем-то опасность миновала — зверь рано или поздно уберется в тайгу. Вот лодка, видимо, уплыла да... слепни стали злее и беспощаднее. Как ни отмахивался Степан, все же оспины от укусов летучих крестоносцев горели по всему телу. Тогда Степан отыскал на сосновой ветке свежий излом, сочащийся смолой, стал прикладывать капли живицы к местам укуса — жжение и зуд прекратились. Правда, на теле оставались черные пятна, но это можно пережить...

Лохматый, тем временем покончив с муравейниками, неожиданно втянул голову и, крадучись, стал подбираться к большой колодине, лежавшей одним концом на каменном выступе. Степан замер от предчувствия чуда.

Вот Лохматый привстал над колодой, ударил по ней могучими лапами, выдрал гнилой бок. Вот сунул голову в дыру. В ней что-то случилось — не то загудел огромный вентилятор, не то сработал пусковой двигатель ракетной установки. Лохматого подбросило в воздух, и он как бы повис, поддерживаемый снизу черно-желтым жужжащим фонтаном. Наконец медведь согнулся в лохматый ком, фукнул и на полной скорости покатился мимо костра, мимо сосны, на которой сидел Степан Андрюк.

«Дикие осы-шершни!» — догадался бедный рыбак-охотник и, не дожидаясь лютот казни, прыгнул на землю. Лохматый впереди, Степан за ним летели к спасительной воде. Гул, треск и рев разнеслись по всей долине.

В то время, когда Лохматый и Андрюк вырвались на отмель, по Шилке плыл на моторной лодке Тимофей Лон-

шаков, бывалый усть-карский рыбак и охотник, человек, повидавший на своем веку разных чудес и происшествий. Но такого, чтобы черно-пятнистый двуногий, может быть, «чучуна», или лесной человек, гнался за перепуганным медведем, не видывал сам и от других не слышал. Тимофей двинул ручку газа, его моторка вздыбилась и пошла к противоположному берегу. «Господи, пронеси! Господи, помилуй!» — крестился Тимофей.

Медведь поднял белую завесу брызг, плюхнулся в Шилку, поплыл, течение понесло его вниз, и вскоре Лохматый исчез в тальниках ближней протоки. А Степан, присевший по макушку в воду, вскоре убедился, что шершни не преследуют его. Услышал звук моторки и узнал по корпусу лодки хозяина. Привстав из воды, закричал:

— Тимофей, это я!

— Кто ты? — откликнулся Лоншаков, успевший справиться с рулем и теперь разворочивший лодку от берега.

— Андрюк я! Андрюк! — Степан вылез из воды и махал руками. Его черно-пятнистая фигура на фоне реки и зелени береговых зарослей казалась особенно хищной и непонятной. Эхо летало от берега к берегу, отражаясь в скалах:

— ...дрюк я, дрюк... дрюк!

— Не, паря, — пробормотал Лоншаков, — никакого пятнистого дрюка я не знаю. Береженого бог бережет.

Лоншаков прибавил газу и скрылся за поворотом.

Каким образом бедный Степан отыскал свою лодку и как добрался до дому, это нам совсем не интересно. Интересно то, что охотники и рыбаки из Усть-Кары знают теперь, что на Шилке, при впадении реки Сосновки, водится страшный пятнистый дрюк, который не то что человека, самого Лохматого чуть не задрал на глазах Лоншакова. Благо, что медведь умеет быстро плавать, а то бы, паря, беда...

М. ВИШНЯКОВ

В Кирове (ВНИИОЗ) состоялась научно-практическая конференция (семинар) «Итоги и перспективы деятельности охотничьих хозяйств в новых экономических условиях». При ее организации подготовлен сборник докладов и тезисов, включающих следующие разделы:

Пути совершенствования хозяйственного механизма.

Оценка ресурсов и плата за их использование.

Технологические и другие вопросы повышения эффективности использования ресурсов.

Совершенствование деятельности обществ охотников и рыболовов.

Правовые вопросы, охотничий туризм.

Среди авторов директора трестов коопзверопромхозов, ПО, их заместители, специалисты Главохоты, Росохотрыболовсоюза и научные работники.

Сборник объемом 192 стр. распространяется по заявкам организаций. Цена сборника 2 р. 50 к. При необходимости просим заполнить бланк-заказ и выслать его на наш адрес: 610601, г. Киров областной, ул. Энгельса, 79, ВНИИОЗ.

ВНИМАНИЕ!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» не ограничена и принимается во всех отделениях связи до 1-го числа предподписного месяца.

Подписная цена на квартал — 2 р. 40 к.

Цена одного номера — 80 к.

Индекс 70673.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» в розничную продажу не поступает. Рекомендуем читателям заблаговременно подписаться на наш журнал. Обо всех случаях отказа в подписке просим сообщать в редакцию журнала по адресу: 107807, ГСП-2, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.

НА ПРИВАЛЕ

САФОНОВ В. В условиях перестройки	1
Охотничье хозяйство и промысел	
ТОЧИЛОВ О. Хороша ли наша пушнина	2
АСТАФЬЕВ Н., БИБИКОВА В. Это случилось под Белгородом	4
ПОЛЯКОВ О. За разумную экономику	4
РУСАНОВ Я. Этика весенней охоты	6

Наука

РЯБОВ Л. Собаки и волки	9
Охрана природы	

ЛВОВ О. «Малые Курилы»	12
Собаководство	

ВЛАСОВ Н. Любовь к питомцу — могучий рычаг воспитания	14
БАУМАН Р., ГРИГОРЬЕВ В. Возродить универсальность легавых	16
ИОАНЕСЯН А. Межреспубликанские состязания Молодому охотнику	16

ВАРЛАМОВ Г. Воспитание подсадных уток	18
--	----

Оружие и снаряжение

БАБКИН В. Охотничье самозарядное. МЦ21: эксплуатация и уход	20
СУХОВ В. По тарелочкам — с лодки	22
Доработка металлических гильз	23

Литературные страницы

ЧЕРНЫШЕВ Вадим. Прощание	26
ГОРЕЛОВ Ю. «Слово о собаке»	29
ОНЕГОВ Анатолий. Последний глухарь	30
ЯНКОВСКИЙ Валерий. Мой отец Юрий Янковский	34
ЯНКОВСКИЙ Ю. На волосок от смерти. Приключение с медведем	36

За рубежом

ЖИВОТЧЕНКО В. Охота с ловчими птицами	39
Письма читателей	44
На прилавке	46

ПОПРАВКА

В номере 3 журнала на стр. 6 в таблице следует читать: «Среднегодовые закупки, стр. штук».

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, С. В. Болденков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **В. А. Галактионов, В. Д. Голованов, В. И. Животченко, Д. В. Житенёв** (зам. главного редактора), **А. М. Колосов, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, А. А. Севастьянов, И. Б. Шишкин, А. А. Улитин, С. М. Успенский, Ю. П. Язан**

Художественно-технический редактор В. И. Просвирина
Корректор И. А. Верхотурова

Сдано в набор 09.02.90. Подписано к печати 28.02.90. Т-00997. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага для глуб. печ. Печать глубокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр. отт. 10,08. Уч.-изд. л. 8,75. Тираж 967 210 экз. Заказ 171. Цена 80 к.

Адрес редакции: 108807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.
Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного Комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области

БЕЛОЛОБЫЙ ГУСЬ (казарка, белолобая казарка). В отличие от других «серых» гусей у белолобого хвост выступает из-под концов сложенных крыльев. Окраска оперения взрослой птицы в основном серая, более светлая снизу, цвет подхвостья — белый. На лбу белое пятно (не заходит на темя), окруженное темной каймой. На животе у половозрелых птиц большие поперечные черные пестрины. Клюв белолобого гуся (длина 40—56 мм) розоватый с белым коготком на конце, ноги оранжевые. У молодых птиц белого пятна на лбу нет, а темные пестрины на животе мелкие, клюв желтовато-серый со светло-серым коготком. Пуховые птенцы белолобых гусей сверху серовато-бурые, снизу серовато-желтые. Длина тела этого гуся 60—80 см, вес 2—3,5 кг.

Белолобый гусь меньше, чем гуменник, связан с водой и менее осторожен. Мне неоднократно приходилось видеть, как стаи холостых или линных птиц подходили к палаткам, к сидящим людям буквально на несколько метров. Близко подпускают к себе человека и насиживающие гусыни. Голос белолобого гуся высокий, резкий, двух- или трехсложный крик «клинг-клинг» или «кленг-кленг».

На места гнездовий белолобые гуси начинают прилетать с середины мая, хотя на севере гнездовой области и в горных районах они появляются лишь в первой половине июня. Улетают в конце августа — сентябре.

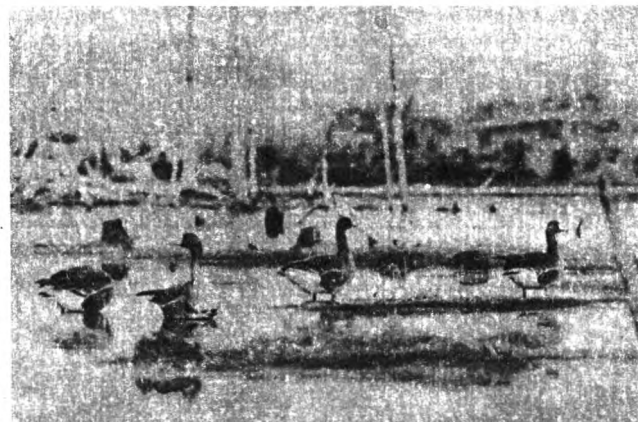
На гнездовьях белолобые гуси широко распространены в материковых тундрах и лесотундрах, а также на некоторых арктических островах как в СССР, так и за его пределами, в том числе в Северной Америке. Основные очаги концентрации птиц на гнездовьях и линьке располагаются на Южном острове Новой Земли, на севере Ямала, западном Таймыре. Зимуют эти гуси в Азербайджане, в Средней Азии, на юге Украины, а также в странах Западной Европы, Передней и Юго-Восточной Азии.

Характерные летние местообитания белолобых гусей — относительно сухие, часто водораздельные участки тундр. Особенно охотно они гнездятся, нередко по несколько пар вместе, по склонам речных долин и озерных котловин. Как и другие виды гусей белолобые нередко прибегают к защите пернатых хищников и устраивают свои гнезда вблизи гнезд соколов-сапсанов или мохноногих канюков.

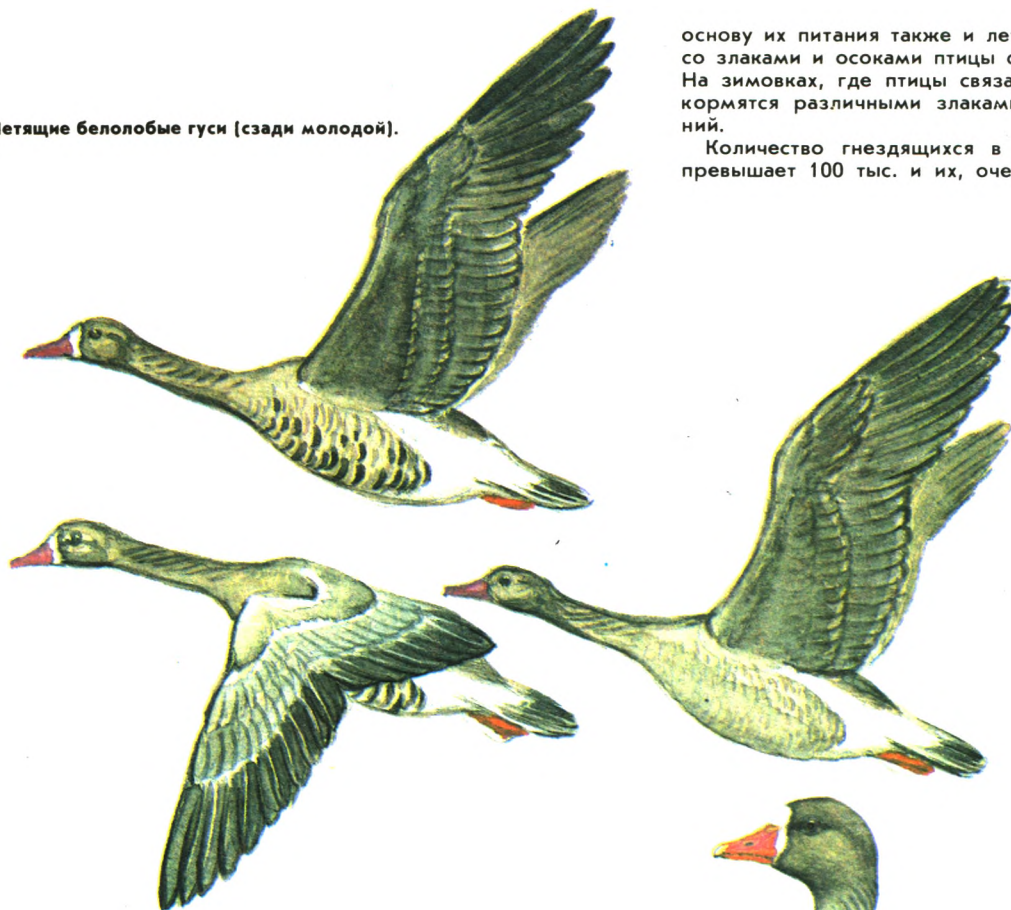
После прилета белолобые гуси держатся парами и небольшими стайками и первое время кочуют по тундре, не придерживаясь определенных участков, а к постройке гнезд приступают в первой половине — середине июня, после начала интенсивного таяния снега. Гнезда они устраивают на кочках, буграх, с началом насиживания устилают их пухом. Кладка белолобых гусей состоит из 3—7, а чаще всего из 5 белых с легким желтоватым оттенком яиц.

Белолобые гуси на разливе.

Фото В. Михайлова

Летающие белолобые гуси (сзади молодой).

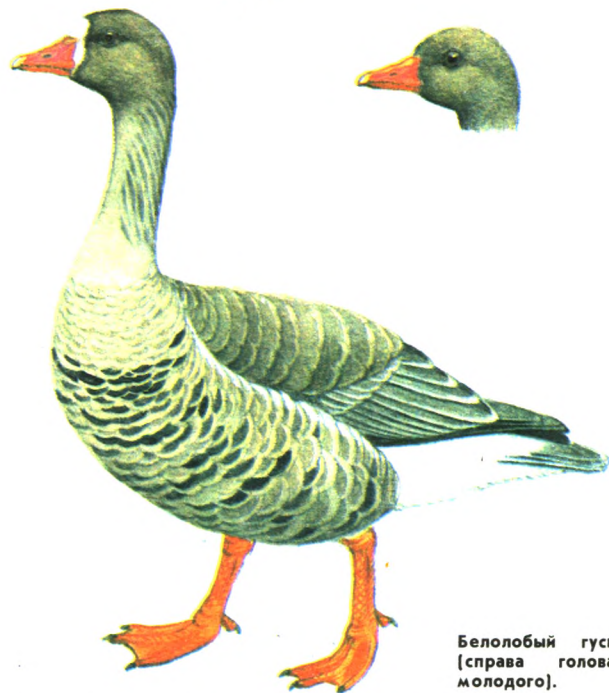
основу их питания также и летом. Во время линьки наряду со злаками и осоками птицы охотно поедают также хвощи. На зимовках, где птицы связаны в основном с сушей, они кормятся различными злаками и семенами многих растений.

Количество гнездящихся в СССР пар белолобых гусей превышает 100 тыс. и их, очевидно, можно считать самым

Когда выведутся птенцы, семьи этих гусей группируются в стаи и перемещаются на более влажные участки — на низменные берега рек и озер с хорошей травянистой растительностью.

Неполовозрелые и холостые белолобые гуси начинают линять во второй половине июля и к середине августа уже становятся летными. Размножавшиеся птицы приступают к линьке в начале августа и заканчивают ее в двадцатых числах этого же месяца, одновременно с подъемом на крыло молодых. Окончательно молодые птицы перелинивают уже на зимовках.

Весной на тундрах белолобые гуси кормятся, главным образом, осоками, злаками, пушицей. Пушица составляет

Белолобый гусь (справа голова молодого).

многочисленным видом гусей в нашей стране. Наряду с гуменником, белолобый гусь относится к числу основных охотничьих видов гусей.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

Рисунки С. Чернетского

Гнездовой ареал белолобого гуся.

